

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ФИЛОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЯ

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 4 / 2020

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN MRSU

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. – д.псих.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения); Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Феофанов К.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Штоль В.В. – д.пол.н., проф., Центрально-Европейский университет в Скалице (Словакия).

Раздел «Психология»

Бауэр Елена Анатольевна – д. псих. н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д. псих. н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Носс И.Н. – д.псих.н., проф., Московский государственный областной университет;

Скрипкина Т.П. – д.псих.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд. псих.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псих.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Толстикова С.Н. – д.псих.н., доц., Московский городской педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псих.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Сипко Йосеф – к.филол.н., доктор, проф., Прешовский университет (Словакия);

УДК 329

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю.*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, (ГСП-3), Российская Федерация**Московский педагогический государственный университет
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация***Карзубов Д. Н.***Управление социальной защиты населения Северо-Западного административного округа города Москвы
123298, г. Москва, ул. Маршала Бирюзова, д. 10к1, Российская Федерация*

ЦИФРОВЫЕ СООБЩЕСТВА ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ В РОССИИ: ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление базовых типов управления цифровых сообществ гражданских активистов в социальных медиа.

Процедуры и методы. Для установления плотности связей цифровых групп, репрезентирующих маркеры гражданского активизма в социальной сети ВКонтакте, используется граф связей, построенный на основании выгрузки, осуществлённой парсинговой программой. Программа написана на языке программирования JavaScript, интерпретируется внутри nodejs. Визуальная часть выполнена с применением плагина jquery VisJS, на графе применён распределённый метод Вогеля. Исследовательские кейсы (цифровые сообщества гражданского активизма) для анализа социальных графов были отобраны с учётом их соответствия теме исследования, наличия в выборке формальных и неформальных групп; большого охвата молодёжной пользовательской аудитории (от тысячи до нескольких десятков тысяч подписчиков – представителей молодёжи РФ).

Результаты. В социально-медийных информационных потоках, в которые вовлечены гражданские активисты, наибольшим потенциалом оппозиционности и неконвенциональности обладают дискурсивные практики, формируемые в онлайн-сообществах политической направленности. Среди дискурсов гражданского толка в наибольшей степени критичным по отношению к действующей власти является экологический дискурс.

Практическая значимость результатов исследования заключается в расширении методов и инструментов прикладных политических исследований в сфере поведенческой политологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Цифровые сообщества, социальные медиа, цифровые коммуникации, гражданский активизм, политический активизм, лидеры общественного мнения, микролидеры, топикстартеры, мобилизационный потенциал, протестный потенциал

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Методика исследования](#)[Основные результаты исследования](#)[Выводы](#)

E. Brodovskaya, A. Dombrovskaya

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradsky prospekt, GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation*

Moscow Pedagogical State University

1 str. 1 ul. Malaya Pirogovskaya, Moscow 119991, Russian Federation

D. Karzubov

Social Care Department

at the North-Western Administrative District of Moscow

10k1 ul. Marshal Biryuzova, Moscow 123298, Russian Federation

DIGITAL COMMUNITIES OF CIVIL AND POLITICAL ACTIVISTS IN RUSSIA: INTEGRATION, GOVERNANCE AND MOBILIZATION POTENTIAL

ABSTRACT

Aim. Identification the basic types of governance in digital communities of civic activists in social media.

Methodology. To establish the density of connections between digital groups representing markers of civic activism in the VKontakte social network, a graph of connections is used, built on the basis of an upload carried out by a parsing program. The program is written in the JavaScript programming language, interpreted inside nodejs. The visual part is made using the jquery VisJS plugin, the Vogel distributed method is applied on the graph. Research cases (digital communities of civic activism) for the analysis of social graphs were selected taking into account their relevance to the research topic, the presence of formal and informal groups in the sample; large coverage of young users (from a thousand to several tens of thousands of subscribers - representatives of the Russian Federation youth).

Results. In socio-media information flows, in which civic activists are involved, discursive practices formed in online communities of a political orientation have the greatest potential for opposition and non-conventionality. Among the civil discourses, environmental discourse is the most critical in relation to the current authorities.

Research implications. The research results can help to expand the methods and tools of applied political research in the field of behavioral political science.

KEYWORDS

Digital groups, social media, digital communications, civic activism, political activism, opinion leaders, microleaders, topic starters, mobilization potential, protest potential

ACKNOWLEDGMENTS

The article is based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ВВЕДЕНИЕ

Цифровой активизм или киберактивизм является одной из форм гражданской активности, которая использует цифровые коммуникации в качестве платформ для массовой мобилизации и политических действий. Перво-

начально с распространением интернета онлайн-активисты использовали его в качестве средства распространения информации, учитывая его возможность мгновенно охватывать массовую аудиторию в мировом безграничном пространстве коммуникаций. Цифровой активизм использовал интернет как место организации протеста, которое отражает и усиливает офлайн-демонстрации. Некоторые формы цифрового активизма: распространение информации через электронную почту кампании в социальных сетях, виртуальные сидячие забастовки и хактивизм (взлом сайтов). Виртуальная сидячая забастовка – тактика, используемая интернет-активистами, чтобы подавить трафик веб-сайта, блокируя его работу. Во время виртуальной сидячей забастовки участники, совершая атаку, пытаются одновременно получить доступ к определённому веб-сайту через компьютеры, результирующая перегрузка в трафике веб-сайта замедляет производительность сервера или выключает его. Цифровой активизм стал мощным средством массовой политической мобилизации и предоставляет новые способы вовлечения протестующих. Различные цифровые тактики предполагают разнообразное использование электронных сетей. Текстовые практики включают в себя кампании по электронной почте, текстовые сообщения, веб-публикации и онлайн-петиции. Социальные медиа позволяют им достичь своих пропагандистских и организационных целей в рамках целого ряда конкретных мероприятий [11].

Некоторые зарубежные исследователи предметно рассматривают влияние социальных сетей на активность студенческой молодёжи. С одной стороны, социальные сети способствуют повышению активности, а с другой – приводят к появлению распространённых онлайн-форм политически неэффективного активизма. При этом исследователи утверждают, что различие между slackтивизмом и активизмом становится всё более размытым [7].

Д. Эрл, Т. Махер и Т. Эллиот отмечают, что многие формируют молодёжное участие через модель «дефицита молодёжи», которая предполагает, что взрослые должны политически социализировать молодёжь. Однако другие утверждают, что молодые люди политически активны и активно участвуют в своей собственной политической социализации, что очевидно при рассмотрении участия молодёжи в протесте, политике участия и других формах неинституционализированного политического участия. Кроме того, исследователи социальных движений уже давно задокументировали важность молодёжи для крупных социальных движений [8].

Исследователи определяют *цифровой активизм* как социальный активизм, опосредованный цифровыми коммуникациями [5; 14]. Одни ранее предполагали, что цифровой активизм практически не отличается от традиционных гражданских и политических действий [9]. Другие высказывали предположение, что широкое распространение политической информации в интернете не меняет политику, а лишь «отражает и укрепляет статус-кво»

[10]. Третьи сомневались в ценности политических сайтов и открытой информации [6]. Только более поздние исследования показали, что цифровой активизм существенно отличается от традиционного [4; 14; 16].

Исследователи отмечают ряд различий между традиционным и цифровым активизмом. Одно из различий между коллективными и связующими действиями заключается в том, как участники соотносятся с ценностями общественного движения. В традиционных коллективных действиях участники руководствуются принципами общественного движения. Другое различие состоит в том, что предыдущий активизм сильно зависел от количества участников, в то время как меньшее количество цифровых активистов может оказать существенное воздействие за счёт эффективного применения цифровых технологий [15, р. 289–306.]. Одним из отличий также является возраст участников. Если раньше уровень участия увеличивался по мере взросления, лишь немногие молодые граждане баллотировались на должности и организовывали кампании, то сейчас происходит обратное, поскольку молодые люди, как правило, имеют более высокие технические навыки необходимые для более высоких уровней цифрового активизма [12]. Некоторые исследователи отмечают, что в случае цифровой активности по сравнению с традиционной активностью значительно расширяются возможности для продвижения маргиналов [13].

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для установления плотности связей цифровых групп, репрезентирующих маркеры гражданского активизма в социальных сетях, используется граф связей, построенный на основании выгрузки, осуществлённой парсинговой программой (авторское ПО), методологические основы данного метода представлены в научных публикациях И. А. Ерохина, В. В. Подколзина [2], Н. В. Калашникова [3], И. В. Василенко [1].

Программа написана на языке программирования JavaScript, интерпретируется внутри nodejs. Визуальная часть выполнена с применением плагина jquery VisJS на графе применён распределённый метод Вогеля.

Исследовательские кейсы (цифровые сообщества гражданского активизма) для анализа социальных графов были отобраны с учётом их соответствия теме исследования, наличия в выборке формальных и неформальных групп; большого охвата молодёжной пользовательской аудитории (от тысячи до нескольких десятков тысяч подписчиков – представителей молодёжи РФ).

По результатам пилотажного исследования выявлены наиболее влиятельные группы, репрезентирующие маркеры гражданского активизма (и политического как составной части гражданского активизма) российской молодёжи и релевантные теме исследования – объекты анализа социальных графов:

<https://vk.com/vmgere> – «Молодая гвардия»

<https://vk.com/kremlin.rf> – «РФ. Кремль»

<https://vk.com/molodejldpr> – «Молодежь ЛДПР»

<https://vk.com/ostpol> – «Острая политика»
<https://vk.com/politicsclub1> – «Политика»
<https://vk.com/ntpolitika> – «Нетипичная политика»
<https://vk.com/politicalbooksion> – «Political Science Lab»
https://vk.com/ug_polit – «Угарная политика»
<https://vk.com/politkach> – «Политкач»
https://vk.com/wall-23977193_226189 – «Политика Путина»
<https://vk.com/polincor> – «Politically Incorrect»
<https://vk.com/consultschool> – «Школа политического консалтинга»
<https://vk.com/club85806349> – «Политические мемы»
<https://vk.com/asylumintheus> – «Политическое убежище в США»
https://vk.com/politics_today – «Политика сегодня»
https://vk.com/rp_ranepa – «Реальная политика»
https://vk.com/rus_eco – «Экология России»
https://vk.com/ob_deti – «Общие дети. Благотворительность для сирот»
<https://vk.com/ezpzj27> – «Экология. Защита природы. Защита животных»
https://vk.com/find_pbg – «Помощь бездомным животным»
https://vk.com/pomogi_piter – «Помощь пожилым и инвалидам»
<https://vk.com/propravacheloveka> – «Права человека»
<https://vk.com/club18020482> – «Помощь всем нуждающимся»
<https://vk.com/ecozooru> – «Экология человека – защита животных»
<https://vk.com/club18433525> – «Защита животных на территории РФ»
<https://vk.com/blagmarafon> – «Благотворительный марафон»
<https://vk.com/charity> – «Благотворительность ВКонтакте»
<https://vk.com/bfmarafondobra> – «Марафон добра»
<https://vk.com/vsezapobedu> – «Волонтеры Победы»
<https://vk.com/avcrf> – «Ассоциация волонтерских центров»

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе изучения и интерпретации характеристик социальных графов были отобраны наиболее показательные структуры взаимосвязей конвенциональных и неконвенциональных цифровых сообществ, отражающих гражданскую и политическую активность российской молодёжи.

Среди конвенциональных онлайн-групп политического толка вначале анализируем сообщество «Кремль РФ». На рисунке 1 представлен его граф. Наличие огромного числа светлых шарообразных скоплений точек, означающих аккаунты подписчиков – участников, свидетельствует о преобладании горизонтального типа связей внутри сообщества, существовании большого количества микролидеров и топикстартеров. В данной онлайн-группе нет единого «центра управления».

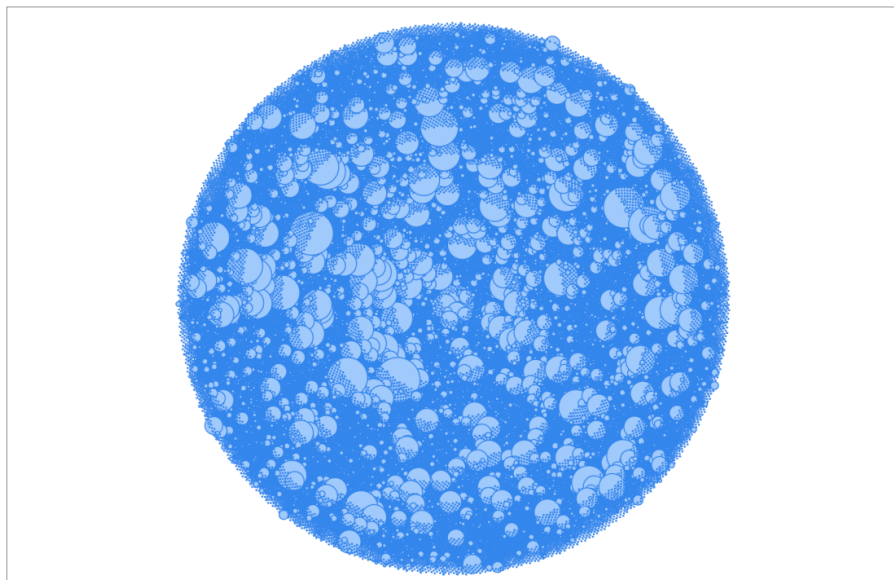

Рис. 1 / Fig. 1. Социальный граф сообщества «Кремль РФ» / Social graph of the "Kremlin RF" community

Источник: Кремль РФ // ВКонтакте. URL: <https://vk.kremlin.rf> (дата обращения: 20.07.2020).

Кроме того, присутствие на отображении социального графа довольно объёмной площади тёмного пространства означает достаточно существенную распространённость в этом сообществе подписчиков, выключённых или дистанцированных от активных взаимодействий внутри группы, демонстрирующих зрительную, стороннюю позицию и воспринимающих контент сообщества с позиций «стендовых объявлений». Данная проблема ведения конструктивных по отношению к действующей власти цифровых сообществ является общей для многих онлайн-групп, ставящих целью привлечь интерес и активизировать деятельную позицию пользователей в отношении конвенционального взаимодействия с органами власти.

В таблице 1 представлены базовые характеристики анализируемого сообщества.

Таблица 1 / Table 1

Показатели графа сообщества «Кремль РФ» / Indicators of the "Kremlin RF" community graph

Количество пользователей в группе	68546
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	24294
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	617

Источник: Кремль РФ // ВКонтакте. URL: <https://vk.kremlin.rf> (дата обращения: 20.07.2020).

Таблица 1 подтверждает особенность подобного типа онлайн-сообществ: отсутствие центральной лидерской фигуры, охватывающей ценностным воздействием основную массу подписчиков. Даже наиболее «влиятельный» микролидер покрывает своим воздействием лишь 0,9% от всей численности группы. Вкупе с малой пользовательской активностью и низким резонансом по отношению к публикуемому контенту данное сообщество не может быть рассмотрено как потенциально эффективная платформа мобилизации конвенциональных, конструктивных установок российской молодёжи по отношению к действующей власти.

Существенно иной тип связей внутри сообщества политического толка представляет собой социальный граф онлайн сообщества «Молодежь ЛДПР» (см. рис. 2). Сама конструкция сообщества отражает высокую степень сплочённости участников группы, существование интенсивной консолидированной коммуникации вокруг дискурсивных практик лидеров мнений сообщества. Несмотря на сходное с предыдущим сообществом (рис. 1) существование большого числа микрогрупп сообщество «Молодежь ЛДПР» имеет существенно более плотные связи между подгруппами (рис. 2).

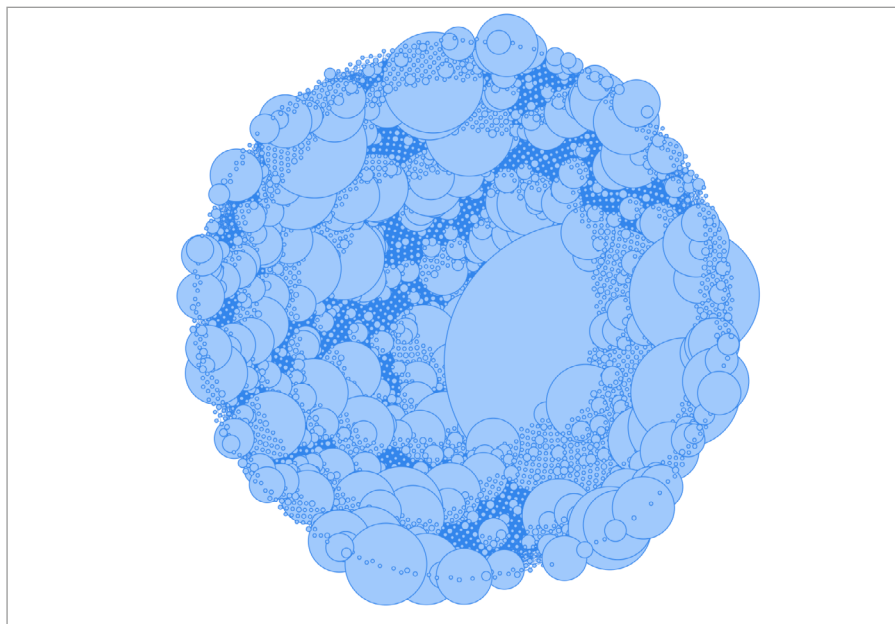

Рис. 2 / Fig. 2. Социальный граф сообщества «Молодежь ЛДПР» / Social graph of the community “Youth of the Liberal Democratic Party”

Источник: Молодежь ЛДПР // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/molodejldpr> (дата обращения: 20.07.2020).

Анализ числовых параметров онлайн группы показан в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Показатели графа сообщества «Молодежь ЛДПР» / Indicators of the community graph "Youth of the Liberal Democratic Party"

Количество пользователей в группе	13142
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	4504
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	1189

Источник: Молодежь ЛДПР // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/molodejldpr> (дата обращения: 20.07.2020).

Заслуживает внимания тот факт, что при довольно значительном объёме пользовательской аудитории лидерам сообщества удаётся консолидировать участников и обеспечивать высокий уровень их сплочённости.

Говоря о проценте открытости профилей, следует указать на его относительно высокий показатель (более трети участников сообщества не закрывают свои аккаунты). Это можно объяснить тем, что ЛДПР относится к числу парламентских политических партий и относится к системной оппозиции, придерживающейся конструктивного отношения к действующей власти. Формируемые в данной группе дискурсы не относятся к числу деструктивных и тем более радикалистских, что может предопределять отсутствие установок существенной части подписчиков сообщества на закрытие своего профиля.

Особый интерес представляет значительный показатель максимального количества связей в группе у одного пользователя (1189). Это служит эмпирическим свидетельством связности, сплочённости, консолидированности сообщества, показателем эффективности технологий ведения этой онлайн-группы.

Сравнение данных, полученных с помощью авторской программы – приложения ВКонтакте, – и изучения содержания постов группы, позволяет заключить:

- в группе большое число микролидеров – 136 человек (пользователи с наибольшим количеством друзей в группе и подтверждённым статусом реального человека) из них более половины имеют несколько тысяч плотных связей внутри группы и служат, таким образом, ключевыми драйверами группы;

- группа демонстрирует высокие показатели пользовательской активности (количество комментариев, лайков и репостов);

- мобилизационный потенциал данной группы довольно высок, группа характеризуется наличием благоприятного социально-психологического климата для конструирования политических установок.

Особый интерес представляют социальные графы цифровых сообществ неконвенционального характера, размещающих критический по отношению

к действующей власти контент, демонстрирующих протестную позицию и нацеленных на снижение доверия действующей власти.

На рисунке 3 представлен социальный граф сообщества «Политическое убежище в США»¹.

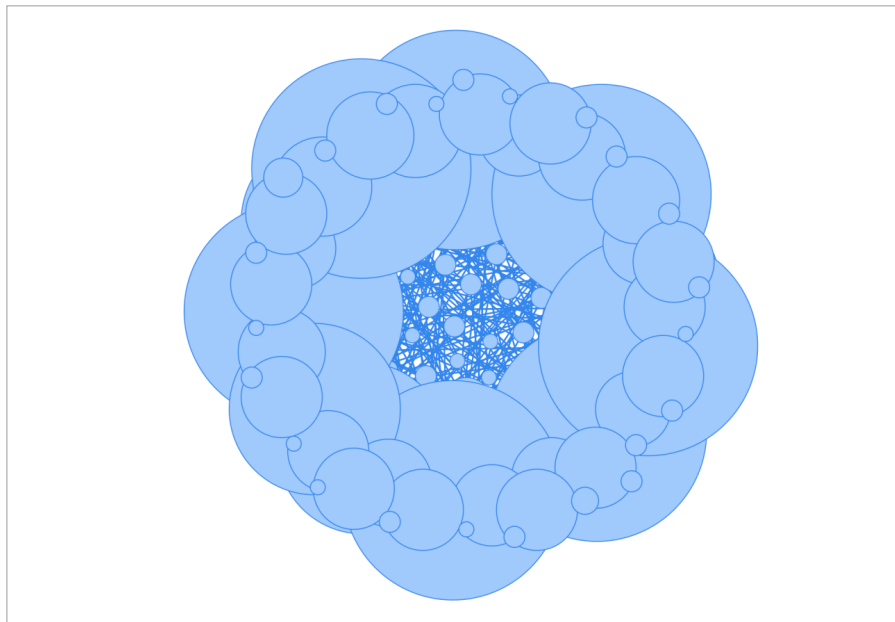

Рис. 3 / Fig. 3. Социальный граф «Политическое убежище в США» / Social graph "Political asylum in the USA"

Источник: Политическое убежище в США // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/asylumintheus> (дата обращения: 20.07.2020).

Рисунок 3 показывает особенности структуры связей внутри данной группы, имеющей явно выраженные миграционные установки. И, хотя в сообществе в целом мало прямой критики в отношении российской власти, обсуждаемые темы косвенно отражают идею «невозможности жить в России, строить карьеру, работать, растить детей», а основная нить диалогов касается способов преодолеть сложности миграции в США.

На рисунке 3 видны зоны рассеянных связей по краям графа, означающих микрогруппы, внутри которых взаимодействие слабое, но регулярное. В центре графа – сектор наиболее активных микрогрупп, формирующих повестку и определяющих характер пользовательского резонанса в отношении контента сообщества.

¹ Политическое убежище в США // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/asylumintheus> (дата обращения: 20.07.2020).

В таблице 3 приведены ключевые черты графа данной онлайн-группы.

Таблица 3 / Table 3

Показатели графа «Политическое убежище в США» / Indicators of the graph "Political asylum in the USA"

Количество пользователей в группе	1804
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	109
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	34

Источник: Политическое убежище в США // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/asylumintheus> (дата обращения: 20.07.2020).

В соответствии с данными таблицы 3, сообщество отличается 2 особенностями:

- экстремально низкая доля открытых профилей (6% от общего числа подписчиков онлайн-группы);
- относительно высокий уровень охвата аудитории микролидерами группы.

Статистические характеристики сообщества «Политическое убежище в США» указывают на особый тип онлайн-группы, отличный от предыдущих: довольно небольшое количество участников сочетается с более весомым числом микрогрупп внутри графа сообщества, относительно большим покрытием пользователей одним микролидером (для сравнения: самый влиятельный микролидер сообщества «Политическое убежище в США» имеет вдвое большую социальную зону активного взаимодействия в сравнении с наиболее влиятельным микролидером группы «Кремль РФ»: 1,8% на 0,9% от численности этих сообществ).

Другое характерное качество данной онлайн-группы – предельная закрытость профилей участников данного сообщества (94% аккаунтов) свидетельствует о критическом отношении владельцев данных профилей к действующей власти и, очевидно, о неконвенциональном характере контента на страницах своих аккаунтов.

Сообщества подобного типа обладают средним потенциалом мобилизации гражданских и политических установок, однако, их относительно небольшая численность не позволит объять воздействием значительные по объёму группы пользователей.

Ещё одно онлайн-сообщество критической по отношению к органам власти направленности, выражающейся в ироническом, реже – саркастическом взгляде на политические решения – «Политические мемы»² (рис. 4).

² Политические мемы // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club85806349> (дата обращения: 20.07.2020).

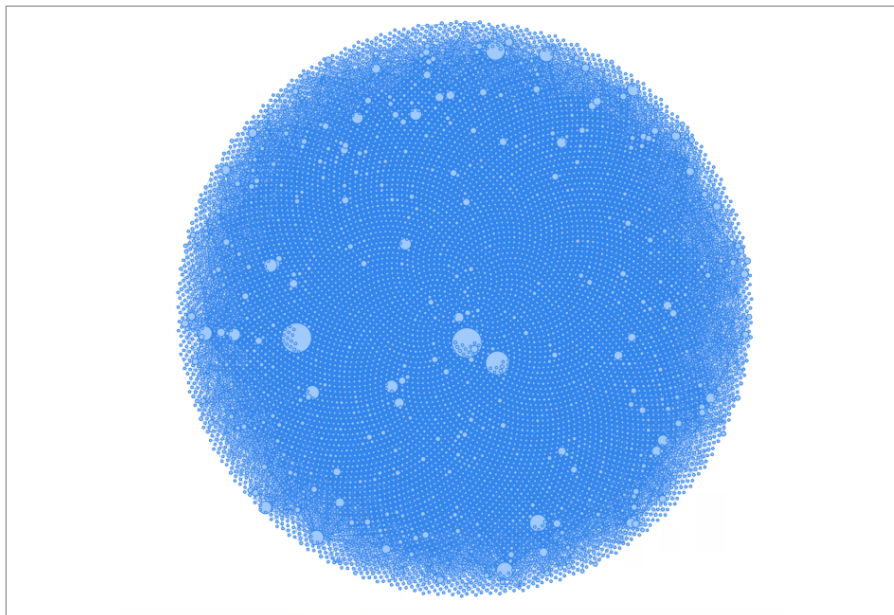

Рис. 4 / Fig. 4. Социальный граф сообщества «Политические мемы» / Social graph of the community “Political memes”

Источник: Политические мемы // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club85806349> (дата обращения: 20.07.2020).

Социальный граф данной группы – пример доминанты горизонтальных связей и рассредоточенности основного состава сообщества. Вместе с тем, наряду с такой «социальной рассеянностью», низкой плотностью связей, на графе присутствует небольшое число уплотнений – микрогрупп с высокой пользовательской активностью. В целом такой тип цифровых сообществ является собой классический пример «онлайн-доски объявлений» с относительно незначительным числом инициаторов новых тем и обсуждений.

В таблице 4 представлена базовая статистика графа этой группы.

Таблица 4 / Table 4

Показатели графа сообщества «Политические мемы» / Indicators of the community graph “Political memes”

Количество пользователей в группе	24900
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	7801
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	160

Источник: Политические мемы // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club85806349> (дата обращения: 20.07.2020).

Группа характеризуется в целом большой степенью закрытости профилей, однако, этот уровень укладывается в медиальные показатели в среднем по всем исследуемым кейсам (68,7% закрытых профилей) и низкой охваченностью аудитории микролидерами – наиболее влиятельный из них имеет охват лишь в 0,6% от численности сообщества.

Таким образом, цифровые сообщества наподобие «Политических мемов» обладают низким потенциалом мобилизации пользовательской активности. Это, скорее, площадки зрительского интереса, не претендующие на изменение поведенческих характеристик своих участников.

Такие типы связей демонстрирует широкий ряд онлайн-групп критической по отношению к власти направленности. Среди таких показательных примеров рассмотрим граф сообщества «Острая политика»³ (рис. 5).

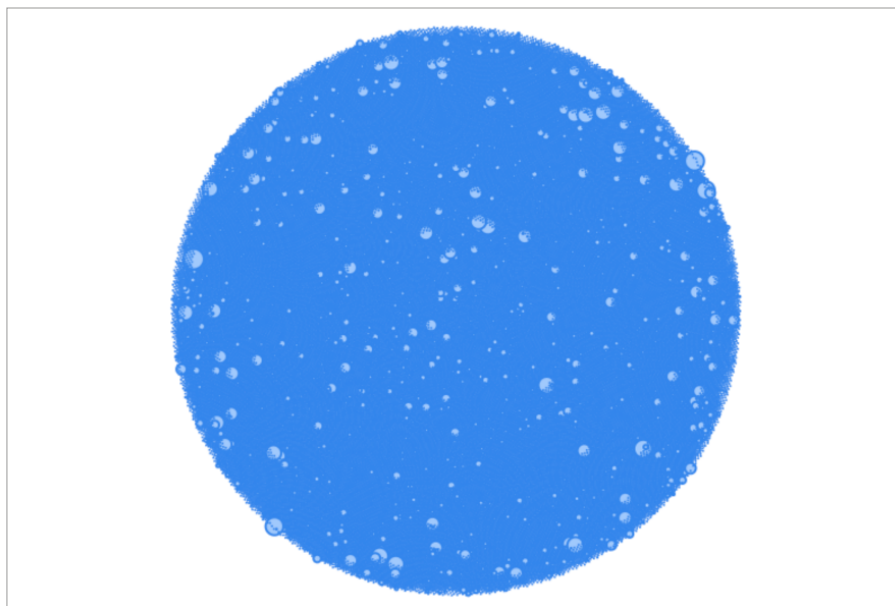

Рис. 5 / Fig. 5. Социальный граф сообщества «Острая политика» / Social graph of the Sharp Politics community

Источник: Острая политика // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ostpol> (дата обращения: 20.07.2020).

На фоне общих с предыдущим проанализированным графом особенностей структуры взаимосвязей в социальном графе группы «Острая политика» явно выделяется обилие микрогрупп. При общей тенденции рассеянной, пассивной интеракции, существует огромное число небольших по размеру групп, внутри которых – регулярное и интенсивное взаимодействие.

³ Острая политика // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ostpol> (дата обращения: 20.07.2020).

В таблице 5 показана основная статистика графа.

Таблица 5 / Table 5

Показатели графа сообщества «Острая политика» / Indicators of the community graph "Sharp politics"

Количество пользователей в группе	76552
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	27973
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	304

Источник: Острая политика // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ostpol> (дата обращения: 20.07.2020).

Согласно представленным в таблице 5 данным, анализируемое сообщество отличается значительной аудиторией пользователей, относительно высокой степенью открытости аккаунтов (37%), что вшестеро больше, чем уровень открытости сообщества «Политическое убежище в США»⁴; низким охватом пользовательской аудитории микролидерами (наиболее влиятельный микролидер взаимодействует лишь с 0,4% участников всего сообщества).

Резюмируя интерпретацию графа онлайн группы «Острая политика», отметим, что относительно большая численность этого сообщества может свидетельствовать о проявлении российской молодёжью широкого интереса в отношении иронических политических мемов, критически ориентированных по отношению к решениям власти и политической жизни страны, однако плотность связей и тип управления данным и подобными сообществами не позволяют их рассматривать как активные мобилизационные площадки.

Несколько более выраженным механизмом мотивационного воздействия располагает цифровое сообщество «Politically Incorrect»⁵. Контент этой онлайн группы нельзя назвать остро антиправительственным, однако ирония в отношении политической жизни России и её геополитической стратегии явно прослеживается. На рисунке 6 отображён социальный граф этого сообщества. При всём сходстве с двумя предыдущими графами, несомненным отличием этой модели связей служит относительно более весомый объём микрогрупп анализируемого онлайн сообщества. В верхнем правом условном квадранте графа заметна сложносоставная микрогруппа активных взаимодействий с ещё более плотными связями и интенсивностью пользовательской деятельности внутри самой микрогруппы.

⁴ Политическое убежище в США // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/asylumtheus> (дата обращения: 20.07.2020).

⁵Politically Incorrect // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/polincor> (дата обращения: 20.07.2020).

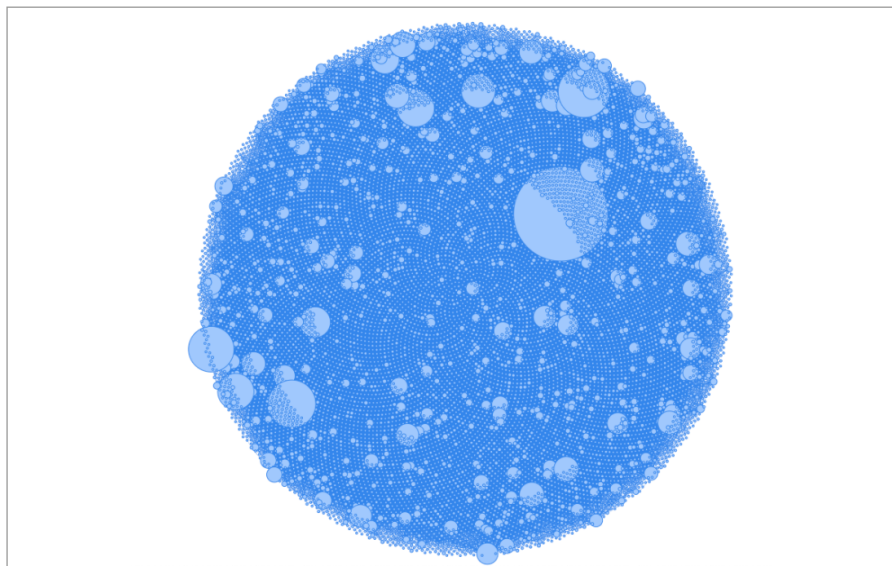

Рис. 6 / Fig. 6. Социальный граф сообщества «Politically Incorrect» / Social graph of the community “Politically Incorrect”

Источник: Politically Incorrect // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/polincor> (дата обращения: 20.07.2020).

Исходя из статистики графа (табл. 6), сообщество отличается относительно невысоким объёмом пользовательской аудитории при сравнительно большом охвате участников микролидерами (наиболее влиятельный микролидер покрывает 3,0% подписчиков, что почти втрое больше, чем пользовательский охват микролидеров таких конвенциональных сообществ, как «Кремль.РФ»).

Таблица 6 / Table 6

Показатели сообщества «Politically Incorrect» / Indicators of “Politically Incorrect” community

Количество пользователей в группе	23267
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	11514
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	689

Источник: Politically Incorrect // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/polincor> (дата обращения: 20.07.2020).

Исходя из данных графа и его базовых статистик, следует сделать вывод о существовании некоторого потенциала мобилизации пользовательских настроений в сообществах анализируемого типа. В данной конкрет-

ной онлайн-группе контент не обладает высокой социальной опасностью, однако, его изменение в сторону повышения степени деконструктивности может означать потенциальное повышение неконвенциональной активности пользователей, находящихся в ядре наиболее плотных микрогрупп данного сообщества.

Следующая группа графов – структуры взаимосвязей внутри сообществ гражданской направленности.

Типичный пример взаимосвязей внутри социально-конструктивной цифровой группы – социальный граф сообщества «Помощь всем нуждающимся»⁶. Ниже представлен граф связей указанной группы (рис. 7).

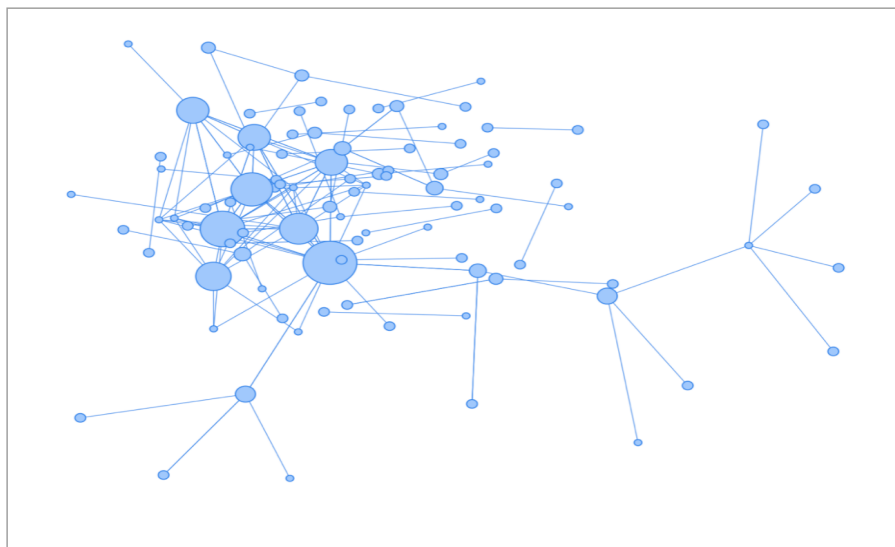

Рис. 7 / Fig. 7. Граф группы «Помощь всем нуждающимся» / Graph of the “Help to all those in need” group

Источник: Помощь всем нуждающимся // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club18020482> (дата обращения: 21.07.2020).

Точки на графе означают пользователей, скопление точек в виде кругов – микрогруппы внутри сообщества, линии показывают связи внутри цифровой группы.

Анализируя количественные показатели графа группы (табл. 7), отметим, что данное релевантное предмету исследования цифровое сообщество в значительной степени открыто, то есть доминирующая доля подписчиков имеют открытые аккаунты. Это свидетельствует об отсутствии явных

⁶ Помощь всем нуждающимся // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club18020482> (дата обращения: 21.07.2020).

установок большинства участников на «сокрытие» своего профиля, чаще всего, это означает отсутствие ориентации на деконструктивность позиции, радикализм и протестные установки.

Таблица 7 / Table 7

Показатели графа группы «Помощь всем нуждающимся» /
Indicators of the "Help to all those in need" column group

Количество пользователей в группе	1036
Количество пользователей в группе с открытым списком друзей	793
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	67
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	15

Источник: Помощь всем нуждающимся // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club18020482> (дата обращения: 21.07.2020).

Вместе с тем, как показано в таблице 7, довольно небольшое число подписчиков из числа имеющих открытые аккаунты, имеют связи внутри группы. Это проявляет довольно слабую связность группы, низкую степень сплочённости участников.

Сопоставление данных, полученных с помощью ПО и анализа содержания постов группы, позволяет сформулировать следующие выводы:

- основной блок управления группой – 5 человек (пользователи с наибольшим количеством друзей в группе и подтверждённым статусом реального человека);
- группа обладает слабой активностью по количеству комментариев, лайков и репостов;
- мобилизационный потенциал данной группы минимален и она не может быть использована для ведения сплочённых действий.

Несколько иной пример сообщества гражданской активности отражает граф онлайн группы «Помощь бездомным животным»⁷ (рис. 8). В отличие от предыдущего графа, рассеянность сообщества не столь велика. Особенность взаимосвязей в этой группе – наличие множества подгрупп активных взаимодействий. Сам рисунок графа, представляющий собой «цельнолитую сферу» в сравнении с разветвлённой структурой предыдущего графа, говорит о большей общегрупповой плотности связей.

⁷ Помощь бездомным животным // ВКонтакте. URL: https://vk.com/find_pbg (дата обращения: 21.07.2020).

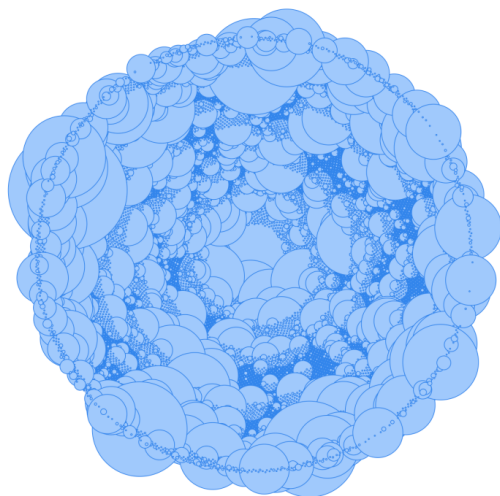

Рис. 8 / Fig. 8. Социальный граф сообщества «Помощь бездомным животным» / Social graph of the “Helping homeless animals” community

Источник: Помощь бездомным животным // ВКонтакте. URL: https://vk.com/find_pbg (дата обращения: 21.07.2020).

Таблица 8 / Table 8

Показатели графа сообщества «Помощь бездомным животным» /
Indicators of the community graph “Helping homeless animals”

Количество пользователей в группе	42437
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	17098
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	1497

Источник: Помощь бездомным животным // ВКонтакте. URL: https://vk.com/find_pbg (дата обращения: 21.07.2020).

Статистики графа (табл. 8) подтверждают предположение о значительном охвате микролидерами пользовательской аудитории группы (3,5% от общего числа профилей покрывает наиболее влиятельный микролидер). В совокупности с относительно большой численностью сообщества, указанные характеристики могут означать наличие у данной онлайн группы мобилизационного потенциала конструктивной направленности.

Ряд следующих графов отражает структуру и плотность связей внутри сообществ гражданской активности, имеющий несколько больший в сравнении с двумя предыдущими группами политический контекст контента. Как показало когнитивное картирование, наибольшим потенциалом выдвижения политических требований обладают сообщества экологической направленности. Чаще всего, данные группы склонны предъявлять требования вла-

сти в отношении ужесточения экологических норм, санкций предприятиям, нарушающим данные стандарты.

Первый пример онлайн-групп экологического толка – сообщество «Экология. Защита природы. Защита животных»⁸. На социальном графе этой группы отчётливо видны относительно большие микрогруппы плотных связей и высокой пользовательской активности, так называемые «инициативные подгруппы» (рис. 9).

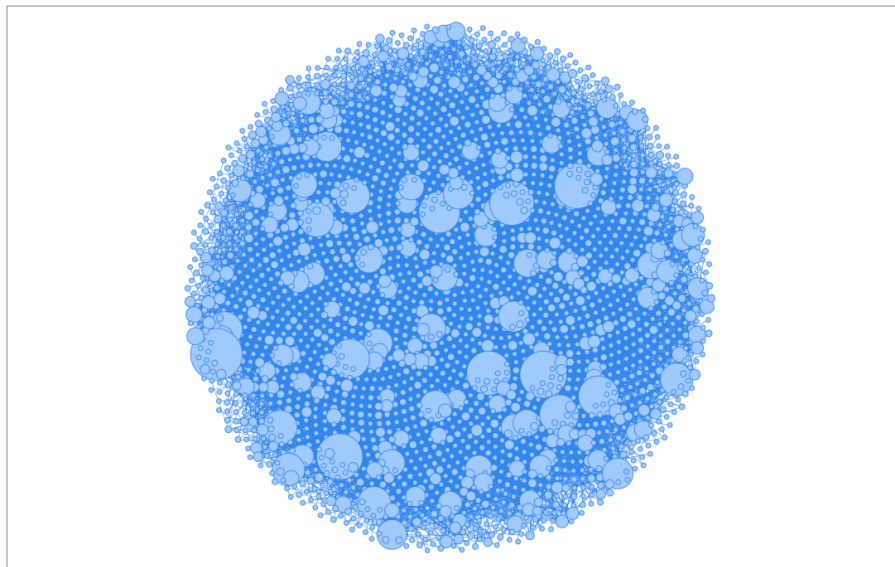

Рис. 9 / Fig. 9. Социальный граф сообщества «Экология. Защита природы. Защита животных» / Social graph of the “Ecology. Environment protection. Animal protection” community

Источник: Экология. Защита природы. Защита животных // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ezpzj27> (дата обращения: 22.07.2020).

Среди этих микрогрупп нет явно доминирующих, однако прослеживается слаженность идейных взаимодействий этих примерно равновесных сообществ.

Основные статистические показатели, представленные в таблице 9, указывают на такие характеристики:

- относительно небольшой охват российской молодой аудитории;
- средняя степень открытости профилей (36,4% от общего числа подписчиков);
- средний охват микрогрупп лидерами мнений (2,2% от общей численности сообщества покрыто воздействием наиболее влиятельного микролидера).

⁸ Экология. Защита природы. Защита животных // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ezpzj27> (дата обращения: 22.07.2020).

Таблица 9 / Table 9

Показатели графа сообщества «Экология. Защита природы. Защита животных» / Indicators of the “Ecology. Enviroment protection. Animal protection” community graph

Количество пользователей в группе	6740
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	2453
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	149

Источник: Экология. Защита природы. Защита животных // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ezpzj27> (дата обращения: 22.07.2020).

В целом можно сделать вывод о невысоком мобилизационном потенциале онлайн сообществ подобного типа.

Следующий пример графа экологического цифрового сообщества представлен на рисунке 10. При более высоком градусе критичности контента этой группы по отношению к экологической ситуации в России, механизм мобилизации протестных настроений в этом сообществе фактически отсутствует.

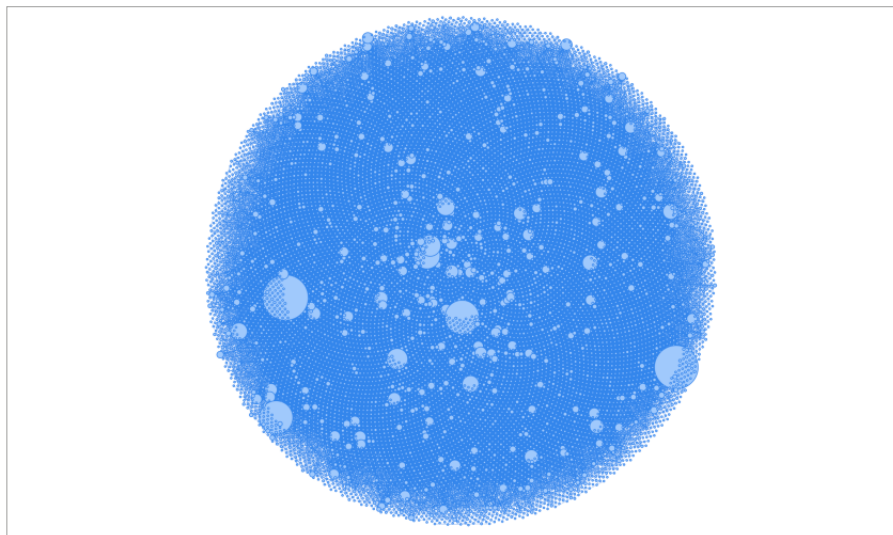

Рис. 10 / Fig. 10. Социальный граф сообщества «Экология России» / Social graph of the “Ecology of Russia” community

Источник: Экология России // ВКонтакте. URL: https://vk.com/rus_eco (дата обращения: 22.07.2020).

На рисунке 10 очевидным образом доминирует пространство рассеянных связей (более насыщенный синий цвет) при наличии относительно незначительных по объёму микросообществ с плотными взаимодействиями (светлые сферы).

Статистические характеристики графа этой группы уместаются в средние показатели открытости профилей участников сообщества (31,5%) и охвата микролидерами пользовательской аудитории группы (1,0%).

Таблица 10 / Table 10

Показатели графа сообщества «Экология России» / Indicators of the “Ecology of Russia” community graph

Количество пользователей в группе	33571
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	10564
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	348

Источник: Экология России // ВКонтакте. URL: https://vk.com/rus_eco (дата обращения: 22.07.2020).

В сообществе данного типа связей преобладает зрительская активность, поэтому к площадкам идейной и поведенческой мобилизации данная онлайн-группа не принадлежит.

Существенно больший потенциал мотивационного воздействия характерен для ещё одного типа цифровых сообществ гражданской направленности – правозащитные группы. Классическим примером связей внутри сообществ данного типа служит граф группы «Права человека»⁹, показанный на рисунке 11.

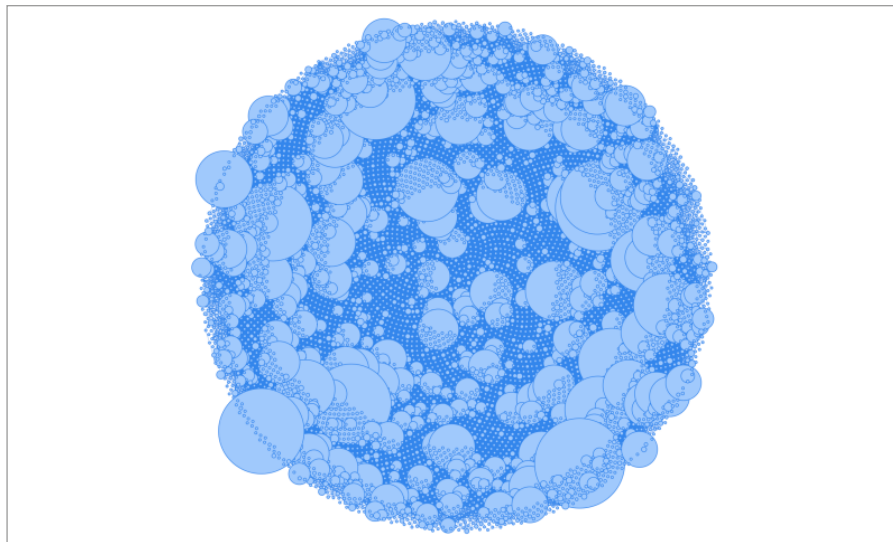

Рис. 11 / Fig. 11. Социальный граф сообщества «Права человека» / Social graph of the community “Human Rights”

Источник: Права человека // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/propravachloveka> (дата обращения: 22.07.2020).

⁹ Права человека // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/propravachloveka> (дата обращения: 22.07.2020).

Граф отражает относительно высокую степень внутригрупповых и межгрупповых интеракций внутри сообщества (плотно расположенные на графе светлые сферы) и сравнительно маленькую площадь рассеянных связей (тёмный фон графа). Это означает, что в данном сообществе эффективно и слаженно работают топикстартеры и микролидеры, поддерживая микрогрупповую и общегрупповую активность участников сообщества.

Базовые характеристики графа, показанные в таблице 11, свидетельствуют о среднем уровне закрытости профилей подписчиков онлайн группы (33,7%) и относительно большом охвате аудитории микролидерами (2,4%).

Таблица 11 / Table 11

Показатели графа сообщества «Права человека» / Indicators of the “Human Rights” community column

Количество пользователей в группе	21703
Количество пользователей с открытым профилем имеющих связи внутри группы	7322
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	527

Источник: Права человека // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/propravacheloveka> (дата обращения: 22.07.2020).

Пример проанализированного сообщества отражает механизм работы сообщества, имеющего общую идейную направленность и активно взаимодействующие микрогруппы с плотными связями. Это образец потенциально эффективного взаимодействия с целью мобилизации гражданских установок молодой интернет-аудитории.

Показанный алгоритм анализа социальных графов с применением авторского ПО может служить базой сегментирования влиятельных социально-медийных групп гражданского и политического активизма на потенциально «опасные» цифровые сообщества с позиций мобилизации протестной активности молодёжи и онлайн-группы, эффективно работающие на формирование конвенциональных гражданских установок, способные сплотить молодёжь вокруг идеи конструктивного взаимодействия с действующей властью.

ВЫВОДЫ

Зафиксировано увеличение гражданской активности представителей поколений «миллениалов» и «Z», составляющих ядро российской интернет-аудитории: каждый третий молодой россиянин имеет опыт объединения усилий с другими для реализации гражданских инициатив; каждый четвёртый – хотел бы включиться в совместные действия с другими гражданами.

Существенное влияние на формирование установок гражданского активизма оказывают социальные медиа, на основе которых происходит раз-

витие гражданских инфраструктур (платформ, лидеров мнений, партнёрских сетей, комьюнити, интернет-культур и т. д.), выполняющих функции рекрутинга, атрикулирования и агрегирования интересов, мобилизации ресурсов.

Каждый десятый носитель культуры гражданского активизма в России демонстрирует высокий протестный потенциал. При этом наблюдается типичная для постиндустриальных обществ, ситуация, при которой оппозиционность и готовность к несанкционированным действиям не являются следствием неудовлетворённости исключительно материальным статусом.

В социально-медийных информационных потоках, в которые вовлечены гражданские активисты, наибольшим потенциалом оппозиционности и неконвенциональности обладают дискурсивные практики, формируемые в онлайн-сообществах политической направленности. Среди дискурсов гражданского толка в наибольшей степени критичным по отношению к действующей власти является экологический дискурс.

Сопоставление эмпирических результатов с теоретическим фундаментом цифрового гражданского и политического активизма позволяет сделать следующие выводы:

- в пространстве социальных медиа преобладает такой тип цифрового гражданского участия, который сводится к так называемому пассивному нигилизму и заключается в выражении молодыми пользователями жалоб, иронии, критики в отношении решений действующей власти и игнорировании возможности конвенционального взаимодействия с органами власти по решению социальных проблем;
- институционализируемая официальной интернет-платформой гражданская активность отличается крайне низкими показателями резонанса и вовлечённости в предлагаемые формы гражданского участия;
- неинституционализируемая гражданская активность молодёжи РФ в рамках неформальных онлайн-сообществ сводится главным образом к консолидации молодых пользователей новых медиа вокруг мобилизации протестных установок;
- наиболее численно представленные сообщества гражданского толка, участниками которых является молодёжь, имеют довольно неширокую повестку сфер гражданского активизма: фактически отсутствует такой аспект, как само- и взаимопомощь, весьма слабо представлены маркеры правовой защиты, защиты природы и животных;
- для формальных сообществ в большей степени характерны конвенциональный, конструктивный характер гражданского активизма, лояльное отношение к действующему режиму, низкий протестный потенциал; для неформальных – смешанный и деструктивный тип гражданского активизма, а также оппозиционность в отношении к власти и средний уровень протестного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко И. В. Моделирование этапов социального проектирования методом сетевого графа // Научный журнал Дискурс. 2019. № 3. С. 94–104.
2. Ерохин И. А., Подколзин В. В. Обработка социальных графов // Инновационное развитие. 2018. № 5. С. 17–19.
3. Калашников Н. В. Анализ социальных графов пользователей сети Facebook // Современная математика и концепции инновационного математического образования. 2018. № 1. С. 408–413.
4. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action - digital media and the personalization of contentious politics // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15(5). P. 739–768.
5. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. New York: Cambridge University Press, 2013. 240 p.
6. Bimber B. The study of information technology and civic engagement // Political Communication. 2000. Vol. 17(4). P. 329–333.
7. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism // Journal of Diversity in Higher Education. 2017. Vol. 10. P. 400–415.
8. Earl J., Maher T. V., Elliott T. Youth, activism, and social movements // Sociology Compass. 2017. Vol. 11 (4). e12465.
9. Foot K. A., Schneider S.M. Online action in campaign 2000: An exploratory analysis of the US political web sphere // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2002. Vol. 46(2). P. 222–244.
10. Margolis M., Resnick D. Politics as usual: The Cyberspace "Revolution". Thousand Oaks, CA: SAGE, 2000. 246 p.
11. Obar J., Zube P., Lampe C. Advocacy 2.0: An Analysis of How Advocacy Groups in the United States Perceive and Use Social Media as Tools for Facilitating Civic Engagement and Collective Action // Journal of Information Policy. 2012. Vol. 2. P. 1–25.
12. Rainie L., Smith A., Schlozman K.L., Brady H., Verba S. Social media and political engagement [Электронный ресурс] // Pew Internet & American Life Project. 2012. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2012/10/19/social-media-and-political-engagement/> (дата обращения 15.07.2020).
13. Schradie J. The digital activism gap: How class and costs shape online collective action // Social Problems. 2018. Vol. 65(1). P. 51–74.
14. Selander L., Jarvenpaa S. L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization // MIS Quarterly. 2016. Vol. 40(2). P. 331–352.
15. Tilly C. WUNC. Crowds. Stanford University Press, 2006. 464 p.
16. Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. Social media affordances for connective action - an examination of microblogging use during the Gulf of Mexico oil spill // MIS Quarterly. 2017. Vol. 41(4). P. 1179–1205.

REFERENCES

1. Vasilenko I. V. [Modeling of social projecting method of a network graph]. In: *Nauchnyj zhurnal Diskurs* [Scientific journal Discourse], 2019, no. 3. pp. 94–104.

2. Erohin I. A., Podkolzin V. V. [Processing of social graphs]. In *Innovacionnoe razvitie* [Innovative development], 2018, no. 5, pp. 17–19.
3. Kalashnikov N. V. [Analysis of social graphs of Facebook users]. In *Sovremennaya matematika i koncepcii innovacionnogo matematicheskogo obrazovaniya* [Contemporary mathematics and concepts of innovative mathematical education], 2018, no. 1, pp. 408–413.
4. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action – digital media and the personalization of contentious politics. In: *Information, Communication & Society*, 2012, vol. 15(5), pp. 739–768.
5. Bennett W. L., Segerberg A. *The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics*. New York, Cambridge University Press, 2013. 240 p.
6. Bimber B. The study of information technology and civic engagement. In: *Political Communication*, 2000, vol. 17(4), pp. 329–333.
7. Cabrera N. L., Matias C. E., Montoya R. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. In: *Journal of Diversity in Higher Education*, 2017, vol. 10, pp. 400–415.
8. Earl J., Maher T. V., Elliott T. Youth, activism, and social movements. In: *Sociology Compass*, 2017, vol. 11 (4), e12465.
9. Foot K. A., Schneider S. M. Online action in campaign 2000: An exploratory analysis of the US political web sphere. In: *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2002, vol. 46(2), pp. 222–244.
10. Margolis M., Resnick D. *Politics as usual: The Cyberspace "Revolution"*. Thousand Oaks, CA, SAGE, 2000. 246 p.
11. Obar J., Zube P., Lampe C. Advocacy 2.0: An Analysis of How Advocacy Groups in the United States Perceive and Use Social Media as Tools for Facilitating Civic Engagement and Collective Action. In: *Journal of Information Policy*, 2012, vol. 2, pp. 1–25.
12. Rainie L., Smith A., Schlozman K. L., Brady H., Verba S. Social media and political engagement. In: *Pew Internet & American Life Project*, 2012. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2012/10/19/social-media-and-political-engagement/> (accessed: 15.07.2020).
13. Schradie J. The digital activism gap: How class and costs shape online collective action. In: *Social Problems*, 2018, vol. 65(1), pp. 51–74.
14. Selander L., Jarvenpaa S.L. Digital action repertoires and transforming a social movement organization. In: *MIS Quarterly*, 2016, vol. 40(2), pp. 331–352.
15. Tilly C. WUNC. Crowds. Stanford University Press, 2006. 464 p.
16. Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. Social media affordances for connective action – an examination of microblogging use during the Gulf of Mexico oil spill. In: *MIS Quarterly*, 2017, vol. 41(4), pp. 1179–1205.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 24.11.2020

Статья размещена на сайте: 25.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бродовская Елена Викторовна – доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Института истории и политики, главный научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета; e-mail: brodovskaya@inbox.ru

Домбровская Анна Юрьевна – доктор социологических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета; e-mail: an-doc@yandex.ru

Карзубов Дмитрий Николаевич – советник Управления социальной защиты населения Северо-Западного административного округа города Москвы; e-mail: karzubovdn@gmail.com

Elena V. Brodovskaya – Dr. Sci. (Political Science), Prof., Department for Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Head of the Department of Social and Political Research and Technologies, Institute for History and Politics, Chief Researcher, Institute for Advanced Study, Moscow Pedagogical State University; e-mail: brodovskaya@inbox.ru

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; Assoc. Prof., Department for Social and Political Research and Technologies, Institute for History and Politics, Moscow Pedagogical State University; e-mail: an-doc@yandex.ru

Dmitry N. Karzubov – Counselor, Social Care Department, North-Western Administrative District; e-mail: karzubovdn@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. Digital communities of civil and political activists in Russia: integration, governance and mobilization potential. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru.

УДК 327.88

Бурцева С. Б.

Севастопольский государственный университет

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33, Российская Федерация

АНАЛИЗ АТАКИ НА «МЯГКУЮ СИЛУ» РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть факт атаки на «мягкую силу» России в рамках информационной операции «Аргентинское кокаиновое дело» в качестве отдельного ракурса информационной войны в условиях глобального конфликта центров силы, проанализировать роль СМИ и в осуществлении самой операции, и в процессе создания и закрепления смысловых ярлыков.

Процедура и методы. В исследовании используются методы эмпирического познания и системный анализ.

Результаты. Обоснован термин «атака» в применении к негативному воздействию на «мягкую силу» России, подробно проанализированы этапы информационной операции, сформулированы выводы и даны рекомендации по противодействию подобным акциям. Представлены также практические рекомендации по противодействию государственных органов России информационным атакам Запада и созданию соответствующих данной цели государственных структур.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование имеет прикладное значение и содержит уникальный материал, так как в заданном контексте информационное воздействие на «мягкую силу» России ранее не было исследовано и представлено в литературе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«мягкая сила» России, средства массовой информации, информационная атака, международное влияние, внешняя политика, авторитет государства

СТРУКТУРА

Введение

Инструмент «мягкая сила» в российском контексте

Анализ информационной операции с позиции «мягкой силы»

Упущенные возможности в информационной операции

Последствия информационной операции в контексте «мягкой силы»

Выводы

ANALYSIS OF THE ATTACK ON RUSSIA'S SOFT POWER IN THE CONTEXT OF INFORMATION OPERATION

ABSTRACT

Aim. The article presents an analysis of the attack on Russia's "soft power" in the framework of the "Argentine Cocaine Case" information operation as a separate aspect of an information war in the context of a global conflict of centers of power. The role of the media both in the operation itself and in the process of creating and consolidating semantic labels is also studied.

Methodology. The research uses methods of empirical knowledge and systems analysis.

Results. The term "attack" is substantiated as applied to the negative impact on the "soft power" of Russia, the stages of the information operation are analyzed in detail, conclusions are formulated and recommendations to counteract such actions are given. Practical recommendations for coordinated actions of Russian state bodies to counter western information attacks and for creation of government structures to perform this function are presented.

Research implications. The article is of practical value, it contains unique material, since in a given context the informational impact on the "soft power" of Russia has not been previously studied and presented in the literature.

KEYWORDS

soft power of Russia, mass media, information attack, international influence, foreign policy, prestige of the state

ВВЕДЕНИЕ

В условиях глобальной экономической конкуренции и растущего на её же основе глобального противоборства мировых центров силы одним из важных инструментов для решения задач внешней политики России является её «мягкая сила», определяемая в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ В. В. Путиным 30 ноября 2016 г., как «возможности гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»¹. И как инструмент внешней политики «мягкая сила» России становится объектом не только прямых, но и завуалированных угроз, последствия которых в их номинальном значении и в значении окна возможностей для увеличения негативного воздействия на Россию со стороны её геополитических и геоэкономических противников представляются недооценёнными.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ 30.11.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 25.07.2020).

Целью настоящей работы являются рассмотрение воздействия на «мягкую силу» России со стороны её геополитического противника в условиях проводимой им информационной операции, анализ как процесса реализации такого воздействия, так и его последствий, а также составление рекомендаций по предотвращению или как минимум ослаблению действий противника в рассматриваемом контексте.

Показательным примером воздействия на «мягкую силу» России, или атаки на «мягкую силу» России, в рамках информационной операции служит инцидент, который произошёл в феврале 2018 г. в здании посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике.

В военной тактике термин «атака» означает стремительное и организованное движение сил против неприятеля с целью сближения на дистанцию, позволяющую его уничтожить или нанести ущерб, влекущий за собой ослабление противника, чтобы выиграть последующее сражение. Атака, как правило, характеризуется решительностью и неожиданностью, что делает данное действие достаточно эффективным. Атака также характеризуется тем, что далеко не всегда проводится против основных частей противника, или на том фланге, где противник ожидает потенциального нападения.

В связи с аналогичными качествами рассматриваемого эпизода воздействия на «мягкую силу» России нами выбран термин «атака» как наиболее ярко отражающий содержание и качество произведённого действия в условиях информационной операции.

В процессе исследования атаки на «мягкую силу» России были использованы методы эмпирического уровня познания (наблюдение, накопление и отбор фактов с установлением связей между ними), а также системный анализ.

Актуальность настоящего материала заключается в том, что до сих пор инцидент, произошедший в здании посольства России в Аргентине, равно как и иные информационные и психологические операции, проводимые Западом в отношении России, не рассматривался и не анализировался с позиций ущерба «мягкой силе» Российского государства. Помимо этого, детальный анализ инцидента имеет прикладное значение, так как может быть использован как для определения возможных действий геополитических противников, так и для формирования успешной тактики реагирования в подобных анализируемому случаях с целью нейтрализации негативного воздействия.

В настоящей статье представлен подробный анализ указанного инцидента, описаны достигнутые его инициаторами результаты, а также даны выводы и рекомендации по предотвращению подобных действий геополитических противников Российской Федерации.

ИНСТРУМЕНТ «МЯГКАЯ СИЛА» В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Термин «мягкая сила» ввёл в информационное пространство ещё в 1991 г. Джозеф Най, опубликовав свой труд «Bound to Lead: The Changing

Nature of American Power», посвящённый исследованиям изменений в инструментарии и методологии сохранения мирового лидерства США. В последующие годы Най продолжил исследование инструментария «мягкой силы» [7], а новый термин получил достаточно широкое распространение в мире.

В России интерес к понятию «мягкая сила» обозначился в конце 1990-х гг., и до начала 2000-х гг. был отмечен рост интереса к пониманию использования инструментария «мягкой силы» государства. Однако продуктивность самого понятия как обозначающего некие условия, заданные геополитическим конкурентом России, в его применении к РФ вызвала сомнения в академических кругах [10, с. 26].

После некоторого снижения активности в означенном вопросе уже с середины 2000-х гг. интерес к понятию и инструменту «мягкой силы» государства, в первую очередь применительно к внешней политике, вновь начал нарастать не только в академических кругах, но и среди российских государственных деятелей. Ярким примером тому могут служить статьи и выступления председателя Комитета Совета Федерации по международным делам К. И. Косачева, в которых нашёл отражение его опыт как руководителя Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и представлено осмысление современных прикладных технологий формирования образа государства в международных отношениях. В отличие от других авторов многих публикаций на тему «мягкой силы» России, К. И. Косачев, например, уделяет большое внимание такому направлению, как укрепление Русского мира: «“Мягкая сила” России – прежде всего, Русский мир в самом широком смысле – и соотечественники, и симпатизирующие, и специализирующиеся на России. В любом случае, это уже существующий и влиятельный фактор международных процессов, но требующий стратегического государственного подхода, достойного обеспечения – ресурсного, кадрового, аналитического, информационного» [2, с. 53].

В отечественной литературе далеко не всегда в контексте или с упоминанием такого явления, как Русский мир, но с той же целью интерпретировать понятие «мягкая сила» применительно к российской практике, определить инструменты, обосновать и систематизировать направления реализации «мягкой силы» государства существуют работы многих авторов. В частности, предметами исследования в ракурсе «мягкой силы» становились такие сферы и области, как культура, образование, в том числе проекты по обмену учащимися и привлечение в Россию иностранных студентов, деятельность общественных и правозащитных организаций, различные социально значимые проекты, популяризация языка и национальных ценностей за рубежом, достаточно новое явление – народная дипломатия – и мн. др. Однако немаловажной представляется необходимость не только разобраться с понятием и инструментарием «мягкой силы», но и осознать важность целеполагания

для её применения как в отношении своего государства, так и в отношении геополитического противника [11]. Декан факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ имени Н. Э. Баумана доктор философских наук, профессор В. Н. Ремарчук отмечает: «Инструментом “сборки” и “разборки” суверенных государств, как субъектов международного права, сегодня выступают “цветные революции” и “мягкая сила”. А весь этот инструментарий современной геополитики “произведён” социальными технологиями, которые заняли прочное место во внешней политике государств Запада» [8, с. 15].

На определённую опасность буквального применения чужих технологий без сознательной проработки и адаптации их для своих национальных, государственных условий и потребностей указывают профессор Академии военных наук РФ, кандидат политических наук И. А. Чихарев и доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ О. В. Столетов: «“На вооружение” принимается понятие, появившееся в совершенно иной политико-культурной среде и само по себе являющееся результатом международного влияния США. Оно изначально отчасти призвано послужить легитимации американского лидерства в мире и в целом закрепляет американскую систему координат в понимании ценностей и логики развития мировой политической системы» [цит. по: 6, с. 31–33].

«Фрагментарность понимания самого концепта “мягкая сила” и стоящих за ним реалий в российском обществе» [6, с. 31–33] никак не способствует созданию и восприятию единого завершённого образа России, в первую очередь внутри самой страны, а значит, и в круге тех, кто по роду своей деятельности сам по себе олицетворяет некий инструмент «мягкой силы». Под «мягкой силой», по сути данного понятия, мы подразумеваем создание и поддержание определённого образа государства и его авторитета на мировой арене – по аналогии с авторитетом государства в бытность Советского Союза, когда данный авторитет представлял собой синергию множества авторитетов – наука, культура, спорт, образование, международное сотрудничество и т. д., – формировавшихся в единой идеологической и эволюционной парадигме многонационального государства, придерживающегося во внешней политике выдержанного в правовых рамках направления взаимовыгодных и равноправных отношений с партнёрами.

В контексте же современных международных отношений, когда наряду с классическими формами войны, пусть даже локальными, появились неклассические формы, без использования регулярной армии, но реализующие всё те же цели и задачи инициаторов конфликта [4], понятие «мягкая сила» представляется обобщением неких инструментов, характеризующихся отсутствием непосредственного использования военно-силового потенциала страны, в первую очередь оружия. Но для понимания потенциальных возможностей «мягкой силы» и действительно эффективного её применения в современных реалиях этого недостаточно. Как представляются недостаточными и попытки лишь

рассматривать и описывать различные инструменты «мягкой силы», области её использования применительно к Российской Федерации, без учёта человеческого фактора и условий противоборства геополитических противников.

Возможности гражданского общества России, складывающиеся из деятельности многочисленных НКО, фондов, организаций, союзов по интересам, независимой прессы, представителей коммерческой, спортивной и академической сфер, безусловно влияющих как непосредственно, так и опосредованно на формирование имиджа государства и авторитета его власти как внутри страны, так и за пределами её границ, тем не менее во многом зависят от личных приоритетов частных лиц, действующих в перечисленных областях [9]. Данный факт в условиях тотальной демократизации общественных процессов, с одной стороны, создаёт предпосылки для избегания полноты ответственности перед государством вышеозначенных представителей за последствия своей деятельности, которая уже сама по себе может нести угрозу стабильности внутри страны и подрывать политику государства на внешнем контуре [12]. И в данном контексте обозначенные выше представители гражданского общества никак не служат инструментом «мягкой силы» России, а скорее, наоборот, они вполне могут быть классифицированы как некий инструмент антигосударственной «мягкой силы»².

С другой стороны, в контексте операций информационной войны, проводимых Западом в отношении России, частная дискредитация самих тех или иных представителей так называемого гражданского общества в рамках насыщенного многочисленными скандальными историями информационного фона в основном крайне слабо влияет на международный авторитет Российского государства, что делает их малозначимыми целями для информационного воздействия со стороны геополитических противников России.

В то же время прямые представители государства, в частности сотрудники дипломатической службы страны, в полной мере несущие ответственность за свою деятельность перед государством и в полной же мере в рамках своей деятельности реализующие государственные цели и задачи, представляют собой традиционный, а главное, непосредственный и всем понятный инструмент «мягкой силы», вследствие чего и становятся наиболее уязвимыми целями информационного воздействия в условиях глобального противо-

² «Зачастую сами российские гражданские, негосударственные или полугосударственные акторы, обладая большой свободой действий и, в результате, крайне низкой ответственностью перед государством и народом за последствия, тем самым обеспечивают возможность геополитическим конкурентам России с легкостью инициировать различные информационные воздействия, направленные на подрыв устойчивого положения государства как изнутри, так и снаружи (например, инициирование и развитие допингового скандала вокруг российских спортсменов и запрет WADA на участие России в ряде значимых международных спортивных мероприятий; или многочисленные случаи переосмысления исторических фактов, в том числе в академическом сообществе как в России, так и за рубежом)». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

стояния мировых центров силы, что, в свою очередь, способствует дискредитации самого государства как пока ещё основного политического и экономического актора в международных отношениях в процессе глобализации.

Далее в рамках настоящей статьи речь пойдёт о дипломатическом корпусе РФ, непосредственно представляющем государство, традиционном инструменте «мягкой силы», и о средствах массовой информации, которые, будучи потенциальным инструментом и своеобразным проводником «мягкой силы» государства, на деле не всегда таковыми являются в прямом значении данного понятия.

АНАЛИЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ С ПОЗИЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Анализируя информационную операцию «Аргентинское кокаиновое дело», инцидент с обнаруженной полицией в здании посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике в феврале 2018 г. крупной партией кокаина в 389 кг, предназначенной для переправки в Европу под видом дипломатической почты, в качестве информационной операции со стороны американских спецслужб [3, с. 175], доктор политических наук, профессор МГУ А. В. Манойло определяет главную её цель как «“наклейка ярлыка” на одного из представителей высшего руководства России, который обязательно должен пойматься на эту приманку» [3, с. 176].

1. Время начала информационной операции

Совпадение по времени факта находки партии кокаина в здании посольства и визита в Аргентину секретаря Совета Безопасности РФ Н. П. Патрушева не случайно. В контексте информационной операции под визит государственного деятеля и было инициировано обнаружение партии кокаина с последующим обязательным представлением данной информации СМИ. Акцентируя внимание на этой детали, А. В. Манойло подчёркивает: «Нельзя так просто сесть в самолёт и отправиться на встречу с президентом какой-либо страны – есть дипломатический протокол, а у каждого визита есть заранее оговариваемый с принимающей стороной официальный статус ... Но близость по времени двух событий (обнаружения партии кокаина и визита Н. П. Патрушева) позволила организаторам информационной операции связать его прилёт именно с “разруливанием” кокаинового дела» [3, с. 176].

2. Место информационной операции

Первый информационный взброс о партии кокаина был осуществлён через латиноамериканскую прессу, что немаловажно, учитывая латиноамериканскую локацию инцидента. Именно в Латинской Америке, где у России есть партнёр по БРИКС – Бразилия – и где в последние годы возросла актуальность российского экономического и военного присутствия, США целенаправленно работают над изменением регионального баланса сил, вмешиваясь в жизнеустройство практически каждой страны на этом континенте.

Следовательно, оставить без ответа, т. е. проигнорировать информационный вброс, учитывая актуальность локации в международной политике, не представлялось возможным ни инициаторам самой операции, ни объекту воздействия.

3. Объект воздействия в условиях эффекта неожиданности

После появления первой информации о кокаине в латиноамериканских СМИ за короткий промежуток времени эта новость была растиражирована остальными, в том числе и российскими, СМИ. Впоследствии на некоторых информационных ресурсах цифры количества кокаина были вольно округлены с 389 кг до 400 кг и даже до «почти полтонны». Здесь необходимо отметить тот факт, что подобную вольность в заголовках новостей позволили себе федеральные СМИ, созданные с конкретной целью трансляции официальной позиции Российской Федерации по вопросам как внутренней, так и внешней политики, представляющие собой таким образом «мягкую силу» государства.

Информационный фон события осложнился отсутствием своевременных внятных объяснений происходящего и со стороны России, и со стороны Аргентины. Поскольку объектом воздействия являлась именно российская сторона, основное внимание общественности и СМИ было приковано к реакции со стороны РФ³.

4. Детали информационной операции

В задачи данного исследования не входит обсуждение фигурантов «Аргентинского кокаинового дела» – для определения степени их вины и представления её доказательств существуют компетентные органы. В ракурсе анализа информационного воздействия необходимо учитывать иные детали.

Во-первых, в условиях повсеместной демократизации общественных процессов, приведшей к плюрализму мнений и суждений в открытом информационном пространстве, СМИ зачастую оказываются освобождёнными от прямой ответственности за подаваемую информацию, качество которой в большей степени страдает в угоду погоне за так называемым «хайпом» на новости. Эту особенность современной прессы и схожих с ней информационных ресурсов активно используют инициаторы информационных операций⁴.

³ «Невнятные же комментарии в СМИ со стороны МИД РФ, в течение суток эволюционировавшие от версии невозможности находки кокаина до версии контрразведывательной операции спецслужб России и Аргентины, и последующее за тем использование для вывоза партии кокаина, как вещественного доказательства, самолета специального авиаотряда “Россия” лишь помогли ретивым журналистам поддерживать не столько объективное информирование общества, сколько эмоциональный ажиотаж вокруг темы так называемого “Аргентинского кокаинового дела”». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁴ «Инициаторы-стратеги глобального гибридного конфликта ... отлично осознают, что представляет собой современная свободная пресса – во всех отношениях демократическое, а значит часто беспринципное и не отягощенное соблюдением кодекса профессионального журналиста, поле боя. Достаточно тактически верно выбрать время, место и объект атаки, и не утружденные

Во-вторых, эффект неожиданности информационного вброса приводит к возбуждению попутной новостной интриги за счёт нехватки, невнятности или противоречивости получаемых журналистами комментариев, что также играет на руку инициаторам информационной операции.

В-третьих, «Аргентинское кокаиновое дело» продемонстрировало пример того, как за пределами внимания СМИ из зоны «мягкой силы» России осталась тема инициатора информационной операции и его целей. А тем временем внимание к данной детали пресекло бы несогласованность комментариев официальных лиц в отношении происходящего⁵.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ

Во-первых, для взвешенной ответной реакции на информационный вброс журналистам следовало бы выждать момент поступления комментариев, согласованных участниками раскрытия столь серьёзного преступления и дающих однозначную и чётко аргументированную картину происходящего, снимающую эмоциональный накал и пресекающую возможность распространения каких-либо домыслов уже в силу того, что для них не остаётся почвы.

Во-вторых, СМИ из потенциальной зоны «мягкой силы» России должны были бы заострить внимание на теме инициатора информационного вброса как определения точки начала операции и его истинных целей, а также на теме человеческого фактора – при посольствах стран на вспомогательных позициях могут работать местные жители, не имеющие прямого отношения к министерствам иностранных дел, что создаёт некоторый риск, но ещё никак не характеризует непосредственно всех без исключения дипломатов и послов, тем более МИД РФ. Как не характеризует частный коррупционный случай всё министерство или силовое ведомство в целом, какой бы страны это ни касалось.

В-третьих, осталась неиспользованной возможность ответного удара в информационной операции – акцентирование внимания на том, что интересанты информационного вброса позволили себе вмешаться в работу спец-

анализом возможных последствий своего труда, увлеченные погоней за “хайпом” на новости, воины пера самозабвенно довершают начатое инициаторами информационного вброса». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁵ «...органы внутреннего правопорядка, разведка, контрразведка, наркополиция и другие подобные службы любой страны, даже пересекаясь в одном деле, ревностно охраняют от внешнего вмешательства зоны своего влияния и агентурные ресурсы. ... в условиях, когда операция спецслужб двух стран по выявлению и пресечению наркотрафика в Европу не завершена, и разработка фигурантов преступления находится в самом разгаре, в открытый доступ вдруг попадает оперативная, значит по умолчанию закрытая, информация. За каждой утечкой секретной оперативной информации стоят так называемый “крот” внутри соответствующего ведомства и заинтересованное лицо за его пределами. Кому и с какой целью, почему именно в этом месте и в это время понадобилось “слить” секретные сведения – вот вопросы, которые должны были бы насторожить ... журналистов». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

служб России и Аргентины, создали угрозу срыва оперативного мероприятия спецслужб двух стран по пресечению наркотрафика в Европу, чем, в свою очередь, покусались на здоровье и благополучие огромного числа людей и, возможно, обнаружили собственные связи с преступным сообществом.

Таким образом, инициаторы «Аргентинского кокаинового дела», помимо цели «наклейка ярлыка» на одного из представителей высшего руководства России, который должен «клюнуть» на якобы приманку в виде обнаруженной скандальной партии кокаина, получили дополнительный эффект – вполне успешную атаку непосредственно на «мягкую силу» России в лице её дипломатического корпуса и, как следствие, удар по имиджу страны на международной арене.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОПЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Исследование и обобщение указанных деталей позволяет сделать вывод, что отсутствие чёткой и скоординированной стратегии реагирования в информационной операции «Аргентинское кокаиновое дело» имело негативное влияние на международный имидж России в следующих проекциях.

Во-первых, в международном информационном пространстве сформировались устойчивые смысловые сочетания «российские дипломаты и кокаин», «Россия и наркотрафик». Доказательством данному факту служит произвольный набор в любом интернет-поисковике слов и словосочетаний «Аргентина», «Латинская Америка», «наркотрафик», «кокаин» (примечательно, что нет необходимости упоминать Россию и российских дипломатов), и результаты поиска не оставляют сомнений в том, что наркотрафик кокаина организован именно через посольство РФ и российские дипломаты – главные фигуранты преступления. И данный эффект держится в информационном поле, несмотря на то, что с момента инцидента прошло уже более двух лет. Помимо этого, аналогичная статья с говорящим заголовком «Контрабанда кокаина из посольства России в Аргентине» появилась и в Википедии⁶.

Запоздавшие, в данном контексте, усилия СМИ по реабилитации дипломатического корпуса России в связи с «Аргентинским кокаиновым делом» должного эффекта, к сожалению, уже не оказывают⁷. Что касается Википедии, стоит от-

⁶ Контрабанда кокаина из посольства России в Аргентине // Википедия, свободная энциклопедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Контрабанда_кокаина_из_посольства_России_в_Аргентине (дата обращения: 05.07.2020).

⁷ «...по прошествии времени с февраля 2018 года российские СМИ регулярно информируют общественность о протекании уголовного процесса над фигурантами контрабанды тех самых 389 кг кокаина, что должно бы снять с российских дипломатов негативную ассоциативную связь с преступлением. Но, судя по содержанию информационного поля, реабилитация российского дипломатического корпуса в глазах широкой общественности продвигается крайне неубедительно». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

метить, что данный ресурс активно используется людьми во всём мире, по меньшей мере для получения первичного представления о чём-либо⁸.

В этой связи важно отметить эффект легализации информации, которая достигается в результате закрепления её в виде статьи, публикации, справки на любых источниках в открытом доступе. В дальнейшем подобная информация, какого бы сомнительного характера она ни была изначально, может быть использована уже без особой проверки – достаточно на неё сослаться, чем зачастую пользуются журналисты и различного рода эксперты. Как подробно описал в своих трудах А. В. Манойло на примере нашумевшего «дела отравления Скрипалей» [4, с. 219–256], именно легализованная путём информационных вбросов в СМИ и через создаваемые ассоциативные связи информация по прошествии некоторого времени чаще всего становится источником следующего ещё более жёсткого и масштабного витка информационного воздействия.

Во-вторых, в отношении образа России на мировой арене оказался достигнутым эффект переноса на Россию качества её геополитического противника – США⁹.

Приверженность государства России нормам международного права и стандартам ООН¹⁰ отражена в Концепции внешней политики Российской Федерации и регулярно подчёркивается многими представителями Российского государства. И до сих пор этот образ России был её выгодным преимуществом на международной арене¹¹. Закрепление в международном информационном поле смысловых образов «российские дипломаты и кокаин», «Россия и наркотрафик» позволило уравнивать образ России и образ тех же США, замешанных

⁸ «Именно на это большинство направлены информационные и психологические операции, которые подробно разбирает в своих книгах А. В. Манойло. Именно представители этого большинства становятся марионетками на площади Тахрир, или Болотной площади, или площади Независимости, где в пылу “праведных” эмоций вершат очередную цветную революцию». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

⁹ «Спортсменам и бизнесменам известен такой психологический прием: если не можешь победить соперника на ринге, спровоцируй соперника за его пределами, чтобы он начал нервничать и ошибаться, или если не можешь быть лучше конкурента, скомпрометируй его сильные стороны и опусти его до своего уровня, или ниже». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

¹⁰ Управление ООН по наркотикам и преступности функционирует с 1997 г. См.: Об УНП ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/ru/about-unodc/index.html> (дата обращения: 15.07.2020).

¹¹ «До сих пор, несмотря на старания геополитических конкурентов так или иначе скомпрометировать репутацию России на международной арене, образ страны, scrupulously соблюдающей нормы международного права и стандарты ООН, был неоспоримым преимуществом России, выгодно контрастировал со способностью стран Запада, в особенности США, позволять себе сомнительные с точки зрения права действия, если это отвечает их глобальным интересам». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

как в организации наркотрафика, так и в организации и поддержке международного терроризма. От экстраполяции смысла «Россия и наркотрафик» к «Россия и терроризм» остаётся немного – очередной вброс чьих-то «логических» умозаключений с опорой на уже легализованные ярлыки.

В качестве доказательства подобного сценария по использованию заложенной в феврале 2018 г. возможности можно привести совсем свежий пример, а именно из серии новостей лета 2020 г. о том, что Россия якобы имеет «сговор» с исламским радикальным движением «Талибан» в Афганистане, направленный против американских военнослужащих, а главным посредником между террористами и Россией является афганский наркоторговец Рахматулла Азизи. И как результат, в Конгрессе США без предоставления каких-либо внятных доказательств по данному обвинению, на фоне заявления МИД РФ о «фейковой новости» и опровержения со стороны «Талибан» сведений о связи с Россией сразу же звучат предложения о включении в законопроект о военных расходах санкций в отношении Президента РФ Владимира Путина, министра обороны Сергея Шойгу и других высокопоставленных должностных лиц¹².

В-третьих, в мировом общественном мнении инициировано восприятие представителей Российского государства как политиков и госчиновников, которые наравне с западными политиками могут позволять себе необузданные и бездоказательные высказывания, что постепенно снижает планку уважения к представителям Российского государства, подчёркивая этот момент соответствующими посылами также в информационном пространстве.

Возможно, первоначально этот эффект не был запланирован инициаторами информационной атаки, тем не менее в рамках «Аргентинского кокаинового дела» он получился: публикация в феврале 2018 г. сбивчивых объяснений со стороны МИД РФ в отношении партии кокаина даёт возможность провести негативную параллель между представителями Российского государства и западной политической элитой, с растущим постоянством позволяющей себе непоследовательные и нелогичные высказывания (например, заявления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй по «делу отравления Скрипалей» [4, с. 219–256]).

Примером информационных посылов в контексте вышесказанного как ещё одной формы завуалированной атаки на имидж официальных представителей Российского государства, которых якобы дозволительно не принимать всерьёз, может служить новость июня 2020 г. под заголовком «МИД Эстонии вызвал посла России на ковёр»¹³. Этимологически в русском языке выражение

¹² «По мнению Боба Менендеса, Конгресс США должен включить в законопроект о военных расходах санкции против должностных лиц за предполагаемый “сговор” с талибами». См.: Сенатор США предложил ввести санкции против Путина и Шойгу // DW.com. URL: <https://www.dw.com/ru/сенатор-сша-предложил-ввести-санкции-против-путина-и-шойгу/a-54021127> (дата обращения: 18.07.2020).

¹³ МИД Эстонии вызвал посла России на ковёр // Postimees: [сайт]. URL: <https://rus.postimees.ee/7000054/mid-estonii-vyzval-posla-rossii-na-kover> (дата обращения: 2020).

«вызвать на ковёр» восходит к смыслу «слуга, вызванный к хозяину для выговора», в современном контексте то же выражение может быть применимо в отношении начальника и подчинённого (и то не в официальном ключе, а исключительно ради подчёркивания негативной эмоциональной составляющей вызова подчинённого к начальнику) – именно это значение и закрепилось ныне, как указывают фразеологические словари русского языка. Таким образом, когда речь идёт о после другого государства, ни дипломатический этикет, ни этические нормы, ни табели о рангах не оправдывают использование подобного выражения – разве что целью ведущих СМИ Эстонской Республики было поддержание заданного геополитическим противником России направления на дискредитацию её «мягкой силы» в лице дипломатического корпуса за счёт трансляции такого снисходительно-пренебрежительного отношения к Полномочному послу РФ в ЭР. Фактически всё, что может позволить себе министр иностранных дел Эстонии по отношению к сотруднику МИД России, – это пригласить к себе, даже если причиной тому стало представление ноты.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ «Аргентинского кокаинового дела» служит подтверждением упомянутого выше мнения И. А. Чихарева и О. В. Столетова в отношении понятия и инструмента «мягкая сила» в российском контексте и иллюстрирует функциональный разрыв между государственными органами и ведомствами, организациями и физическими лицами Российской Федерации, потенциально несущими ответственность за использование инструментов «мягкой силы», ставя, таким образом, под сомнение полезность фрагментарности «мягкой силы» России по образу и подобию американской системы ценностей и логики политической системы.

Будучи потенциальным инструментом «мягкой силы» государства, СМИ служат всего лишь площадкой для передачи информации. Наивно ожидать, что, пусть и очень качественные, СМИ способны самостоятельно вовремя диагностировать начало информационной и психологической операции, оказывать своевременное профессиональное с точки зрения стратегии и тактики ведения глобального конфликта и информационной войны противодействие. Недостаточность профессионального уровня журналистики и ведомственных служб по связям с общественностью для ведения информационных операций в условиях перманентного гибридного конфликта мировых центров силы объективна¹⁴.

При этом СМИ вынуждены действовать в условиях перманентного глобального конфликта мировых центров силы, в ходе которого сторонами конфликта

¹⁴ «Журналисты, даже патриоты государства, по природе своей не обладают государственным взглядом на происходящее и многоуровневым системным подходом к оценке событий – у них иные задачи и умения». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

в роли оружия используются и экономические санкции, и искажение истории, и нарушение норм международного права, и подмена нравственных понятий и категорий, и провокации и эскалации локальных конфликтов, и мн. др.¹⁵ Ярким примером подобных противоправных действий, завуалированных под борьбу за «демократические ценности», служат события в Белоруссии и вокруг неё, развернувшиеся сразу после победы на президентских выборах Александра Лукашенко в августе текущего, 2020 г., имеющие все признаки организованного и поддерживаемого извне госпереворота, и обострившийся конфликт Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе, интересантами которого оказываются третьи страны, обладающие на мировой арене гораздо большим весом и возможностями, чем непосредственные участники конфликта.

Россия, против которой западные «партнёры» разрабатывают или, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, проводят разного рода операции с целью подорвать её усиление и распространение её влияния в мире, пока лишь реагирует, и в большинстве случаев неэффективно. А потенциальные инструменты её «мягкой силы», в том числе и СМИ, действуют несогласованно, часто противоречиво, а порой и подменяя государственные интересы личными мнениями и амбициями отдельных субъектов «мягкой силы».

Исходя из вышесказанного, следует предложить меры, необходимые для противодействия в информационной войне.

1. Поскольку состояние информационной войны в условиях глобально-го конфликта центров силы является сегодня перманентным, для преодоления указанных ошибок требуется в первую очередь единая государственная стратегия «мягкой силы» России, ясная территория смыслов, чётко определённый уникальный план эволюционного движения государства, – то, что делает страну не просто привлекательной по отдельным составляющим, а достойной быть ориентиром в выборе взгляда на мироустройство. В. В. Путин в отношении сложных и спорных вопросов неоднократно указывал, что первым делом необходимо договориться о единой терминологии и прийти к общему пониманию основ обсуждаемого явления. В этом смысле основа инструментов «мягкая сила» для Российского государства – это единство понимания собственной истории, единство идеологических и ценностных принципов и ориентиров, экономических, политических, социальных целей и задач развития страны, чёткие методы взаимодействия государственных и частных проводников «мягкой силы» России, а также территория и степень их ответственности за свою деятельность в зоне «мягкой силы» перед государством и его народом.

¹⁵ «Однако работают журналисты в условиях глобального конфликта центров силы, который начался не вчера и является логическим продолжением многовековой политики стран Запада по экспансии в мире. Конца ему не предвидится, пока какой-то из центров силы ни предложит миру иную, более привлекательную, чем существующая, экономическую и социальную идею развития, способную радикально изменить соотношение сил и влияния на планете». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

2. Чёткая и скоординированная стратегия реагирования в информационной операции возможна в условиях отсутствия функционального разрыва между государственными органами и ведомствами, организациями и физическими лицами Российской Федерации, несущими ответственность за реализацию стратегии «мягкой силы» России. Для преодоления подобного разрыва требуются конкретизация понятийного аппарата «мягкой силы», внедрение его практического системного согласованного использования на всех уровнях государственной власти и государственного представительства.

3. К. И. Косачев предельно точно описывает современные реалии геополитического противостояния: «...сознательная дегуманизация геополитических оппонентов оправдывает любые силовые и неправовые действия по отношению к ним: надо ли жалеть тех, кто чуть ли ни генетически не способен принять наши ценности и противостоит им цивилизационно, а не ситуационно? По сути, мы имеем дело с проявлениями новой формы расизма, основанного не на цвете кожи или принадлежности к расе, но на отношении к либеральным ценностям: государства и народы выстроены по степени приближенности к восприятию “единственно верного учения”» [1, с. 18]. «В современной политической борьбе все более широкое распространение получает практика применения методов и технологий ведения информационных войн, которые не подпадают ни под одну из регулирующих норм международного права», – отмечает А. В. Манойло [3, с. 477]. При этом необходимо отметить, что методы и технологии разрабатываются, естественно, не сотрудниками СМИ, не политиками или экономистами, и даже не политологами, как это может показаться на первый взгляд, – их готовят по всем правилам военного искусства, с учётом оперативной информации, разведанных, психологии противника, стратегических целей, множества технологических, технических, тактических и многих других данных и инструментов. А объектом воздействия, как прямого, так и опосредованного, характеризующегося поступательным ростом, является Российское государство, в частности зона его «мягкой силы» как приоритетная цель агрессии в условиях глобального конфликта. Следовательно, противодействием информационным и психологическим операциям, ведением гибридных войн должны заниматься специально подготовленные для этой деятельности профессионалы¹⁶, что позволит как минимум избежать реализации закона перехода количественных изменений в качественные в контексте целей инициаторов информационных операций против Российского государства. В противном случае, как это неоднократно наблюдалось в последние десятилетия, срабатывание данного

¹⁶ «...противодействие информационным и психологическим операциям, ведение гибридных войн должно стать сферой деятельности специально подготовленных для этого профессионалов, которые смогут не только проводить эффективные ответные действия, но и разрабатывать превентивные меры в информационных и психологических операциях в условиях глобального конфликта». См.: Светлана Бурцева: Об атаках на «мягкую силу» России // Изборский клуб: [сайт]. URL: <https://izborsk-club.ru/19580> (дата обращения: 05.07.2020).

закона становится основой для госпереворотов под давлением общественности как внутри государства, так и за его границами.

4. Учитывая локацию рассмотренного примера атаки на «мягкую силу» России, следует отметить стратегическую важность объединения БРИКС для Российского государства. Каждая страна БРИКС в отдельности не способна эффективно справляться с «новыми вызовами и угрозами международной и национальной безопасности, как киберпреступность, информационный терроризм и экстремизм, операции информационной войны» [5]. В связи с этим А. В. Манойло обосновал целесообразность создания единой системы наднациональных органов БРИКС, в частности международной киберполиции БРИКС, как инструмента «обеспечения информационной безопасности объединения БРИКС в целом и отражения операций информационной войны в частности». Представляется также целесообразным формирование внутригосударственной службы противодействия информационной войне в частности, гибридной войне в целом – в сотрудничестве с соответствующими государственными ведомствами и структурами, включая армию, разведку и контрразведку.

Как было уже сказано выше, использование в противодействии информационным и психологическим операциям подготовленных для данной цели специалистов для достижения минимального эффекта уберезит страну от поступательной подготовки «цветного» переворота.

Как максимум, профессиональное ведение информационной войны при наличии чёткой стратегии «мягкой силы», в контексте глобального конфликта мировых центров силы позволит обеспечить государству новый, привлекательный и, следовательно, авторитетный для других международных акторов имидж, способствующий укреплению и расширению союзнических и партнёрских связей как по периметру страны, так и во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косачев К. И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 15–20.
2. Косачев К. И. Не рыбу, а удочку. В чём состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 40–53.
3. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.
4. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
5. Манойло А. В. Российский подход к формированию пространства коллективной информационной безопасности стран БРИКС // Политология. Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 3 (15). С. 156–163.
6. Матвеев Ю. И., Галаева М. Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–179.
7. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

8. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизованном противоборстве / М. А. Гареев, В. Н. Ремарчук, Т. А. Алексеева и др.; под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016. 306 с.
9. Филимонов Г. Ю., Карпович О. Г., Манойло А. В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015. 582 с.
10. Чихарев И. А., Столетов О. В. К вопросу соотношений стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 26–43.
11. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood [Электронный ресурс] // Democratization. [2017]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2017.1363186> (дата обращения: 21.07.2020).
12. Simons G. Policy and Political Marketing: Promoting Conflict as Policy [Электронный ресурс] // Journal of Political Marketing. [2020]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724426> (дата обращения: 21.07.2020). DOI: 10.1080/15377857.2020.1724426.

REFERENCES

1. Kosachev K. I. ["Soft power" with hard consequences]. In: *Rossiiskii zhurnal pravovyykh issledovaniy* [Russian Journal of Legal Research], 2016, no. 1 (6), pp. 15–20.
2. Kosachev K. I. [Not a fish, but a fishing rod. What is the peculiarity of Russia's "soft power"]. In: *Rossiya v global'noi politike* [Russia in global affairs], 2012, vol. 10, no. 4, pp. 40–53.
3. Manoilo A. V. *Informatsionnye voyny i psikhologicheskie operatsii. Rukovodstvo k deistviyu* [Information warfare and psychological operations. A guide to action]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ., 2018. 496 p.
4. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoi voyny. Genezis. Evolyutsiya. Praktika* [Non-classical war technologies. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Hotline-Telekom Publ., 2020. 378 p.
5. Manoilo A. V. [Russian approach to the formation of the collective information security space of the BRICS countries]. In: *Politologiya. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya* [Political science. Social and Humanitarian Knowledge], 2018, vol. 4, no. 3 (15), pp. 156–163.
6. Matveenkov Yu. I., Galaeva M. G. ["Soft power" as a factor in modern geopolitics]. In: *PolitBook*, 2015, no. 1, pp. 165–179.
7. Nye J. ["Soft power" and US-European relations]. In: *Svobodnaya mysl' – XXI* [Free Thought – XXI], 2004, no. 10, pp. 33–41.
8. Gareev M. A., Remarchuk V. N., Alekseeva T. A., et al. *Rol' tekhnologii «myagkoi sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizovannom protivoborstve* [The role of soft power technologies in information, value-world outlook and civilized confrontation]. Moscow, 2016. 306 p.
9. Filimonov G. Yu., Karpovich O. G., Manoilo A. V. *Tekhnologii «myagkoi» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii* [«Soft» power technologies in the U.S. arsenal: Russia's response]. Moscow, RUDN University Publ., 2015. 582 p.

10. Chikharev I. A., Stoletov O. V. [On the question of the relationship between the strategies of “soft power” and “reasonable power” in world politics]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2013, no. 5, pp. 26–43.

11. Noutcheva G. Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood In: *Democratization*, 2017. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2017.1363186> (accessed: 21.07.2020).

12. Simons G. Policy and Political Marketing: Promoting Conflict as Policy/ In: *Journal of Political Marketing*, 2020. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724426> (accessed: 21.07.2020). DOI: 10.1080/15377857.2020.1724426.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 28.07.2020

Статья размещена на сайте: 08.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бурцева Светлана Борисовна – магистрант направления «Политология», Институт общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета; e-mail: lane78787878@gmail.com

Svetlana B. Burceva – Master's Degree Student, Political science, Institute of The Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University; e-mail: lane78787878@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бурцева С. Б. Анализ атаки на «мягкую силу» России в условиях информационной операции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Burceva S. B. Analysis of the attack on Russia's Soft power in the context of information operation. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТЕСТНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ. ОПЫТ 2017–2020 ГГ.

АННОТАЦИЯ

Цель. Проанализировать события 2017–2020 гг. (последнее поколение попыток «цветных революций») с целью определения специфики новых технологий социально-политической протестности, опирающихся на возможности интегрированных цифровых коммуникаций, дающих существенно большие возможности управления общественными настроениями.

Процедуры и методы. Теоретической и методологической базой статьи являются российские и зарубежные работы, посвящённые сетевизированным системам коммуникации, информационным войнам и политическим манипуляциям. Работа подготовлена в рамках классической для российской политологии и социологии методологической парадигмы, но с пониманием существенно возросших социо-конструктивистских возможностей манипулятивных технологий.

Результаты. Выявлена ограниченность возможностей нынешних технологий манипуляций для поддержания устойчивости протестных коалиций. Установлено, что центральной проблемой информационных манипуляций становится качество (прежде всего, убедительность) транслируемого контента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья может стать основой для выработки противодействия современным деструктивным технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социально-политические протесты, информационные манипуляции, пропаганда, информационное воздействие, фейки, управление протестами

СТРУКТУРА

Введение

Объекты анализа

Базовая констатация

Приоритетные целевые аудитории для манипулятивного воздействия

Анализ эффективности информационно-манипулятивного воздействия

Промежуточные выводы

D. Evstafiev

National Research University Higher School of Economics
20 ul. Myasnitskaya, Moscow 101000, Russia Federation

SOCIO-POLITICAL PROTESTS OF THE NEW ERA AND THE TECHNOLOGIES OF INFORMATIONAL-POLITICAL MANIPULATIONS. THE EXPERIENCE OF 2017–2020

ABSTRACT

Aim. To analyze the cases of social protests of 2017–2020, that could be regarded as the latest generation of the “colour revolution” attempts, in order to define the specifics of new technologies of managing socio-political protests – technologies based upon the potential of digital integrated communications that provide for wider potential to control public attitudes.

Methodology. Russian and foreign scholars’ research of the networks-based communication systems, information wars and political manipulations serve as the theoretical and methodological basis of the article. The article uses the classic methodologic approach of Russian political and social science but with the special focus on growing socio-engineering capabilities of the manipulation technologies.

Results. It is shown that the capabilities of present day manipulation technologies to preserve protest stability are limited. The key problem of information manipulations is the quality and persuasiveness of the transmitted content.

Research implications. The article could be used as a theoretical base for elaboration of methods of countering destructive social technologies.

KEYWORDS

socio-political protests, informational manipulations, propaganda, informational influence, fakes, protests guidance

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика социальной протестности и управления ей с использованием информационных технологий является одной из наиболее актуальных в современной политологии. Это связано с характером политических процессов в мире, где одним из инструментов не только социальных, но и политических и даже геополитических трансформаций является социальная протестность, стимулируемая и/или управляемая извне. Такой метод воздействия на политику суверенных государств, а в ряде случаев – даже и изменения геополитической конфигурации крупных регионов, относительно безопасен с точки зрения возможной силовой реакции стран-конкурентов и даёт широкие возможности манипуляций в отношении политической и экономической элиты.

Это будет определять востребованность подобных технологий и растущую актуальность их мониторинга и исследования процессов развития.

Технологии, первично отработанные в ходе «цветных революций» в Сербии и на постсоветском пространстве, а затем – в ходе «арабской весны» в на-

стоящее время интенсивно совершенствуются за счёт новых возможностей информационного общества, основанных на системе цифровых интегрированных коммуникаций. Это вполне соответствует важнейшим тенденциям развития глобализации, в которой начинает всё больше доминировать коммуникационная составляющая, в целом находящаяся под контролем США.

Рассмотренная в статье тема носит междисциплинарный характер. В своём анализе автор базируется на работах зарубежных и российских специалистов по информационным войнам и политическим манипуляциям, Э. Люттвака, Дж. Ланйера, А. В. Манойло, О. В. Матвейчева, А. О. Наумова, С. Стронга, С. Фуллера и других. Важным направлением исследования современного информационного контекста стали исследования феномена «постправды».

Автор в качестве фундаментальной теоретической и методологической базы опирается на классические работы, посвящённые сетевизированным системам коммуникации. В частности, необходимо упомянуть работы М. Кастельса, Э. Гидденса, Дж. Урри, Т. Ван Дейка, Дж. Вайсман и других западных исследователей, заложивших концептуальную основу для использования информационных технологий как инструментов социального и социально-политического управления.

Важную роль играют работы крупнейших зарубежных учёных, занимавшихся проблематикой трансформации власти в процессе социальных протестов и силовых действий. Отметим фундаментальную монографию Э. Люттвака «Государственный переворот. Практическое пособие», хотя, конечно, в данной работе не учитываются многие важные аспекты подобных трансформаций, связанные с потенциалом современного информационного общества и информационно-политических манипуляций, в полной мере проявившиеся уже в 2010-х гг.

Не утрачивают актуальность и работы В.Г.Афанасьева по вопросу управления информацией¹, где сфера информации рассматривается в качестве варианта социальной системы, свойства которой проявляются через взаимодействие крупных общественных коллективов. Это свойство в полной мере проявилось в ходе информационно-политических манипуляций последнего времени.

Социальная протестность методологически рассматривается как часть процесса публичной реализации политических кризисов, имеющих различную природу, но чаще всего – социально-экономическую. Работа подготов-

¹ В частности, фундаментальным можно считать следующее замечание академика В. Г. Афанасьева: «Избирательный, селективный подход человека к информации предполагает: совершенное знание человеком своей специальности, своей роли в коллективе, обществе и стоящих перед ним и обществом задач; умение ориентироваться в океане информации, отбирать и уметь использовать ту информацию, которая ему необходима» [1, с. 85]. Принципиальны два момента: с одной стороны, характеристика потребления информации как явления социального, а с другой – неспособность, условно, «среднего» человека, неподготовленного и не имеющего достаточного кругозора, оценивать качество и достоверность предоставляемой ему информации.

лена в рамках классической для российской политологии и социологии методологической парадигмы [14], но с пониманием существенно возросших социо-конструктивистских возможностей манипулятивных технологий.

ОБЪЕКТЫ АНАЛИЗА

В качестве объекта для проведения анализа были отобраны несколько ситуаций, где информационно-манипулятивные технологии использовались для формирования среднесрочно устойчивых (или устойчивых на среднесрочную перспективу) систем политической и социальной протестности и дестабилизации соответствующих политических режимов с локальными (смещение руководителей региональных органов власти, изменение поведения властей) или тотальными целями. Подобные конфликтные ситуации являются наиболее привлекательными для применения информационно-политических манипуляций без риска вовлечения в крупный конфликт, но с перспективами изменения политики важнейших для конкретных регионов государств. Такого рода конфликтные узлы, где конкурирующие глобальные и региональные силы могут и будут задействовать различные манипулятивные инструменты, вполне типичны для периода переконфигурирования глобального экономического и политического пространства и достижения доминирования во «фронтирных зонах» и ресурсно значимых пространствах.

Подобные ситуации можно считать типологически предшествующими в «лестнице эскалации» в межгосударственных отношениях «гибридным войнам», хотя это понятие слишком зонтичное, чтобы рассматриваться как полностью методологически корректное [7].

В работе рассматриваются в основном события 2018–2020 гг., в качестве последнего поколения попыток «цветных революций»². Эти события и по своему целеполаганию, и особенно по характеру используемых инструментов и манипулятивных технологий отделены от эпохи «арабской весны», которой были свойственны иные политические задачи и иной уровень использования информационно-манипулятивных технологий (табл. 1).

В качестве **объектов исследования** были выбраны:

– Долгосрочная *политическая нестабильность в Венесуэле* с января 2019 г. События в Венесуэле, связанные с попытками продвижения на пост президента лидера оппозиции Х. Гуайдо можно считать последним случаем, когда ставка делалась на дестабилизацию недружественного режима силами только США, а информационные манипуляции были не важнейшей интегрированной частью изначального сценария, а наращивались по мере исчерпания возможностей «традиционных» для американской политики в Латинской Америке средств. В Венесуэле были отработаны «флагманские»

² Исчерпывающий анализ опыта и технологий более раннего «поколения» «цветных революций» см. у А. В. Манойло [8]. Также интерес представляет работа О. Г. Новикова, Д. А. Рыжиковой и Р. Н. Высоцкого [11].

Таблица 1 / Table 1

Базовые характеристики социального и информационного пространства
«новой протестности» / Basic characteristics of the social and information space of the
“new protest”

Локация	Характер социального пространства в зоне активной протестности	Наличие этно-религиозного фактора	Уровень развития цифровых технологий	Уровень медиатизации	Уровень контроля медийного пространства Властями	Примечание
Венесуэла	Высокоурбанизированное пространство «фрагментированного мегаполиса»	Нет	Низкий	Средний	Средний	Активная роль криминализированных «городских племен» в качестве основы для «коммуникационных систем»
Армения	Высокоурбанизированное пространство в доминирующем мегаполисе.	Нет	Средний	Низкий	Низкий	Асимметрия интересов Армении и армянской диаспоры
Москва*	Постиндустриальный мегаполис, экономически и социально противопоставленный остальной стране	Нет	Высокий	Высокий	Средний/низкий в зависимости от сегмента	Максимальная активизация широкой протестной коалиции на пике протестов, затем, - быстрый спад
Россия	Крупнейшие города соответствующих регионов.	Нет Попытки развить ксенофобские настроения успеха не имели	Средний/Высокий	Высокая	Средний	Отмечается начальная фаза регионализации протестной повестки
Белоруссия	Умеренно-урбанизированное: сочетание доминирующего городского центра субмегаполисного типа и малых городов	Да На поздней фазе протестов они приобрели этно-религиозную окраску.	Средний	Средняя/низкий	Средний	Часть государственных СМИ де-факто контролировалась антивластными силами У власти была иллюзия контроля медийного пространства
Киргизия	Постсоветский субмегаполис с рудиментами архаики	Да. Субэтнический раскол общества с элементами ксенофобии в отношении других общин – основа протеста.	Средний	Низкий	Низкий	Информационная хаотизация как антитеза клановой социальной структурированности. Распад общегосударственной «повестки дня»

политико- и информационно-манипулятивные технологии, в дальнейшем тиражируемые в других регионах, в том числе и на постсоветском пространстве: формирование двоевластия и реализация впервые в столь откровенной форме принципа внешнего управления государственным суверенитетом. Важнейшим компонентом ситуации в Венесуэле было системное применение комбинированных информационно-манипулятивных и киберударных инструментов воздействия³.

– «Цветная революция» весны 2018 г. в Армении, рассматриваемая как удачный опыт адаптации универсальных манипулятивных технологий в пространстве, наполненном неуниверсальными, а в чём-то и архаическими социальными связями и отношениями. Ситуация отличалась точностью реализации политического содержания и исключительно быстрым переводом протеста из сферы коммуникации в сферу публичного протеста. Важно и то, что доминирующую роль в данном случае играли классические методы пропаганды, степень задействования интрузивных манипуляций была относительно велика. Коммуникационные инструменты играли роль консолидатора протеста и организационного инструмента. Следует отметить исключительную радикальность лозунгов, что отражало изначальную решительность ставившихся задач.

– События в г. Москве в 2019 г. и последующая цепь протестных действий в России, включая попытку формирования локализованного среднесрочного узла нестабильности в Хабаровске. Ситуация важна не только классическим локализованным проявлением социо-коммуникационной гибридности [4], но и попытками встраивания в единый вектор протестности разнородных по своему генезису и политическому содержанию процессов: от политических протестов в Москве, сфокусированных на локальной задаче, до локальных по своему генезису, но отражавших общефедеральные обеспокоенности «мусорных» протестов в Архангельске. Важнейшими элементами ситуации были, с одной стороны, нацеленность на относительно быстрый перевод ситуации в формат социального действия (публичного протеста), а с другой – критичность сохранения единого информационного вектора (расширенной «повестки дня») для обеспечения политической статусности социоинформационных процессов.

– Попытка государственного переворота с опорой на внешнее управление в Белоруссии в августе 2020 г., где информационно-манипулятивные технологии были использованы в качестве ресурса стратегического управления при значительной вовлечённости в ситуацию внешних сил, имевших различные цели и мотивы поведения. Ситуация в Белоруссии важна и тем,

³ Наиболее очевидным таким эпизодом было временное выведение из строя в марте 2019 г. крупнейшей венесуэльской ГЭС «Гури» (См.: «Стремление к глобальному контролю»: почему Китай обвиняет США в кибершпионаже [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/719299-kibershpiionazh-ssha-kitai-obvineniya> (дата обращения: 19.02.2020). Имели место и другие менее масштабные или менее успешные попытки дестабилизационных действий, но данный эпизод важен масштабностью и координацией по времени с одним из пиков протестов.

что там информационно-политические манипуляции столкнулись не только с контригрой властей на социальном поле, но и с попытками технологического противодействия информационным манипуляциям, оказавшиеся частично успешными. Можно предположить, что поствыборный протестный узел в Белоруссии станет основой – во всяком случае, технологической, новой модели управления социального протестами.

– *Информационная война против попыток России превратить 75-летие Победы советского народа в Великой отечественной войне* в значимое событие для усиления позиций России в мире. Данная ситуация характерна своей продолжительностью/протяжённостью по времени, сочетанием манипуляций различного типа извне России, и изнутри, а также попытками сращения темы с общепротестной активностью по всему спектру проблем. Возможности вывода или самостоятельного выхода ситуации в публичное поле были, изначально ограничены и она осталась преимущественно в рамках технологий почти классических «информационных войн» и пропагандистской диффамации.

– *События в Киргизии 2020 г.* как информационно-политическая анти-теза другим ситуациям, когда степень управляемости информационных процессов оказался явно недостаточен, и произошла сперва хаотизация информационного, а затем – политического пространства. Хотя, безусловно, в ситуации в Киргизии значительную роль сыграли непреодолимые особенности социального пространства⁴, не дававшие возможность сформировать доминирующий вектор протестности.

За рамками данной работы остаются события в США, сопровождавшиеся исключительно широкими информационными манипуляциями, дающие также богатую пищу для совершенствования мер воздействия на крупные и политически активные общественные группы. Но типологически эта ситуация является слишком специфическим случаем (по характеру пространства и решаемым задачам), чтобы рассматриваться в данной статье.

БАЗОВАЯ КОНСТАТАЦИЯ

При всех различиях социального и информационного пространства новая протестность развивалась в условиях относительно урбанизированных пространств, но характеризующихся принципиально различной степенью социальной атомизации и глубиной разрушения традиционных социальных институтов. Иными словами, «новая социальная протестность» – явление преимущественно городское, опирающееся на городские структуры. Внешне протестные системы построены по сетевому принципу, но внутри протестных систем прослеживается формирование иерархии.

⁴ Обзор ситуации в Киргизии на момент свержения президента может быть найден в статье П. Скоробогатого и Т. Сысоева [15]. Особо отметим очевидную хаотизацию протестной деятельности в Киргизии и ее крайне слабую управляемость.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕЛЕВЫЕ АУДИТОРИИ ДЛЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Новые подходы к информационно-политическим манипуляциям отражают не просто высокую, а растущую степень социальной атомизации обществ даже в относительно развитых странах и наличие в их социальном пространстве значимых элементов анклализации, что разрушает устойчивые социально-политические и поведенческие модели.

Объектом и информационных манипуляций и кибератак выступают целевые аудитории, фактически, привязанные, вернее формирующиеся вокруг определённых социальных групп:

Молодёжь. Как показывает практика последнего года именно эта категория будет фокусной для информационно-политических манипуляций. Фактором, позволяющим осуществлять масштабные информационно-политические манипуляции в молодёжной среде, является расширяющийся отрыв молодёжи от реальной экономически значимой социальной жизни на фоне искусственно формируемого «конфликта поколений». Возникает сообщество «цифровых космополитов» [17] как внутренний социальный анклав урбанизированного пространства, социально отделяющий себя от большей части населения страны. Навязывание космополитического мировоззрения, на практическом уровне легко трансформируемое в антипатриотизм.

Военнослужащие и сотрудники силовых структур. Универсальной становится стратегия устрашения и принуждения к последующему покаянию. Это проявлялось и в летних событиях 2020 г., и в событиях в Гонконге, и в протестах в Белоруссии. Но, как показывает практика, нынешних технологий для работы по этому направлению явно недостаточно, эффективное воздействие требует большего погружения в реальное взаимодействие. Это в действительности очень важный момент – наличие системных жёстких связей (например, таких как присяга, боевое братство, даже земляческие отношения) является серьёзным сдерживающим фактором информационно-политических манипуляций.

Пенсионеры. Данная социальная группа рассматривается в современных сценариях в качестве важного элемента информационных манипуляций. Важность данной целевой аудитории в сценариях гибридных манипуляций в том, что, будучи относительно слабо вовлечёнными в системы интегрированных коммуникаций (хотя эта вовлечённость будет постоянно расти хотя бы в силу демографических причин), пенсионеры сохраняют потенциал влияния в традиционных системах коммуникаций, а также специфических социальных пространствах («больших семьях»). Нельзя исключать, что именно пенсионеры как наиболее социально уязвимая категория граждан не только в России, но и в мире в целом, могут стать следующим объектом для тестирования комплексных манипулятивных технологий. Особенно учитывая, что вбросы относительно радикального изменения пенсионной системы в России уже неоднократно производились в текущую повестку дня.

Получатели социальных льгот. Они являются «неудобной» категорией для манипуляций. Важно отметить, что потенциал социальной консолидации данной социальной категории существенно больше, чем у пенсионеров, более социально атомизированных, обладающих исторической памятью и менее склонных к радикальной протестности. Но сами по себе получатели льгот могут входить в иные социальные категории. Кастомизация их как специфической целевой аудитории представляет собой определённую сложность как в социальном, так и в технологическом плане. Они, скорее, подвержены некастомизированной пропаганде, направленной на подрыв доверия к политическому режиму. Но в Венесуэле и странах подобных ей воздействие на эту целевую аудиторию может в перспективе стать специфическим вектором воздействия. Вообще воздействие на получателей социальных льгот пока лежит совершенно в русле классической политической популистской повестки, переживавшей бум на Западе [6]. Непростые социальные последствия пандемии усилят интерес к этой целевой аудитории.

Малый бизнес. Представители малого бизнеса в ходе пандемии показали высокую степень эмоциональности поведения, низкую степень социальной и экономической устойчивости. Иными словами, они продемонстрировали, что могут быть манипулируемы с использованием относительно простых средств. В наибольшей степени значимость этой категории и высокая степень её манипулируемости проявилась в Киргизии, но это связано с особенностями социальной структуры общества. С точки зрения социального структурирования, малый бизнес оказался одной из наиболее атомизированных групп населения, несмотря на формальное существование многочисленных организаций. И это сделало малый бизнес исключительно уязвимым для простейших информационных манипуляций⁵. Возможности для деструктивного использования данной социальной группы в России является в целом негативное отношение к ней со стороны основной части общества и крайне низкий потенциал консолидации.

Этими целевыми аудиториями воздействие на общественное мнение, безусловно, не ограничивалось. В частности, во всех случаях отмечены попытки воздействия на государственных служащих, бюджетников и ряд других категорий. Но указанные выше категории были фокусными для информационно-манипулятивного воздействия, на них апробировались наиболее значимые технологии информационно-манипулятивного воздействия и

⁵ Этот феномен не является уникальным для постсоветского пространства. Он отражает общий для всего мира процесс трансформации в последние 100 лет «мелкой буржуазии»: движение от реальных владетелей значительной части собственности в любой стране, тем не менее, подверженных различным пропагандистско-политическим манипуляциям. Сейчас значительная часть этой утрачивающей контроль над собственностью и распавшейся на «кредитный средний класс» и «креативный класс» группы пауперизируется и выводится за пределы «социального договора» [16]. В постсоветской Евразии эти процессы обостряются высоким уровнем криминализации и зависимости «малого бизнеса» от административного произвола.

именно в отношении них были отмечены определённые результаты манипулятивного информационно-политического воздействия, хотя и не всегда только позитивные.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В рассматриваемых случаях протестной деятельности приоритетным вопросом становится не секторальная структура воздействия, а возможности новых информационно-манипулятивных технологий по управлению поведением крупных социальных групп и формированием на их основе значимого и устойчивого по времени протестного «ядра» (табл. 2).

Основополагающим выводом является появление технологической возможности среднесрочного удержания протестного ядра. Но даже с учётом резко повысившегося уровня информационной интрузивности дилемма между «охватом», «коммуникационной вовлечённостью» и «деятельным участием» сохраняет свою актуальность.

Анализ информационной составляющей протестной активности позволяет сделать несколько **базовых констатаций**:

1) Важнейшим элементом новых манипулятивных технологий становится *возможность дистанционного управления географически разнородными протестными процессами при сохранении их скоординированности по времени и содержанию (контенту коммуникаций)*. Но потенциал дистанционного управления протестной активности распределяется неравномерно: на фазе нарастания протеста, но пока он находится преимущественно в информационной сфере возможности дистанционного управления близки к предельным. В тот момент, когда в протестности начинают доминировать формы, связанные с репрезентацией в пространстве социального действия, возможности «бесконтактного» управления существенно уменьшаются.

2) Условием успешности информационно-политических манипуляций и реализации потенциала политического управления является *сохранение технологической доступности базовых каналов коммуникаций и управление ими по классической иерархической схеме*, то есть, определения информационного «мейнстрима» «сверху вниз». Классическим примером такого развития являлась ситуация в Белоруссии, где центральное место занимал канал NEXTA и где удалось продемонстрировать наиболее высокую эффективность информационных манипуляций⁶. Во всех других случаях, когда существовала сетевизированная система информационного воздействия, результаты оказывались существенно скромнее.

⁶ Это является исключительно важным аспектом ситуации, показывающий, что медийная по форме площадка – NEXTA – выполняла функции организатора и некоего посредника между сетевизированными структурами и иерархическими. Такой феномен – возникновение посредника между сетевыми и иерархическими структурами – аналитически описывался применительно к сложноорганизованным структурам [12, с. 130–133], но в плоскости управления практическим политически мотивированным поведением данный феномен проявился впервые.

Таблица 2 / Table 2

Эффективность социо-манипулятивных методов воздействия на ключевые аудитории по опыту последних лет. Авторский анализ / Effectiveness of socio-manipulative methods impact on key groups. Recent data. Author's analysis

Целевая аудитория	Наиболее значимые кейсы	Платформы	Технологии	Содержательные задачи	Наличие собственной повестки дня	Эффект	Примечания
Молодёжь	Россия Белоруссия Иран Венесуэла	Социальные сети Видеохостинги	Фейковизация Геймификация	Формирование протестного «ядра» Отвращение от провластного дискурса Формирования ложного горизонта событий	Да	Россия – высокий Белоруссия – высокий Венесуэла – средний Иран – средний	Подходы отличаются универсальностью. Молодёжная протестность постепенно становится основой нового идеологического конструкта.
Силовики	Венесуэла Иран Белоруссия	Землячества в соцсетях Фейковые вбросы	Деанонимизация	Устрашение Подрыв лояльности	Да	Венесуэла – средний Иран – не ясно, но не более чем средний Белоруссия – ограниченный	Переход от подрыва лояльности к устрашению оказал консолидирующее воздействие на ЦА.
Пенсионеры	Общероссийские протесты Белоруссия	Слухи и вбросы в традиционных СМИ с опорой на дискурс в Интернете Создание системы верного распространения слухов	Распространение слухов	Создание неуверенности Формирование самовозобновляющейся системы распространения слухов	Россия, Белоруссия – да. В остальных случаях – нет	Ограниченный	Технологии встраивания пенсионеров в протестность не отработаны. Это связано с особенностью коммуникационного пространства у этой ЦА. Социальный потенциал, потенциал «полевого» воздействия у данной ЦА велик.
Льготники	Москва Общероссийские протесты	Социальные сети	Распространение слухов Вбросы фейков	Подрыв лояльности к властям на региональном и в меньшей степени – федеральном уровне. Создание очагов напряженности по месту жительства Побуждение к протестам	В большинстве случаев – нет	Ограниченный	Не выявлено специфических каналов коммуникаций и информационных манипуляций, которые обеспечивают фокусность воздействия на данную ЦА. Не для всех кейсов ЦА является приоритетной. Для России – приоритетна
Малый бизнес	Общероссийские протесты Москва Хабаровск Белоруссия Армения Киргизия	Социальные сети Профессиональные объединения	Распространение панических настроений Слухи Фейки	Формирование на базе мелких бизнесменов «массовки» в социальных протестах.	В большинстве случаев (Россия, Белоруссия, Киргизия, Армения) – да	Высокий	Малый бизнес превращается в максимально информационно манипулируемую аудиторию. Но это является следствием противоречивости социально-экономических процессов, в которых он существует

3) *Фейковизация пространства приобрела системный характер.* Успех достигается путём обеспечения высокого уровня плотности информационного потока [9] и стимулирования приоритетных целевых аудиторий к избыточному и чрезмерно ускоренному потреблению информации. Фейковизация становится нормальным элементом формирования «повестки дня», особенно при наличии механизмов снятия с себя ответственности (хотя ситуация в Белоруссии продемонстрировала, что можно обходиться и без них). Но даже новое поколение информационно-манипулятивных технологий, включая радикализирующие фейковые вбросы (как правило, связанные с гибелью или тяжёлыми увечьями протестующих), не дали принципиально-го «рывка» с точки зрения потенциала мобилизации. Реальный социальный мобилизационный эффект оставался краткосрочным, а чаще – локализовывался в информационном пространстве (как, например, это происходило с вбросами об избиениях протестующих российскими силовиками).

4) *Несмотря на новый уровень агрессивности и интрузивности ни в одном из случаев активного использования информационно-политических манипуляций, они сами по себе не дали полноценного политического результата.* Главная проблема всех протестов – нахождение удовлетворительного с точки зрения достижения поставленного результата баланса между охватом и радикальностью протестов, достаточного для достижения политически значимого результата. Во всех случаях рассматриваемых протестов происходил распад «протестной коалиции» на «болото», предпочитавшее в большинстве случаев вернуться в пространство чисто информационной протестности, и резко радикализирующееся ядро.

5) *Мы наблюдаем резкий рост значимости визуальных идентификаторов, становящихся определяющим фактором политической консолидации* (как оппозиции, так и условно «провластных» сил). В наиболее яркой форме это было отмечено в ходе поствыборных протестов в Белоруссии, но в той или иной степени может быть отмечено и в других кейсах. В России, в Киргизии и Армении (и, выходя за рамки рассматриваемых кейсов, – в США) имела место прямая персонификация протестов, что является одним из вариантов визуального идентификатора.

6) *Нельзя говорить о полной утрате эффективности классической пропаганды и контрпропаганды.* Но она играет вспомогательную роль, формируя определённый политический фон. В какой-то мере классическая пропаганда выполняет роль инструмента формирования базовых рамок фреймирования, создания устойчивых информационных идентификаторов [10]. Классическим является кейс «БЧБ-Белоруссия», но и в случае с «абрикосовой революцией» в Армении как раз классические СМИ сыграли главную организационную и коммуникационную роль. Возможности классической пропаганды зависят от социального характера и социальной истории соответствующего пространства. И этот фактор выходит за чисто институциональные рамки.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

Последний цикл использования информационно-манипулятивных технологий (2018–2020 гг.) нельзя считать признаком появления некоего их нового поколения. Скорее, можно говорить о доведении до логического предела развития технологий манипуляций, созданных на основе систем цифровизированных интегрированных коммуникаций, главным образом, с точки зрения возможностей кастомизации (индивидуализации) влияния и управления групповыми настроениями.

Принципиальными структурными моментами в последней волне можно было бы назвать, с одной стороны, появление отдельных (но пока ещё несистемных) признаков апробации в применении киберударных средств по системам социально-экономической инфраструктуры в период вывода гражданской нестабильности на пик (Венесуэла). С другой стороны, важным фактором информационно-политических манипуляций стала продемонстрированная способность к поддержанию среднесрочной комплексности использования различных инструментов управления (в наибольшей степени это проявилось в ходе событий в Белоруссии). Ранее можно было говорить лишь о краткосрочной комплексности применения информационно- и социально-манипулятивных инструментов (табл. 3).

Пока вряд ли можно говорить о каком-то качественном скачке в развитии информационно-манипулятивных технологий, для чего, вероятно, потребуется не только создание принципиально иной технологической среды, соответствующей социальной среде, близкой к предельной социоструктурной атомизации. Явно потребуются тщательная проработка вопросов управления контентом с учётом социальной динамики и технологических возможностей кластерной адаптации контента⁷. Этот же принцип будет действовать и в противоположном направлении – в отношении мер противодействия протестному социальному конструированию.

Выход на новое поколение социально интрузивных манипулятивных технологий является лишь вопросом времени с учётом выводов, сделанных по итогам последнего цикла напряжённости и темпов развития информационных технологий. Мы стоим на пороге действительно глубокого качественного рывка в развитии социально-манипулятивных технологий, который может быть предотвращён только в случае распада глобализированного информационного пространства и «национализации» (не только юридической, но и технологической) страновых или региональных его сегментов. Но это будет означать разрыв одной из наиболее значимых для современного мира систем взаимозависимости.

⁷ Феномен содержательного выхолащивания протестности был отмечен многими экспертами и комментаторами. Особенно это заметно на примере протестов в Белоруссии. См., например: Одноколенко О. Государство и цветная революция. После событий в Белоруссии не осталось никаких сомнений: на смену демократии пришли политехнологии // Еженедельник «Звезда» 2020. 23 сентября. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/2020921116-HEuxa.html> (дата обращения: 23.09.2020).

Таблица 3 / Table 3

Особенности манипулятивных технологий в контексте конкретных операционных площадок / Features of manipulative technologies in the context of specific operating sites

Ситуация / технология и ее эффективность	Якорная информационная платформа	Визуализация	Фейковые сайты госорганов	Фальсификация контента	Примечания
Венесуэла	Нет	Слабая	Нет, но с апреля 2019 г. создавались конкурирующие с официальными коммуникационные платформы в рамках двоевластия. Но эти платформы претендовали на официальный статус	Да	Ситуация развивалась в русле конкуренции борьбы за признание легитимности внешними силами.
Армения	Нет. Базовым организационным инструментом стала социальная сеть Facebook	Средняя/Сильная (на пике протестов)	Нет	Нет	Контроль оппозиции над наиболее значимыми СМИ
Москва	Да: «Эхо Москвы» Телеканал «Дождь»	Сильная. Важнейшую роль сыграли стримы в режиме реального времени	Нет	Нет	Попытка поколенческого противопоставления различных социальных групп («Рэп-концерт против «Фестиваля шашлыка»)
Прочие регионы России	Да: ФБК Локальные оппозиционные сайты	Средняя	Нет	Да	Ни в одном из случаев протестности государственные каналы коммуникаций из-под контроля не вышли. Различный уровень локализации протестной повестки. Наивысший уровень был достигнут в Хабаровске и Архангельской области. В других регионах — существенно ниже.
Белоруссия	Да. Сочетание информационного и коммуникационного компонента в деятельности НЕТА	Сильная	Нет. Кибератаки с целью захвата контроля над государственными каналами коммуникаций отбиты	Да/высокая	Отсутствие опасений дискредитации якорной платформы за счет прямого вброса фейков и фальсификаций. Резкое падение эффективности манипуляций при столкновении с неразовой конкурирующей социальной реальностью
Киргизия	Нет. Попытка встраивания НЕТА в информационное управление протестами на завершающей стадии	Сильная	Нет	Разовая, не оказала серьезного воздействия на развитие ситуации	Имел место распад системы государственной информации

Несмотря на процесс универсализации информационных технологий, последние годы дали видимое нарастание социальной архаики, что и потребовало большей кастомизации и интрузивности информационно-манипулятивных технологий. *Относительно локально успешные кейсы протестности были связаны с реализацией потенциала социо-коммуникационной гибридности с заранее спланированными и организационно обеспеченными точками трансформации коммуникационного потенциала в потенциал реального действия.*

Отметим несколько других **принципиальных моментов**.

Первое. Базовым фактором, обеспечивающим успешность манипуляций, становится *фактор времени*. Эффект ускорения времени является типичским для современного общества [3], но в контексте всплеска социально-политической протестности этот аспект приобретает ещё и операционное значение. Управляемое «сужение горизонта планирования» на групповом и индивидуальном уровнях, формирование у значимых в общественном плане социальных групп ощущения существования «мира», общественных процессов только «здесь и сейчас» становится одним из наиболее значимых инструментов манипуляций общественными настроениями. Это связано как с эффектом «социальной тоннельности» в восприятии действительности, когда рациональное восприятие заменяется жёстким фреймированием, в особенности по отношению к противникам [2], так и с недостаточностью нынешнего поколения интрузивных манипулятивных технологий для поддержания устойчивой системы протестности на среднесрочную перспективу, что требует ускорения событий до степени иррациональности.

Второе. Все исследованные ситуации протеста отличало *максимальное упрощением контента (коммуникаций)*, причём как в информационном пространстве, так и в социальном: все случаи протестности характеризовались продвижением максимально упрощёнными лозунгами, а в ряде случаев (Москва 2019 г., Белоруссия, Киргизия) – лозунги, фактически, были бессодержательными и рассчитанными исключительно на эмоциональное восприятие. Но это означает существенное расширение допустимых мер информационного воздействия, акцентированную «лозунговость» соответствующих коммуникаций. Последний цикл протестной активности в принципе характеризуется ориентацией на дерационализацию поведения важнейших социальных групп, вовлечённых в протестную активность, стимулирование моментальной эмоциональной реакции, что является специфическим технологическим свойством сетевизированных интегрированных коммуникаций [19], трансформируемым в социальное пространство. Как минимум, в двух случаях (Белоруссия и протесты в регионах России) сценарий «хаотизации» пространства рассматривался как вполне допустимый и легкодостижимый, нежели рационально осознаваемые сценарии захвата власти и изменения курса страны.

Третье. Важнейшим фактором информационных манипуляций стало удержание «смыслового коридора» протеста в сетевизированном информационном пространстве с характерным быстрым устареванием повестки дня⁸. Это критично, чтобы исключить возможность диссонанса целеполагания у наиболее активных протестных групп. Во всех случаях, «большая протестная коалиция» распадалась (исключение – ситуация в Армении, где «цветная революция» закончилась относительно быстрым успехом), а использование новых технологий манипуляций ни в одном из рассмотренных случаев не привело к преодолению диссонанса целеполагания. По мере стагнации протеста (Белоруссия, Хабаровск, в меньшей степени Венесуэла) выделяется радикальное протестное «ядро», для которого информационное пространство становится преимущественно инструментом управления протестностью, и «информационно-вовлечённая» масса, преимущественно ограничивающая свою вовлечённость в процессы коммуникациями. Но вопрос управления диссонансом целеполагания в ходе социальных протестов в условиях высокого уровня насыщенности социального пространства цифровыми коммуникациями становится одним из главных и на будущее является предметом дальнейшего тщательного рассмотрения.

Четвёртое. Фактором, определившим операционное пространство для информационно-политических манипуляций, являлась защищённость национального информационного пространства, причём как политическая, так и технологическая. В частности, обратим внимание на ставшую одной из наиболее часто употребляемых технологию деанонимизации силовиков и других государственных служащих, в целом – опубличивание чувствительной личной информации, что является в целом естественным результатом развития технологий кастомизации коммуникаций. Это поставило в повестку дня вопрос о выработке существенно более разумного подхода к информационной открытости государства и обществ [13].

Пятое. Критическим моментом для нейтрализации информационно-политических манипуляций становится сохранение контроля над государственными информационными ресурсами (включая официальные сайты министерств и ведомств) и обеспечение доминирующего присутствия в каналах коммуникаций официальной точки зрения [18]. Ни в одном из рассмотренных случаев не было отмечено системной работы по развалу государственной системы коммуникаций, причём даже в тех случаях, где это диктовалось целями протеста (например, в Венесуэле и Белоруссии). Хотя элементы противодействия государственной пропаганде на технологиче-

⁸ Основополагающим и, безусловно, сохраняющим актуальность и по сей день принципом является каскадная активация сетевого фрейминга, сформулированная М. Кастельсом [5, с. 187–190]. Характерно, что, разбирая принцип каскадирования нарративов, формирующих запрограммированное восприятия информации, Кастельс использует пример интервенции США в Ираке в начале 2000-х гг.

ском уровне присутствовали в большинстве случаев, в т. ч. и в России. Это является отступлением от ранних принципов опоры на технологическое доминирование, когда коммуникации государства блокировались (Египет) или создавались фиктивные информационные объекты (Ливия).

Думается, мы имеем дело с некоей «промежуточной» моделью информационно-политических манипуляций, где уже учитывается запрос на локализацию и учёт особенностей не только политического, но и социального пространства, но технологии пока ещё недостаточны для того, чтобы в полной мере реализовать эти особенности на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев В. Г. Человек: общество, управление, информация. Опыт системного подхода. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 208 с.
2. Бараш, Р. Э., Антоновский, А. Ю. Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 3. С. 140–164.
3. Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 304 с.
4. Евстафьев Д. Г. Социо-коммуникационная гибридность как свойство современного информационного общества // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т. 3. № 4. С. 140–158.
5. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Клупт М. Социальная база и перспективы популизма в странах Запада // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 47–55.
7. Конышев В., Парфенов Р. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56–66.
8. Манойло А. В. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.11.2020).
9. Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.11.2020).
10. Наумов А. О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4 (32-33). С. 79–87.
11. Новиков О. Г., Рыжикова Д. А., Высоцкий Р. Н. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 41–56.
12. Олескин А. В. Сетевое общество: Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

13. Ровинская Т. «Прозрачность» в информационную эпоху: благо или зло? // Мировая экономика, международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С. 126–138.
14. Розов Н. С. Социально-политические кризисы и революции: теоретический анализ // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 33–42.
15. Скоробогатый П., Сысоев Т. Пожары имперского фронта // Эксперт. 2020. № 42 (1180). URL: <https://expert.ru/expert/2020/42/pozharyi-imperskogo-frontira/> (дата обращения: 14.10.2020).
16. Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
17. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с англ. Д. Симановского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.
18. Чернавин Ю. А. Современная цифровизация: преимущества и риски для российского общества и его безопасности // Военный академический журнал. 2020. № 2. С.76–84.
19. Rushkoff D. Present Shock. When Everything Happens Now. New York: Current, 2013. 296 p.

REFERENCES

1. Afanas'ev V. G. *Chelovek: obshchestvo, upravlenie, informatsiya. Opyt sistemnogo podkhoda* [Man: society, management, information. Systematic approach]. Moscow, Book House "Librokom", 2013. 208 p.
2. Barash, R. E., Antonovskii, A. Yu. [Modern protest communication in the context of the system-communicative approach]. In: *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communication. Media. Design], 2019, vol. 4, no. 3, pp. 140–164.
3. Wajcman J. Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism (Russ. ed.: Edel'man N., transl. *Vremeni v obrez: uskorenie zhizni pri tsifrovom kapitalizme*. Moscow, Delo Publishing House, RANEPa, 2019, 304 p.).
4. Evstafiev D. G. [Socio-communication hybridity as a characteristics of the modern information society]. In: *Kommunikatsii. Media. Dizain* [Communications. Media. Design], 2018, vol. 3, no. 4, pp. 140–158.
5. Castells M. Communication Power (Russ. ed.: Tylevich N. M., transl. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 564 p.).
6. Klupt M. [Social base and prospects of populism in Western countries]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2020, vol. 64, no. 3, pp. 47–55.
7. Konyshchev V., Parfenov R. [Hybrid wars: between myth and reality]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66.
8. Manoilo A. V. [Color revolutions and the problems of dismantling political regimes in a changing world]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2014, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 29.10.2020).

9. Manoilo A. V. Cascade chain reactions in modern technologies of viral spread of “fake news”. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 29.10.2020).
10. Naumov A. O. [Traditional and new media as actors of “color revolutions”. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2018, no. 3-4 (32-33), pp. 79–87.
11. Novikov O. G., Ryzhikova D. A., Vysotsky R. N. [Objective and subjective prerequisites for the emergence of color revolutions in the XXI century]. In: *Vestnik finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Financial University. Humanitarian sciences], 2018, no. 1, pp. 41–56.
12. Oleskin A. V. *Setevoe obshchestvo: Neobkhodimost' i vozmozhnye strategii postroeniya. Setevaya (retikulyarnaya) sotsial'no-ekonomicheskaya formatsiya: kvazisotsialisticheskie printsipy i meritokratiya* [Network Society: Necessity and Possible Strategies for Building. Network (reticular) socio-economic formation: quasi-socialist principles and meritocracy]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 200 p.
13. Rovinskaya T. [“Transparency” in the Information Age: Good or Evil?]. In: *Mirovaya ekonomika, mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy, international relations], 2020, vol. 64, no. 9, pp. 126–138.
14. Rozov N. S. [Socio-political crises and revolutions: theoretical analysis]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2018, no. 1, pp. 33–42.
15. Skorobogaty P., Sysoev T. [Fires of the imperial frontier]. In: *Ekspert* [Expert], 2020, no. 42 (1180). Available at: <https://expert.ru/expert/2020/42/pozharyi-imperskogo-frontira/> (accessed: 14.10.2020).
16. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class (Russ. ed.: Usova N., transl. *Prekariat: Novyi opasnyi klass*). Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 328 p.).
17. Zuckerman E. Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection (Russ. ed.: Simanovskii D., transl. *Novye soedineniya. Tsifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epokhu*). Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 336 p.).
18. Chernavin Yu. A. [Modern digitalization: advantages and risks for the Russian society and its security]. In: *Voennyi akademicheskii zhurnal* [Military academic journal], 2020, no. 2, pp. 76–84.
19. Rushkoff D. *Present Shock. When Everything Happens Now*. New York, Current, 2013. 296 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 10.11.2020

Статья размещена на сайте: 22.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций НИУ «Высшая школа экономики»; e-mail: devstafiev@hse.ru

Dmitry G. Evstafiev – Cand. Sci. (Political sciences), Prof., Department of Integrated Communications, National Research University Higher School of Economics; e-mail: devstafiev@hse.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евстафьев Д. Г. Новая социально-политическая протестность и технологии информационно-политических манипуляций. Опыт 2017–2020 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Evstafiev D. G. Socio-political protests of the new era and the technologies of informational-political manipulations. The experience of 2017–2020. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 32.019.51

Курилкин А. В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119234, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ эффективности работы национальных и зарубежных средств массовой информации в интернет-пространстве Белоруссии.

Процедура и методы. Анализируются количественные показатели посещаемости сайтов медиа (на основе статистики SimilarWeb), размер аудитории в пяти основных социальных сетях, количество подписчиков на каналы на видеохостинге Youtube, размер и активность аудитории в мессенджере Telegram.

Результаты. На основе проведённого анализа сделан вывод, что самыми популярными у белорусов являются западные средства массовой информации и частные онлайн-СМИ, государственные медиа уступают им по популярности по ряду показателей в десятки раз.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении особенностей медиаландшафта Белоруссии и раскрытии возможностей зарубежных стран влиять на повестку дня в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная война, Белоруссия, СМИ, Sputnik, Радио Свобода, Telegram

СТРУКТУРА

Введение

Методология исследования

Сравнительный анализ аудитории сайтов

Сравнительный анализ аудитории в социальных сетях

Сравнительный анализ аудитории в Telegram

Закключение

A. Kurilkin

*Lomonosov Moscow State University
27 corp. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119234, Russian Federation*

EFFICIENCY OF STATE AND FOREIGN MEDIA IN THE INTERNET SPACE OF BELARUS: A COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. To analyze the effectiveness of the national and foreign media work in the Internet space of Belarus.

Methodology. The study analyzes the quantitative indicators of traffic on media sites (based on statistics from SimilarWeb), the size of the audience in the five main social networks, the number of subscribers to channels on the video hosting Youtube, the size and activity of the audience in the Telegram messenger (based on tgstat statistics). The author also analyzes the popularity of media in the Telegram messenger according to the size and activity of the audience.

Results. The results of the analysis show that Western mass media and private online media remain the most popular among Belarusians; while the state media are inferior by a number of indicators.

Research implications. The study identifies Belarus cyberspace characteristics and shows the possibilities of foreign countries to influence the agenda in the country.

KEYWORDS

information warfare, Belarus, mass media, Sputnik, Radio Free Europe/Radio Liberty, Telegram

ВВЕДЕНИЕ

Ставшая возможной благодаря повсеместному распространению интернета экстерриториальность работы средств массовой информации окончательно завершила формирование предсказанной выдающимся канадским философом, представителем Торонтской школы коммуникативистики М. Маклюэнном [22] «глобальной деревни»; скорость и качество передачи информации, как отмечал Ж. Бодрийяр [3; 4], привели к тому, что сегодня люди зачастую формируют представление о событиях благодаря их отражению в СМИ, что позволяет даже создать образ, или симулякр, события, которого не было в реальности. Развитие информационно-коммуникационных технологий сократило сегодня получение информации человеком и, более того, создало информационную перегрузку, которая уже не позволяет критически осмысливать получаемые данные. Благодаря этому онлайн-СМИ стали сегодня одним из самых эффективных инструментов информационно-психологических операций (ИПО), что признаётся и российскими [1; 6; 7; 9; 10; 11; 12; 14; 15], и зарубежными учёными [16; 19; 20; 21]. В очередной раз свою эффективность онлайн-СМИ подтвердили в ходе начавшихся после выборов президента рекордных по числу участников и продолжительности в современной истории Белоруссии акций протеста. Значительную роль в «раскачке настроений» и даже их координации сыграли телеграм-каналы и онлайн-СМИ.

Как показывает ряд исследований [8; 9; 17; 18], пространство интернета стремительно политизируется, что, в свою очередь, меняет модели массовой коммуникации. Группы в социальных сетях становятся инструментами информационно-психологического влияния, в том числе зарубежного, – как показано на примере событий в Гонконге в исследовании Н. С. Барабаша и Д. С. Жукова [2]. Сетевые коммуникации, как отмечается в монографии И. А. Быкова [5], стали на сегодняшний день одним из самых перспективных направлений развития политической коммуникации, а ряд западных стран, как отмечает С. Н. Федорченко [17], активно развивает «коммуникационное изобилие» для конструирования контролируемых сетевых общностей (в том числе в иностранных государствах). Например, в Белоруссии работают финансируемые Польшей и США телеканал «БелСат» и «Радио Свобода», а редакция крупнейшего белорусского телеграм-канала NEXTA размещается в Варшаве.

Исследованию белорусской медиа-среды посвящена работа А. Потребина [13]. К сожалению, в данном исследовании упор сделан на изучении телевидения и присутствия на нём российского контента, не затрагивается тема зарубежного телевидения в Белоруссии (например, канала БелСат) и обходится вопрос цензурирования контента в белорусских СМИ в целом и на телевидении в частности.

Гораздо больший интерес представляет многолетний проект российских учёных «Глобальное исследование политизации социальных сетей» под руководством С. Н. Федорченко [18]. Крайне любопытны результаты «III волны» данного проекта относительно Белоруссии – отмечается, что в 2018 г. в белорусском сегменте интернета резко изменился баланс сил: «В соцсетях Белоруссии процентное соотношение политических сил в Интернете в 2018 г. следующее: провластные – 14%, умеренно-оппозиционные – 37%, радикальные – 49% (в 2017 г.: 47% – провластные, 22% – умеренно-оппозиционные и 31% – радикальные)», – отмечается в статье о результатах третьего этапа исследования [18, с. 106].

В связи с этим актуальной прикладной исследовательской задачей становится изучение возможностей зарубежных (западных и российских) и белорусских государственных и негосударственных СМИ по влиянию на население и установки населения и элит Белоруссии.

Целью данного исследования является анализ эффективности работы вышеуказанных СМИ. Ключевыми задачами исследования являются: выявление и анализ работы крупнейших зарубежных, государственных и негосударственных белорусских СМИ; определение критериев их эффективности в онлайн-пространстве; сравнительный анализ по ряду факторов их эффективности и возможностей.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевым фактором эффективности СМИ в контексте информационно-психологического воздействия в рамках ИПО является охват ими ключевой аудитории, в данном случае – жителей Белоруссии. Для большинства онлайн-СМИ основной платформой является собственный сайт в интернете; в то же время важным средством продвижения материалов являются группы в социальных сетях, каналы на видеохостингах (в случае производства видеоконтента) и группы (каналы) в мессенджерах. С учётом популярности различных социальных площадок в интернете автором были выделены в качестве показателей следующие платформы: ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Twitter, Youtube, Instagram, Telegram.

На сегодняшний день в Белоруссии самыми популярными национальными СМИ являются негосударственные сайты tut.by и onliner¹, критически относящиеся к действующим властям Белоруссии и зачастую продвигающие оппозиционную повестку. В сегменте госСМИ наиболее крупными являются сайты государственного информационного агентства БелТА, телеканалов ОНТ и АТН, газеты «СБ. Беларусь Сегодня». Иностранные информационные агентства и СМИ представлены белорусской версией «Радио Свобода» («Радыё Свабода»), польскими «БелСАТ» и «Европейское радио для Беларуси» (Еврорадио), российским Sputnik. В выборку не были включены издающиеся в Белоруссии под российскими брендами «Interfax Запад», «Аргументы и Факты Беларусь» и «Комсомольская правда. Беларусь» по той причине, что данные издания выходят по франшизе и фактически не контролируются из-за рубежа. В исследование были включены также самый популярный белорусский (и в целом самый крупный в русскоязычном сегменте Telegram) канал Nexta Live и его «головной проект» канал Nexta.

Важным аспектом анализа охвата СМИ является общее количество пользователей интернета в стране. По данным национального статистического комитета², на 100 жителей Белоруссии зарегистрировано 126 пользователей интернета. Таким образом, по официальной статистике в стране насчитывается почти 12 млн пользователей, такой результат объясняется учётом подключённых к сети юридических лиц, наличием у значительного числа жителей страны домашнего и мобильного интернета. По оценкам же частных компаний, в Белоруссии выход в интернет имеют порядка 61% населения, или же 5,8 млн. человек³.

¹ Александров А., Бастунец А. Медиа в Беларуси 2020. Рынок, законы и информационная безопасность: аналитический доклад [Электронный ресурс]. [2020]. URL: https://baj.by/sites/default/files/event/files/2020/report_media2020_rus.pdf (дата обращения: 23.11.2020).

² Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет, 2019. 101 с.

³ Digital 2019: тренды использования интернета, соцсетей, мобильных платформ, электронной торговли по Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://dev.by/news/digital-2019-belarus> (дата обращения: 30.09.2020).

Для анализа охвата сайтов СМИ был использован сервис SimilarWeb. Количество посещений и подписчиков страниц замерялось 25 августа 2020 г. Учитывались три показателя: количество и география посещений (оба показателя брались по данным сервиса SimilarWeb), третий же параметр, количество пользователей из Белоруссии, высчитывался автором.

Для всех социальных сетей был выбран базовый показатель – число подписчиков на группы / каналы (замерялось 25 августа 2020 г.). С учётом особенностей мессенджера Telegram также учитывался показатель уровня вовлечённости (ERR) по данным крупнейшего сервиса статистики telegram tgstat.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АУДИТОРИИ САЙТОВ

Среди вышеперечисленных СМИ собственные полноценные сайты есть у всех, за исключением проекта NEXTA (имеется сайт-визитка) и телеканала АТН (имеется лишь информационная страница на сайте ГТРК «Беларусь»).

Для удобства работы автор разбил выборку СМИ на две части: собственно белорусские средства массовой информации (табл. 1) и проекты зарубежных СМИ, ориентированных на Белоруссию (табл. 2). В таблицах указано три параметра: посещаемость сайта, процент посетителей из Белоруссии (оба параметра по данным Similar Web) и рассчитанное автором число пользователей из Белоруссии.

Таблица 1 / Table 1
Посещаемость сайтов белорусских СМИ / Attendance of
Belarusian mass media sites

СМИ	БелТА	СБ	ОНТ	Tut.by	Onliner
Посещаемость (млн.)	5,47	5,4	1,93	92,22	34,62
% белорусской аудитории	41,21	69,9	31,72	82,64	82,11
Посещаемость (Белоруссия) (млн.)	2,25	3,77	0,61	76,21	28,43

Как видно из таблицы 1, среди белорусских СМИ безусловными лидерами являются негосударственные медиа – их аудитория в несколько десятков раз превышает аналогичные параметры государственных средств массовой информации.

Таблица 2 / Table 2

Посещаемость сайтов зарубежных СМИ в Белоруссии /
Attendance of foreign media websites in Belarus

СМИ	Spuntik	Еврорадио	БелСАТ	Радыё Свабода
Посещаемость (млн.)	10,93	1,3	2,77	1,72
% белорусской аудитории	29,8	80,47	74,97	82,45
Посещаемость (Белоруссия) (млн.)	3,26	1,05	2,08	1,42

При первоначальном рассмотрении российский проект Sputnik в несколько раз опережает аналогичные проекты западных СМИ. Однако, как следует из анализа географии посещений сайта, на Белоруссию приходится чуть менее 30% аудитории сайта, а более 60% – на Россию. Тем не менее российский сайт всё равно в несколько раз опережает западные СМИ по популярности в Белоруссии, хотя география заходов не позволяет однозначно трактовать его популярность.

В целом же сайты зарубежных СМИ Sputnik и БелСАТ обладают примерно одинаковой по размерам аудиторией с государственными медиа. Меньшая популярность «Радыё Свабода» объясняется, по мнению автора, тем фактом, что СМИ вещает полностью на белорусском языке и не готовит материалы на другом, более популярном государственном языке, русском.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АУДИТОРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

На видеохостинге Youtube представлены все СМИ из выборки, за исключением «Еврорадио» и Nexta Live. Необходимо отметить, что для телеканалов АТН, ОНТ и БелСАТ Youtube является наиболее удобной площадкой в силу специфики основного формата контента (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Число подписчиков Youtube-каналов белорусских СМИ / The number of subscribers of YouTube channels of the Belarusian media

СМИ	БелТА	СБ	АТН	ОНТ	Tut.by	Onliner
Число подп. (тыс.)	84,8	381	129	51,6	1090	1050

Стоит отметить тот факт, что негосударственные СМИ снова, как и в случае с посещаемостью сайтов, значительно опережают государственные медиа. Однако следует учитывать и то, что Tut.by и Onliner сосредоточены в основном на производстве развлекательных видео и редко размещают политический и новостной контент.

Таблица 4 / Table 4

Число подписчиков Youtube-каналов зарубежных СМИ в Белоруссии / The number of subscribers of YouTube channels of foreign media in Belarus

СМИ	Sputnik	БелСАТ	Радыё Свабода	NEXTA
Число подп. (тыс.)	7,58	372	205	494

Из таблицы 4 следует, что российский Sputnik на Youtube практически не представлен и уступает в десятки раз по популярности западным медиа. Стоит отметить особенность работы редакции «Радыё Свабода» – журналисты данного СМИ регулярно ведут прямые трансляции с акций протеста и зачастую становятся источником новостей для других медиа. Западные зарубежные СМИ превосходят в несколько раз по числу подписчиков все государственные медиа на платформе Youtube.

Таблица 5 / Table 5

Число подписчиков белорусских СМИ в социальных сетях / The number of subscribers of Belarusian media in social networks

СМИ	БелТА	СБ	ОНТ	АТН	Tut.by	Onliner
Подписчиков «ВКонтакте» (тыс.)	42	61,9	51,7	8,3	285	250
Подписчиков Facebook (тыс.)	58	22,7	10,6	55,1	189,5	48,6
Подписчиков «Одноклассники» (тыс.)	28	21,1	7,4	2,6	61,2	0
Подписчиков Twitter (тыс.)	35	6,3	7,3	0	299,4	273,6
Подписчиков Instagram (тыс.)	22,2	23,4	24,7	0	726	0

По данным таблицы 5, государственные СМИ уступают негосударственным в сегменте социальных сетей за редчайшим исключением (например, аудитории АТН и Onliner на Facebook сопоставимы). Причём в социальных сетях Twitter и Instagram негосударственные медиа обходят госСМИ в десятки раз.

Таблица 6 / Table 6

Число подписчиков зарубежных СМИ в Белоруссии в социальных сетях / The number of subscribers of foreign media in Belarus in social networks

	Sputnik	Еврорадио	БелСАТ	Радыё Свабода	Nexta
Подписчиков «ВКонтакте» (тыс.)	25,6	10,6	28,4	206	17
Подписчиков Facebook (тыс.)	21	30	93,6	182	0
Подписчиков «Одноклассники» (тыс.)	28	21,1	52,2	7,4	0
Подписчиков Twitter (тыс.)	35	6,3	31,8	87,4	0
Подписчиков Instagram (тыс.)	22,2	23,4	240	282	0
Общее число подписчиков (тыс.)	131,8	91,4	446	764,8	17

Как следует из таблицы 6, зарубежные СМИ значительно опережают белорусские государственные средства массовой информации на площадках социальных сетей. Причём у американского «Радыё Свабода» и польского «БелСАТ» число подписчиков значительно больше, чем у российского Sputnik. Реальный разрыв не в пользу российского агентства по аудитории будет, вероятно, ещё больше, если провести географический анализ аудитории групп в социальных сетях (однако эта тема заслуживает отдельного исследования, и раскрыть её в рамках данной статьи не представляется возможным в силу масштабности).

Негативной тенденцией можно назвать то, что БелСАТ, созданный для популяризации проевропейских взглядов и противодействия пророссийским настроениям (под видом борьбы с «российской угрозой» и «пропагандой») в Белоруссии (например, директор телеканала, польская журналистка А. Ромашевская-Гузы упоминала об этом несколько раз в своих интервью⁴),

⁴ Отрощенко А. Агнешка Ромашевская: Является ли Белсат инструментом польской мягкой силы? Да, конечно // reform.by. URL: <https://reform.by/agneshka-romashevskaja-javljaetsja-li-belsat-instrumentom-polskoj-mjagkoj-sily-da-konechno> (дата обращения: 23.11.2020); Агнешка Ромашевская-Гузы: «Проблему российской угрозы в Польше почти не замечают» // belsat.eu. URL: <https://naviny.belsat.eu/ru/news/agneshka-romashevskaya-guzy-problemu-rossijskoj-ugrozy-v-polshe-pochti-ne-zamechajut> (дата обращения: 23.11.2020); Агнешка Ромашевская-Гузы: После 11 лет работы «Белсат» стал важным медийным институтом // belsat.eu. URL: <https://naviny.belsat.eu/ru/news/agneshka-romashevskaya-guzy-posle-11-let-raboty-belsat-stal-vazhnym-medijnym-uchrezhdeniem> (дата обращения: 23.11.2020).

опережает почти вдвое по популярности Sputnik в социальной сети «Одноклассники», чьи пользователи в Белоруссии в основном придерживаются пророссийских взглядов.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АУДИТОРИИ В TELEGRAM

Для анализа аудитории Telegram, помимо подписчиков, необходимо учитывать показатель «уровня вовлечённости», ERR, т. е. процента подписчиков, которые просматривают публикации. Данный показатель подсчитывается путём деления среднего охвата одного поста на количество подписчиков и умножением на 100. Соответственно, чем данный показатель выше – тем больше пользователей прочитало сообщение. Для анализа этого показателя использовался сервис tgstat. Учёт этого показателя необходим для примерного определения живой, т. е. реальной аудитории – тех пользователей, кто просматривает контент, а не просто подписан на канал. Кроме того, этот показатель позволяет исключить т. н. ботов, которые закупаются для увеличения числа подписчиков на канале. При этом ERR канала может превышать и 100% в том случае, если его материалы широко репостятся в другие каналы.

Таблица 7 / Table 7

Число подписчиков и ERR телеграм-каналов белорусских СМИ /
Number of subscribers and ERR of telegram channels of Belarusian media

СМИ	БелТА	СБ	ОНТ	АТН	Tut.by	Onliner
Подписчиков (тыс.)	14,4	0,6	5,3	4,7	359	127,5
ERR,%	37	80	68	67	53	59

Как видно по данным таблицы 7, по числу подписчиков каналов белорусских СМИ в Telegram лидируют негосударственные СМИ. При этом стоит отметить тот факт, что весной 2020 г. в мессенджере была создана сеть телеграм-канала «Желтые СЛИВЫ» (48 тыс. подписчиков на момент подсчёта, ERR 28%). Авторы проекта занимают провластные позиции, а частные репосты материалов данной сетки в каналах госСМИ позволяют утверждать, что администраторы связаны с официальными властями Белоруссии (данная тема была достаточно подробно проанализирована журналистами издания coda⁵). Тем не менее даже с учётом сетки «сливов» государственные каналы в несколько раз уступают негосударственным медиа по популярности в мессенджере Telegram (табл. 8).

⁵ #ямыбатька. Как власти Беларуси пытаются перехватить повестку в Telegram // Codastory. ru. URL: <https://www.codastory.com/ru/at/belarus-anonymous-telegram-channels> (дата обращения: 24.11.2020).

Таблица 8 / Table 8

Число подписчиков и ERR телеграм-каналов зарубежных СМИ /
Number of subscribers and ERR of telegram channels of foreign media

СМИ	Sputnik	Еврорадио	БелСАТ	Радыё Свабода	Nexta	Nexta live
Подписчиков (тыс.)	24,3	31,5 (на бел.)	94,6 (на бел.)	90,2 (на бел.)	758	2161
ERR, %	60	94	42	44	72	34

Несмотря на использование менее популярного в бытовом общении белорусского языка телеграм-каналами «Еврорадио», БелСАТ и «Радыё Свабода», они обходят по популярности канал Sputnik. Впрочем, все каналы зарубежных СМИ в десятки раз уступают популярности Nexta и Nexta Live. Государственные же белорусские СМИ в Telegram даже менее популярны, чем зарубежные средства массовой информации в Белоруссии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На сегодняшний день белорусские государственные СМИ значительно уступают по охвату аудитории в интернете и социальных сетях – по отдельным параметрам этот разрыв составляет десятки раз.

Однако с учётом разгоревшегося после выборов политического кризиса в республике, до и во время которого западные СМИ и независимые белорусские медиа активно продвигали оппозиционных кандидатов, критиковали действующие власти и освещали акции протеста (а некоторые упомянутые в выборке медиа занимались и координацией протеста), позиция белорусских властей относительно независимых и западных СМИ переменилась: сотрудники правоохранительных органов стали систематически задерживать корреспондентов и операторов на акциях протеста (несмотря на явную принадлежность последних к прессе), выслали из страны нескольких журналистов, начали масштабную переаккредитацию зарубежных СМИ⁶ (впрочем, телеграм-каналу NEXTA это не мешает работать в силу отсутствия юридического присутствия), лишили аккредитации tut.by⁷ (что также не особо помешало ему работать⁸).

Кризис выявил проблемы организационного плана в госСМИ: в первые дни протестов государственные медиа не освещали их и упустили повестку, а затем значительное число сотрудников, журналистов (в том числе

⁶ МИД Беларуси проведет переаккредитацию иностранных СМИ // Interfax.by. URL: https://interfax.by/news/policy/vnutrennyaya_politika/1284521 (дата обращения: 23.11.2020).

⁷ Белорусский Tut.by лишили аккредитации. Как теперь будет работать сайт? // BBC: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-54346536> (дата обращения: 23.11.2020).

⁸ Как ситуация с иском от Мининформа скажется на рекламодателях и как помочь TUT.BY // Tut.by. URL: <https://news.tut.by/press/702108.html> (дата обращения: 23.11.2020).

телеведущих и корреспондентов президентского пула) и руководителей публично выразили несогласие с такой позицией, за что были уволены или добровольно покинули редакции. Провальной оказалась попытка создания неформальной проправительственной сетки в Telegram во главе с каналом «Желтые СЛИВЫ», который уступает по числу подписчиков ведущим оппозиционным каналам как минимум в несколько раз и достаточно сильно уступает по качеству контента.

Попытки «заблокировать» интернет на территории страны также провалились: требование к операторам связи снизить пропускную способность мобильного интернета не принесло желаемых результатов, и информация о жестоком подавлении протестов всё равно была опубликована и вызвала ответную реакцию мирового сообщества и жителей Белоруссии.

На основе проведённого анализа можно утверждать, что на сегодняшний день белорусское интернет-пространство контролируется оппозиционными и западными СМИ, относительно небольшие сегменты приходятся на российский Sputnik и государственные СМИ. Это позволяет зарубежным странам навязывать собственную повестку дня и широко проводить информационно-психологические операции для реализации собственных интересов в целом и по отрыву Белоруссии от России и разрушения интеграционных процессов на постсоветском пространстве в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.
2. Барабаш Н. С., Жуков Д. С. Оценка уровня вовлеченности пользователей в радикальные группы в социальных сетях // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2019. № 3 (28). С. 113–122.
3. Бодриар Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол Классик, 2016. 224 с.
4. Бодриар Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
5. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: СПГУТД, 2013. 200 с.
6. Володенков С. В. Интернет-технологии как инструмент воздействия на современные национальные политические режимы // Дискурс-Пи. 2017. № 3. С. 65–73.
7. Володенков С. В. Информационное вмешательство как феномен деятельности субъектов современной международной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. № 3. С. 148–160.
8. Володенков С. В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–8.

9. Евгеньева Т. В., Губченко В. А. Психологические особенности формирования оппозиционной повестки в сети Интернет // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 385–401.
10. Манойло А. В. Основы теории современных информационных войн // Информационные войны. 2017. № 4 (19). С. 3–23.
11. Манойло А. В., Пономарева Е. Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель-Observer. 2019. № 2. С. 5–17.
12. Манойло А. В., Стригунов К. С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.
13. Потребин А. В. Мониторинги российских медиа в информационном пространстве Республики Беларусь: интерпретация в целях пропаганды // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 69–78.
14. Ромашкина Н. П. Социальные сети: новые возможности или угрозы? // Информационные войны. 2017. № 3 (43). С. 16–27.
15. Тумбинская М. В. Системный подход к обеспечению защиты от нежелательной информации в социальных сетях // Вопросы кибербезопасности. 2017. № 2 (20). С. 30–44.
16. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.
17. Федорченко С. Н. Сетевая легитимация политических режимов: теория и технологии: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2018. 202 с.
18. Финальный аккорд: III волна исследования политизации социальных сетей Интернета / Е. М. Лымарь, С. Н. Федорченко, А. А. Белюстин, Л. В. Федорченко // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 84–110.
19. Bremmer I. Democracy in Cyberspace: What Information Technology Can and Cannot Do // Foreign Affairs. 2010. № 6. P. 86–92.
20. Libicki M. C. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. 337 p.
21. Libicki M. C. Cyberspace in Peace and War. Annapolis: Naval Institute Press, 2016. 496 с.
22. McLuhan M. The Medium is the Massage. New York, Manhattan: Random House, 1967. 157 p.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. E. [Cognitive matrices of manipulation technologies in wars and revolutions of a new type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-8-23.
2. Barabash N. S., Zhukov D. S. [Rating of users involvement in radical groups in some social networks]. In: *Innovatika i ekspertiza: nauchnye Trudy* [Innovation and expertise: scientific works], 2019, no. 3 (28), pp. 113–122.
3. Baudrillard J. L'esprit du terrorisme. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu (Russ. ed.: Kachalov A., transl. *Dukh terrorizma. Voyny v zalive ne bylo*. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2016. 224 p.).

4. Baudrillard J. Simulacres et Simulation (Russ. ed.: *Simulyakry i simulyatsiya*. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.).
5. Bykov I. A. *Setevaya politicheskaya kommunikatsiya: teoriya, praktika i metody issledovaniya* [Network Political Communication: Theory, Practice and Research Methods]. St. Petersburg, St. Petersburg State University industrial technology and design Publ., 2013. 200 p.
6. Volodenkov S. V. [Internet technologies as a tool for influencing modern national political regimes]. In: *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], 2017, no. 3, pp. 65–7.
7. Volodenkov S. V. [Information Inteference as a Phenomenon of the Contemporary International Policy Subjects Activity]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area studies. International relations], 2020, no. 3, pp. 148–160.
8. Volodenkov S. V. [Mass communication and public consciousness in the conditions of contemporary technological transformations]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 1–8.
9. Evgenieva T. V., Gubchenko V. A. [Psychological features of the formation of the opposition agenda on the Internet]. In: *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2017, Special issue, pp. 385–401.
10. Manoilo A. V. [Bases of the theory of modern information wars]. In: *Informatsionnye voyny* [Information wars], 2017, no. 4 (19), pp. 3–23.
11. Manoilo A. V., Ponomareva E. G. [Contemporary informational and psychological operations: technologies and methods of counteraction]. In: *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2019, no. 2, pp. 5–17.
12. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Tekhnologii neklassicheskoi voyny. Genezis. Evolyutsiya. Praktika* [Non-classical war technologies. Genesis. Evolution. Practice]. Moscow, Hotline-Telekom Publ., 2020. 378 p.
13. Potrebin A. V. [Monitoring of Russian media in the information space of the Republic of Belarus: interpretation for the purpose of propaganda]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2019, vol. 3, no. 3, pp. 69–78.
14. Romashkina N. P. [Internet social networks: new opportunities or new threats?]. In: *Informatsionnye voyny* [Information wars], 2017, no. 3 (43), pp. 16–27.
15. Tumbinskaya M. V. [System approach to protection against unwanted information in social networks]. In: *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cybersecurity Issues], 2017, no. 2 (20), pp. 30–44.
16. Pocheptsov G. G. *Informatsionnye voyny. Novyi instrument politiki* [Information wars. New policy tool]. Moscow, Algorithm Publ., 2015. 256 p.
17. Fedorchenko S. N. *Setevaya legitimatsiya politicheskikh rezhimov: teoriya i tekhnologii* [Network legitimization of political regimes: theory and technology]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2018. 202 p.
18. Lyamar E. M., Fedorchenko S. N., Belyustin A. A., Fedorchenko L. V. [Final chord: III wave of research on politicization of social networks of the Internet]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 84–110.

19. Bremmer I. Democracy in Cyberspace: What Information Technology Can and Cannot Do. In: *Foreign Affairs*, 2010, no. 6, pp. 86–92.
20. Libicki M. C. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. 337 p.
21. Libicki M. C. Cyberspace in Peace and War. Annapolis, Naval Institute Press, 2016. 496 p.
22. McLuhan M. The Medium is the Message. New York, Manhattan, Random House, 1967. 157 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.10.2020

Статья размещена на сайте: 30.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Курилкин Антон Владимирович – соискатель степени кандидата политических наук кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: anton.kurilkin@gmail.com

Anton V. Kurilkin – External Postgraduate Student, The Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: anton.kurilkin@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Курилкин А. В. Эффективность государственных и зарубежных СМИ в интернет-пространстве Белоруссии: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Kurilkin A. V. Efficiency of state and foreign media in the internet space of Belarus: a comparative analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 323.231323.231

Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В.*Сургутский государственный университет**628412, Тюменская обл., г. Сургут, пр-т Ленина, д. 1., Ханты-Мансийский автономный округ Югра, Российская Федерация*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ВОЛОНТЁРСКИМ ДВИЖЕНИЕМ (КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование политических аспектов волонтерского движения, включая оценку его роли в снижении потенциала политической конфликтности, анализ возможностей политической ресоциализации и индоктринации сознания участников этого движения, а также – его возможностей стать самостоятельным политическим актором.

Процедура и методы. Методом выступал сравнительный анализ волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, различающихся разной интенсивностью становления институтов гражданского общества. Эмпирическую базу исследования составили, проведенные авторами результаты социологического опроса, проведенного в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре и в Пермском крае.

Результаты. Проведенный анализ показал, что позитивным политическим эффектом развития волонтерского движения является вторичная политическая социализация его участников. При этом роль волонтерства в формировании солидарных связей в обществе остаётся небольшой, что, вероятно, связано с дефицитом альтруистической мотивации членов волонтерского движения. Возможности целенаправленной индоктринации средствами символической политики являются незначительными. Однако и возможности некоммерческой организации (НКО) в качестве платформы формирования гражданского самосознания также нельзя преувеличивать. В целом волонтерское движение не обладает ресурсами превращения в самостоятельный политический актор.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложенный авторами анализ институциональных возможностей и ограничений волонтерского движения углубляет теоретические представления об особенностях становления гражданского общества в современной России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

волонтерское движение, волонтерство, институты гражданского общества, некоммерческие общественные организации, политическая социализация, индоктринация

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31026.

СТРУКТУРА

Введение

Политические аспекты волонтерства в научной литературе

Методы исследования

Полученные результаты

Обсуждение

Заключение

POLITICAL ASPECTS OF INTERACTION OF THE STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS WITH THE VOLUNTEER MOVEMENT (CROSS-REGIONAL ANALYSIS)

ABSTRACT

Aim. To study the political aspects of the volunteer movement, including an assessment of its role in reducing the potential for political conflict, analysis of the possibilities of political resocialization and indoctrination of the consciousness of participants in this movement, as well as its possibilities to become an independent political actor.

Methodology is a comparative analysis of the volunteer movement in the constituent entities of the Russian Federation, differing in intensity of the formation of civil society institutions. The empirical base of the study was the results of a sociological survey conducted by the authors in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra and in the Perm Territory.

Results. The analysis has shown that a positive political effect of the development of the volunteer movement is the secondary political socialization of its participants. At the same time, the role of volunteering in the formation of solidarity ties in society remains small, which is probably due to the lack of altruistic motivation of members of the volunteer movement. The possibilities for purposeful indoctrination by means of symbolic politics are insignificant. However, the possibilities of non-profit organization as a platform for the formation of civic consciousness should not be exaggerated either. In general, the volunteer movement does not have the resources to turn into an independent political actor.

Research implications. The analysis of the institutional possibilities and limitations of the volunteer movement proposed by the authors deepens the theoretical understanding of the peculiarities of the formation of civil society in modern Russia.

KEYWORDS

volunteer movement, volunteering, civil society institutions, non-profit public organizations, political socialization, indoctrination

ACKNOWLEDGMENTS

This article was financially supported by RFBR and EISS in the framework of scientific project No. 20-011-31026.

ВВЕДЕНИЕ

Политические смыслы взаимодействия государства с общественными организациями, характерными для прежнего – советского – периода отечественной истории, обычно связывают со стремлением использовать их в качестве проводников официальной идеологии и средства политического контроля. Считается, что уже с 1930-х гг. в СССР «осуществлялось огосударствление общественных организаций, переставших быть добровольными, ... основанных на принципе принудительного участия в них советских граждан» [21, с. 39]. В силу такого квази-гражданского характера возможность существовавших в период социализма общественных организаций влиять на реальную политику оказывались ничтожны [3, с. 452; 28, с. 286].

Создание нового, демократического типа государственности в постсоветский период положило начало формированию институтов гражданского общества и его основных элементов – самоорганизующихся общественных ассоциаций. Однако достаточно быстро выяснилось, что «эти новые добровольные организации, во-первых, не дали массовости; во-вторых, их оказалось не так уж и много» [22, с. 41–42].

Дефицит участия граждан в развитии институтов гражданского общества компенсировался их активной поддержкой со стороны государства. Тем не менее, последствия такой поддержки оцениваются в работах исследователей весьма противоречиво, поскольку в классическом понимании главным признаком гражданского общества выступают его независимость от государства и влияние на принятие решений, что «создаётся помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации» [9, с. 7].

Теоретическим оправданием активного участия государства в формировании институтов гражданского общества стало переосмысление их трактовки в неклассическом духе в виде своего рода «теории институционального партнёрства». Её апофеозом явилась концепция «общественно-государственного подхода к управлению» [24, с. 240].

Но такая трансформация институтов гражданского общества в элемент системы управления имела и негативные последствия.

Во-первых, гражданские институты перестают быть самостоятельными политическими акторами, поэтому «общественность “играет третьим номером” и не имеет больших шансов на продвижение своей повестки в сферу практических планов правительства» [19, с. 19].

Во-вторых, из диалога с государством элиминировались те организации, которые не были включены в структуру партнёрских отношений с государством. Так, в последнем докладе о состоянии гражданского общества Общественной палаты РФ, позиционирующей себя «как центральный институт организованного гражданского общества»¹, пространство этого общества оказалось, тем не менее, ограничено исключительно рамками государственно-общественного взаимодействия. Более того, «несистемные» организации нередко испытывали внешнее давление [29, с. 533], провоцируя оппозиционные настроения.

В-третьих, как показывают результаты социологических опросов, общественные организации, утратив свою независимость, потеряли и доверие к себе в глазах населения². В результате институты государственно-общественного партнёрства сегодня, может быть, и способны легализировать решения власти, но не в состоянии их легитимизировать.

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации. 2019. 78 с. С. 4.

² Деятельность общественных институтов // Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshestvennykh_institutov (дата обращения: 02.11.2020); Доверие институтам // Официальный сайт Левада-Центра : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam> (дата обращения: 02.11.2020).

Таким образом, примерно с начала 2010-х гг. можно говорить об определённой стагнации институтов гражданского общества. Реакцией на этот кризис, связанный с исчерпанностью потенциала их прежних форм, стало развитие волонёрского движения.

В первую очередь, этот институт априори пользовался доверием населения уже в силу своей безусловной и очевидной общественной пользы. Ведь волонёрство является вкладом, «который частные лица вносят в виде деятельности, осуществляемой не на коммерческой основе, не за плату или ради перспективы карьерного роста, а в интересах благополучия своих соседей или общества в целом»³.

Кроме того, в отличие от прежних замкнутых на себя НКО, волонёрство обладало потенциалом трансформации в массовое движение, обеспечивая доступ к общественно-позитивной деятельности значительного числа граждан (в этом смысле, наследуя опыт массовых общественных организаций советского периода).

В-третьих, внешняя политическая индифферентность превращала волонёрство в удобное средство трансляции политических смыслов, вплоть до использования в качестве инструмента индоктринации. Например, государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» прямо предполагает «развитие волонёрского движения как важного элемента системы патриотического воспитания молодёжи»⁴.

Аналогичным образом, задачу индоктринации в форме патриотического воспитания не скрывают, например, и авторы доклада Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества, подчёркивая, что формирование системы традиционных ценностей и «патриотическое воспитание наряду с развитием добровольческих практик остаётся одним из важнейших направлений государственно-общественного диалога»⁵.

Целью нашего исследования является анализ политических аспектов волонёрского движения. Это предполагает оценку его роли в снижении потенциала политической конфликтности, анализ возможностей политической ресоциализация и индоктринации сознания участников этого движения, а также его возможностей стать самостоятельным политическим актором. Теоретическую значимость исследованию придаёт необходимость объяснения проблем, возникающих в процессе самоорганизации граждан и их взаимодействия с государством в ходе становления институтов гражданского общества в современной России.

³ Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов: методологические исследования / Организация Объединённых Наций. Нью-Йорк, 2006. 363 с. (Серия F. № 91). С. 291–292.

⁴ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

⁵ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 год. М.: Общественная палата Российской Федерации. 2019. 78 с. С. 58.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЛОНТЁРСТВА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В научной литературе весьма позитивно оцениваются социальная и экономическая функция волонтерства. В первую очередь, потому что добровольная работа – это тот инструмент некоммерческих организаций, который обеспечивает низкие транзакционные издержки, позволяя «третьему сектору» экономики вытеснять государственные учреждения как менее эффективные [5; 6; 13; 14; 18].

Гораздо меньше внимания привлекают политические аспекты волонтерства. Между тем, они не менее важны, если, например, вспомнить замечание А. де Токвиля, что любое гражданское участие можно оценить как политическое, поскольку оно формирует солидарные связи в обществе [20, с. 191–192].

Очевидно, что это утверждение полностью распространяется на волонтерское участие. Именно в таком ключе исследует его, в частности, Н. Элиасоф, рассматривая в своей монографии роль добровольческих организаций не только в решении практических социальных проблем, но и в более широком контексте как способ преодоления классового неравенства [27].

Другим политическим аспектом являются риски потенциального конфликта между государством и волонтерскими организациями в связи с разными подходами к решению общественных проблем. Американский политолог Марк Уоррен подчёркивает, что сами по себе гражданские ассоциации носят неapolитический характер, но точки пересечения их интересов с государственными грозят конфликтами [30, р. 56–58]. Зарубежный опыт, на который ссылаются отечественные авторы, показывает, что «типична ситуация, когда волонтер в непосредственном контакте с объектом заботы (к примеру, бездомными) начинает задумываться о структурных причинах, повлекших наличное состояние объекта заботы. Как только волонтер начинает задумываться об устранении причин, вызывающих, к примеру, безработицу, его волонтерская деятельность приблизится к тому, что принято называть активизмом» [7, с. 36–37].

Это ставит вопрос о волонтерском движении как самостоятельном политическом субъекте, в том числе, способствующем политической социализации как собственных членов, так и других граждан. Задача этого субъекта, пишет Д. Гротти, состоит в том, чтобы в то время, как государство стремится ограничить его функции исключительно общественно-государственным контролем, «преподавать гражданам демократические нормы и ценности», [26, с. 87].

В России этот конфликт приобретает, кажется, ещё более выраженный характер. По крайней мере, М. В. Певная на основе проведённых исследований пишет, что «практики российского управления волонтерством демонстрируют возможности пересечения двух взаимоисключающих начал: командно-административного внешнего (государственного) управления и потенциально сильной самоорганизующейся системы добровольчества [17, с. 70].

Соответственно, поддерживаемое государством волонтерство рассматривается как «провластное», «охранительное», основной целью деятельности которого выступает сохранение статус-кво и «поддержание гражданского устройства». В волонтерах же некоммерческих организаций нередко видят альтернативу волонтерам организаций, курируемым государством. Подчеркивается, что волонтерские организации, создаваемые НКО, направлены на «гражданское переустройство», изменение статус-кво» [7, с. 35].

Логичным продолжением этого подхода является вывод о практике индоктринации «государственных» волонтеров, в том числе, в духе «государственного патриотизма»⁶. Например, О. Н. Яницкий высказывает предположение, что мотивация волонтеров, привлекаемых в организации, создаваемые государством, и некоммерческие, общественные организации, не просто различна, а противоположна. «Гражданские» волонтеры, по его представлению, – «это люди, личностно мотивированные на помощь другим вне зависимости от места и времени, а также от социального положения тех, кто нуждается в помощи, ставящие интересы отдельных людей и групп выше своих собственных» [25, с. 77]. «Государственных» волонтеров он описывает как тех, кто выполняет, по сути, политическую функцию поддержки действующей власти. Соответственно, и управление ими осуществляется путём использования рычагов как материального, так и индоктринального воздействия. Следуя этой логике, исследователь считает, что «государственные» волонтеры – это люди, «мотивированные государством идеологически, статусно и материально. Они – исполнители чужой воли или приказа (перед каждым массовым мероприятием они проходят специальный инструктаж), то есть выполняют охранительные и организационные функции» [25, с. 77].

Однако другие авторы не усматривают подобных рисков в практике волонтерского движения [4; 8].

Дискуссионность сформулированных в литературе предположений превращает их в гипотезы, требующие проверки, которая была предпринята нами средствами эмпирического исследования. В ходе него предполагалось ответить на ряд вопросов. Способствует ли современное волонтерское движение в России формированию солидарных связей в обществе, и какова его роль в снижении социальных противоречий и потенциала политической конфликтности? Происходит ли в ходе занятия волонтерской работой политическая ресоциализация его участников? Используется ли государством, участвующим в поддержке волонтерства, возможность индоктринации его членов? Способно ли волонтерское движение стать самостоятельным политическим актором, включая, в случае нужды, оппонирование власти вплоть до превращения в оппозиционный политический активизм?

⁶ Патриотизм является безусловной общественной ценностью. Однако усилия по «педалированию» его дискурса в рамках государственной символической политики нередко подвергались критике за стремление «облучать общество в духе советских традиций упрощённо-патриотическими идеологемами» [10, с. 145].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологически мы исходили из институционального подхода, полагая, что роль волонтерства в политических процессах определяется степенью успешности зрелости институтов гражданского общества в целом. Данный подход предполагает, в свою очередь, использование сравнительных приёмов исследования. В нашем случае это было сравнение волонтерского движения в субъектах Российской Федерации, различающихся разной интенсивностью становления институтов гражданского общества – в Пермском крае и в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре.

Расположенные по разные стороны от Уральских гор, эти два субъекта РФ, несмотря на относительную географическую близость и примерно одинаковый уровень экономического развития, имеют заметные различия в характере и динамике становления гражданского общества.

Экономика Пермского края носит более многоотраслевой характер, т. к. включает как предприятия машиностроения (преимущественно оборонные), так и связанные с нефтедобычей, нефтепереработкой, производством минеральных удобрений. Это обстоятельство способствовало появлению большего числа политических акторов с собственными политическими интересами, и в результате, как отмечали исследователи, здесь уже «1990-е гг. сложилось несколько мощных элитных группировок, ни одна из которых не стала доминирующей» [16, с. 77].

Политический режим, образовавшийся в постперестроечный период в Пермском крае, исследователи склонны относить к типу прогрессистской коалиции, подчёркивая, что, благодаря плюрализму акторов, она оказалась открыта для общественности, представленной гражданскими активистами. Особенно заметной роль общественности стала в ходе обсуждения и решения вопросов, связанных преимущественно с градостроительной и экологической политикой [2].

С конца 1990-х гг. в российском политическом дискурсе сформировалось представление о Перми как о «либеральной столице» России. Как писали исследователи, «Прикамье является своеобразным оазисом, где организации третьего сектора относительно многочисленны и сильны. Пермь относится к городам, где статус и активность третьего сектора отличается повышенным по сравнению со среднероссийскими показателями активизмом. Следует отметить, что активность пермского третьего сектора оказывается важной не только для региона и отдельных его территорий, но и в целом для России» [1, с. 136–137].

В то же время исследователи, изучающие сегодня ситуацию в городах Пермского края, делают достаточно определённый вывод о стагнации на его территории в настоящее время институтов гражданского общества [23].

Что касается Ханты-Мансийского автономного округа, к благоприятному «стартовому» фактору развития волонтерского движения стоит отнести

возможность региональной власти оказывать существенную материальную поддержку волонтерскому движению в силу относительно благополучной бюджетной ситуации⁷. Не случайно сегодня в Югре работает уже более 400 добровольческих организаций, объединяющих более 10000 человек⁸. Перед волонтерским движением сформулированы весьма амбициозные задачи: по итогам 2020 г., согласно целевым показателям Концепции развития добровольчества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, доля населения Ханты-Мансийского округа, участвующего в добровольческой деятельности, должна составить 43%.

В то же время, формированию солидарных связей как основы гражданского общества препятствовала интенсивная миграционная динамика в регионе. Сказывалась и низкая плотность населения, территориальная разобщённость. Но главным фактором, пожалуй, явился моноэкономический характер производства. Монополизация крупными предприятиями в северных городах рынка труда обеспечивала существенный дополнительный социальный контроль за работником, блокируя, в случае необходимости альтернативную гражданскую позицию [12, с. 110]. Не случайно, например, действия граждан по самоорганизации и созданию инициативных групп для защиты своих интересов легко блокируются властью весьма простыми средствами политической демобилизации [15].

Другим неблагоприятным фактором явилась неразвитость малого и среднего бизнеса, выступавшего в других регионах социальной основой формирования гражданского общества и ресурсом развития НКО [11, с. 44]. Патронирование государством развития институтов гражданского общества, в том числе волонтерства, когда за департаментами правительства региона закреплено курирование профильных волонтерских организаций, обеспечивает их интенсивное развитие, но обостряет проблему их субъектной независимости.

Генеральной совокупностью массового опроса выступали участники волонтерского движения из числа граждан Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Пермского края. Объём выборочной совокупности составил по 800 респондентов в каждом регионе. Половину опрошенных составляли волонтеры, входящие в организации, курируемые государственными органами, а вторую половину – представляли респонденты, относящиеся к организациям, созданными НКО. Расчёт выборки по территориям осуществлялся исходя из численности населения, проживающего в населённых пунктах разного типа. Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по телефону или методом анкетного опроса по Интернету.

⁷ Ханты-Мансийский автономный округ-Югра // Единый официальный сайт государственных органов : [сайт]. URL: <http://www.admhmao.ru/ob-okruga/obshchie-svedeniya/ekonomika> (дата обращения: 02.11.2020).

⁸ Доклад о деятельности общественной палаты ХМАО за 2018 г. // Общественная палата Ханты-Мансийского автономного округа-Югры : [сайт]. URL: http://www.ophmao.ru/upload/iblock/a63/Doklad2018poslednie-pravki-_2_.pdf (дата обращения: 04.11.2020).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Судя по ответам, большая часть респондентов – 40% – занимается волонтерской работой три-четыре года. Ещё 25% – это начинающие волонтеры со стажем такой работы менее двух лет. Доля опытных волонтеров – от пяти лет и выше – составляет 23% опрошенных.

Наиболее активной возрастной когортой, занимающейся волонтерством, судя по результатам опроса, является диапазон 22–34 года, на который приходится более половины респондентов. Примерно каждый шестой – это ещё более молодые люди от 18 до 21 года. Подавляющее число опрошенных – 94,2% – имеют высшее, незаконченное высшее или среднее профессиональное образование. Практически, две трети волонтеров составляют женщины.

Можно выделить «ядро» и «периферию» волонтерского движения. При этом в Югре, как оказалось, в несколько большей мере предпочтение отдаётся организованным (чаще всего – государством) формам волонтерства (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Структура волонтерского движения в зависимости от формы участия / The structure of the volunteer movement depending on the form of participation

Варианты ответов*	ХМАО	Пермский край
«Ядро»		
Являюсь членом самостоятельной волонтерской организации, регулярно участвую в её работе	31,2%	25,8%
Регулярно участвую в волонтерской работе, хотя и не являюсь членом самостоятельной волонтерской организации	26,7%	36,3%
«Периферия»		
Нерегулярно участвую в мероприятиях в качестве волонтера, хотя формально являюсь членом волонтерского движения	14,4%	25,6%
Не являюсь постоянным членом волонтерского движения, но иногда принимаю участие в различных мероприятиях в качестве временного волонтера	24,2%	15,8%

*помимо указанных вариантов анкета предлагала ответ «другое» и «затрудняюсь ответить»

С точки зрения социального состава в структуре волонтерского движения выделяются два кластера. Первый составляет почти половина опрошенных, для которых занятие волонтерством в той или другой форме связано с основным видом деятельности. Значительная их часть – 18% – работают на постоянной основе в волонтерской организации или в НКО, привлекающей волонтеров. Ещё 8% – это волонтеры, также постоянно используемые малым бизнесом. Наконец, значительное число волонтеров этого кластера – 16,2% –

представлено безработными, для которых периодическое участие в волонтерстве предоставляет возможность занятия социально-полезной деятельностью, а в ряде случаев, и дополнительного заработка.

Во второй кластер объединены респонденты, для которых волонтерская работа не является основной и выполняется в свободное время. Наиболее активными оказались здесь представители сферы услуг, составившие 21% всех опрошенных респондентов. Вторую группу по численности в этом кластере представляют «бюджетники», в первую очередь, учителя и врачи – 13,6%. Доля государственных, муниципальных служащих – 2,4%. И значительный отряд волонтеров – каждый десятый – представлен студенчеством.

Неожиданно незначительным – всего около 7% – оказалось число волонтеров из числа занятых в производственной сфере. Причём основная доля волонтеров, занятых в производственной сфере, приходится на Пермский край, и большее число из них относится к строительной отрасли. Но это, пожалуй, единственное заметное отличие в структуре волонтерства между двумя исследуемыми субъектами РФ, с точки зрения формы участия и состава участников движения.

Более существенными оказались различия в направлениях волонтерской работы (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Направления волонтерской деятельности / Areas of volunteering

п/п	Какими видами волонтерской деятельности Вам занимаетесь?	ХМАО	Пермский край	В среднем
1	Экологическое волонтерство, охрана природы	19,0%	23,9%	21,4
2	Спасательное волонтерство, помощь при чрезвычайных ситуациях, пожарах, наводнениях, эпидемиях и пр.	21,3 %	18,2%	19,8
3	Социальное волонтерство, помощь пожилым людям, инвалидам, больным детям и т. д.	30,0%	37,2%	33,6
4	Волонтерское движение, направленное на формирование патриотизма	11,2%	2,6%	7,4
	Политическое волонтерство (помощь избирательным комиссиям, участие в партийной агитации)	4,2%	2,4%	
5	Спортивное и культурное волонтерство, помощь при проведении спортивных, культурных, выставочных, научных и пр. мероприятий	20,3%	11,4%	17,6
6	Правозащитное волонтерство	2,6	3,1	2,8
7	Другие виды волонтерской деятельности	0%	1,2%	0,6

Субъективным компонентом волонтерства выступала, в первую очередь, мотивация участия в волонтерской работе. Она измерялась ответами на «закрытый» вопрос: «Какими мотивами Вы руководствовались, принимая решение участвовать в волонтерской деятельности?» Полученные ответы были объединены в три группы.

Первая группа – это альтруистические мотивы: желание оказать безвозмездную помощь другим людям, помощь инвалидам, престарелым и пр., стремление помочь людям, попавшим в чрезвычайную ситуацию, нуждающимся в материальной поддержке. Вторая группа – личные мотивы: возможность самореализации, приобретения новых друзей, получение заработка, возможность решить волнующую лично его проблему. Именно эти мотивы указывали как основные большинство респондентов – примерно двое из каждых троих опрошенных. В третью группу были объединены политические мотивы: стремление решить социальные проблемы, возможность публично выразить своё недовольство социальной обстановкой, возможность повлиять на политику городских и муниципальных властей (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Распределение мотивов участия в волонтерском движении в зависимости от «государственного» или «общественного» типа организации / Distribution of motives for participation in the volunteer movement depending on the “state” or “public” type of organization

Мотивы участия	ХМАО	Пермский край
Альтруистические	18,13	22,25
Личные	72,55	68,20
Политические (общественные)	9,24	11,55

При этом включение в волонтерское движение связано не только с личной мотивацией, но и с активной работой органов власти и государственных учреждений. Вступление в ряды волонтеров в более чем сорока процентов случаев происходит по их инициативе. Причём в ХМАО-Югре эта роль государства в привлечении новых членов оказалась заметно выше (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом Вы попали в число волонтеров?» с территорией опроса / Distribution of answers to the question: "How did you become a volunteer?" with the survey area

	ХМАО	Пермский край	всего
Пригласили знакомые, друзья	36,8%	38,5%	37,6%
Предложили принять участие в мероприятиях в качестве волонтера руководства предприятия, организации, учреждения, в котором работаю или учусь	47,6%	38,2%	43,1%
Обратился в волонтерскую организацию самостоятельно, узнав о волонтерском движении из рекламы, объявлений в СМИ, из социальных сетей	14,6%	21,0%	17,2%
Другое	2,0%	2,3%	2,1%

Наибольшее число ответов на «открытый» вопрос о том, на решение каких общественных проблем направлена работа их организаций, респонденты указывали на необходимость поддержки людей с ограниченными возможностями, сохранение природы, помощь учреждениям в проведении мероприятий. Но при этом возможности волонтерства по формированию социально справедливых отношений или снижения социальной конфликтности в поле их внимания не попадают.

Существенная роль внешнего фактора при включении в волонтерское движение порождает феномен слабой внутренней сплоченности его участников. Лишь каждый десятый опрошенный дал утвердительный ответ на вопрос: *«Ощущаете ли Вы себя частью волонтерского коллектива как особого сообщества людей, занятых выполнением важной миссии?»*. Обладателями наибольшей групповой идентичности оказались члены спасательного и социального волонтерства, а в наименьшей – участники политического волонтерства.

Однако почти 40% опрошенных заявили, что никакой сплоченности не ощущают, и более 40% вообще затруднились ответить на этот вопрос.

Далее респондентам было предложено дать самооценку респондентами характера собственной личностной и политической социализации. Лишь 6% опрошенных заявили, что волонтерская работа никак не повлияла на становление их личности и отношения. Большинство же (66,4%) указали факторы личностной социализации: «приобрёл навыки общения, развил организационные умения и навыки», «стал более ответственным, организованным». Ещё примерно каждый четвертый (25,6%) указал на факты, которые можно интерпретировать как общественную, политическую социализацию: «стал

больше интересоваться общественной жизнью и политикой», «стал лучше понимать социальные проблемы населения, жизнь людей», «разочаровался в общественной деятельности».

При этом доля респондентов, указавших на личностную социализацию в Пермском крае (69,7%), оказалась выше, чем в Югре (64,2%). В то же время число респондентов автономного округа, отметивших политическую социализацию, превосходит эту группу опрошенных в Пермском крае (29,3% против 21,6%).

Для обеих групп респондентов оказалась характерна закономерность: по мере продолжительности занятия волонтерской работой самооценка возможностей личностной социализации снижается, а политической, наоборот, возрастает.

Тем более, неожиданным фактом стало обнаружение значительного числа респондентов, разочаровавшихся в волонтерской работе, о чем заявили почти четверть опрошенных. Причём в большей мере – около тридцати процентов – приходится на Пермский край.

Причины такой реакции объясняют ответы на вопрос: *«Столкнулись ли Вы с проблемами в ходе участия в волонтерских мероприятиях, и если столкнулись, то с какими?»*. Если не брать в расчёт затруднившихся ответить, практически все остальные респонденты указали на существующие проблемы. Но если для Югры они оказались связаны главным образом с «непониманием целей волонтерского движения со стороны населения», также – «с бюрократизмом, формализмом, пренебрежительным отношением к волонтерам со стороны организаторов волонтерского движения», то для многих волонтеров Пермского края к этому добавляется ещё и убеждение, что «реальные общественные проблемы с помощью волонтерского движения решить невозможно».

Вполне ожидаемым стало то, что почти каждый десятый опрошенный (8,8%) заявил о желании выйти из волонтерского движения. Причём большая часть из этого числа приходится на Югру.

Но наиболее важным обстоятельством выглядит то, что, как показывает сравнение уровня доверия/недоверия институтам власти групп респондентов, собирающихся продолжать участвовать в волонтерском движении и собирающихся выйти из него, это стремление покинуть его ряды прямо указывает на корреляцию с пониженным уровнем доверия.

Патриотизм в современной России играет роль неформальной государственной идеологии. В связи с этим вопрос о самоидентификации себя в качестве «патриотов-не патриотов», заданный респондентам, должен был показать их отношение к ценностям, транслируемым в рамках официальной символической политики.

Самооценка респондентами из числа волонтеров себя в качестве «патриотов» составила 97%, и действительно, оказалась несколько выше, чем

представлена, например, в опросах ВЦИОМ по общероссийской выборке – 89%⁹. При этом разница в этой самооценке между респондентами, опрошенными в разных регионах, а также между «государственными» и «общественными» волонтерами оказалась несущественной.

О достаточно высоком уровне политической социализации гражданско-го характера говорит и то, что лишь 3,4% респондентов на вопрос, определяющий соотношение гражданской и национальной идентичности, заявили, что «в первую очередь, ощущают себя представителем своей национальности, и в меньшей мере чувствуют себя россиянами». Для подавляющего большинства – 81,6% оказался характерен ответ «чувствую себя только гражданином Российской Федерации, россиянином, и национальная принадлежность для меня не имеет большого значения». Ещё 11,8% заявили, что «одновременно ощущают себя и россиянами, и представителями своей национальности».

В то же время вопрос о возможности индоктринации членов волонтерского движения выглядит не столь однозначно. Так, выяснилось, что уровень доверия респондентов из числа волонтеров, выясненный в ходе опроса, например, президенту и правительству, составляет 45%, а правительству – 23%, что заметно ниже, нежели рейтинг доверия, фиксируемый в общероссийских опросах¹⁰. Причём этот уровень доверия у волонтеров организаций, курируемых государством, оказался даже несколько ниже, нежели у «общественных» волонтеров. Примерно такой же оказалась ситуация и при сравнении регионов. Доверие институтам власти в Югре – регионе с более интенсивным участием государства в поддержке волонтерства – оказалось меньше, чем у волонтеров, опрошенных в Пермском крае.

Сравнительно невысокими оказались и электоральные симпатии опрошенных волонтеров по отношению к партии «Единая Россия» – около 40%, – а поддержка оппозиционных партий, наоборот, достаточно заметной.

Причём если в ХМАО, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, в интересах каких групп действует сегодня российская власть?», лишь 5,1 % респондентов ответили, что «в интересах чиновников и олигархов», то в Пермском крае таковых оказалось вдвое больше – 10,2%.

В связи с этим важно было выяснить, насколько члены волонтерских организаций готовы принимать участие в протестных действиях. Как выяснилось, их число незначительно – чуть более 2%. Хотя несколько неожиданно, в большей мере готовы одобрить такие действия волонтеры Югры. Но в целом готовность участия в массовых акциях невелика, а отношение к подобным мероприятиям у большинства опрошенных весьма критическое.

⁹ Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать. Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/moral-relations/article/patriotizm-segodnja-ne-tolko-ljubit-no-i-rabotat.html> (дата обращения: 02.11.2020).

¹⁰ Деятельность государственных институтов. Официальный сайт ВЦИОМ : [сайт]. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov (дата обращения: 02.11.2020).

ОБСУЖДЕНИЕ

Вполне определённо можно утверждать, что участие в волонёрском движении, независимо от региона опроса, интенсифицируют процессы вторичной политической социализации. Об этом свидетельствуют и собственная самооценка респондентами большего понимания общественных проблем в результате занятия волонёрской работой, и их утверждение о возрастающем интересе к политике по мере продолжения этой работы, и достаточно высокий уровень самоидентификации в качестве «патриотов» и граждан государства. При этом интенсивность политической социализации в Югре оказалась даже несколько выше, по сравнению с Пермским краем.

Другой особенностью стало то, что меньший опыт функционирования институтов гражданского общества в Ханты-Мансийском автономном округе привёл, вероятно, к более активной роли государственных учреждений в управлении волонёрским движением и привлечении граждан к участию в нём. Это влияние государства сказалось, очевидно, и на структуре волонёрского движения, предпочтение в котором оказалось отдано спасательным, спортивно-культурным организациям и движениям, направленным на формирование патриотического сознания. В то время как в Пермском крае, где в организации волонёрского движения участия государства заметно меньше, а роль НКО больше, выше оказалась доля экологического и социального волонёрства.

Но, если говорить о содержательной части политической социализации, то, как выяснилось, предположение, что участие государственных учреждений в управлении волонёрским движением ведёт к индоктринации его членов, в то время как у волонёров организаций, возникающих под эгидой НКО, политическая социализация развивается в направлении большей мировоззренческой свободы и гражданской активности, не подтвердилось. Например, уровень доверия институтам власти или электоральная поддержка правящей партии оказалась в Югре - регионе с более интенсивным участием государства в поддержке волонёрства – даже меньше, чем у волонёров, опрошенных в Пермском крае.

Вероятно, «государственный» волонёр чаще сталкивается при организации работы и с фактами бюрократизма, формализма. Это порождает критическое отношение к деятельности политических институтов и власти в целом. Не случайно ответы респондентов, заявивших о разочаровании в волонёрской работе у этой категории достаточно сильны. В этом смысле погоня за массовостью и стремление к индоктринации как можно большего числа граждан демонстрирует прямо противоположные результаты – формирование негативного отношения к организаторам, которое может переноситься затем и на сами цели движения, дискредитируя их. Как следствие, подобная вторичная политическая социализация, оборачивается тем, что можно назвать «негативной индоктринацией».

В то же время ожидаемого более высокого уровня гражданского активизма у волонтеров в Пермском крае как регионе с успешным развитием институтов гражданского общества также не обнаружено. Их готовность, например, участвовать в массовых политических акциях оказалась столь же невысока, а отношение к подобным мероприятиям неожиданно явилось весьма критическим.

Как представляется, недостаток политического активизма, обнаруживающийся у волонтеров в обоих субъектах Российской Федерации, связан с более общей проблемой мотивации участия в волонтерской работе.

Большинство респондентов руководствуется не альтруистическими, а личностными мотивами. Конечно, это далеко не всегда утилитарные соображения вроде желания сделать карьеру или получить вознаграждение. В основном отмечалось стремление к общению, коммуникации, но и это всё-таки личностно ориентированная мотивация. Это снижает возможности позиционирования волонтерства в качестве актора формирования солидарных связей в российском обществе.

Справедливости ради отметим, что и в официальных документах, посвящённых волонтерству, альтруистическим ценностям не нашлось места. Например, в Концепции развития добровольчества Югры основными задачами добровольческой деятельности названы: «Реализация личностного потенциала ... Самовыражение и самоопределение, заявление о жизненной позиции, определение персонального места в системе общественных отношений. Профессиональное ориентирование (возможность получить реальное представление о предполагаемой профессии или выбрать направление профессиональной подготовки). Приобретение полезных социальных и практических навыков Возможность общения, дружеского взаимодействия с единомышленниками. Приобретение опыта ответственного лидерства и социального взаимодействия. Организация свободного времени»¹¹.

Проявление несправедливости или неэффективности в деятельности власти респонденты обнаруживали лишь тогда, когда речь заходила об их собственной волонтерской работе. В этом случае, в ответах на вопросы следовали достаточно многочисленные указания на формализм, бюрократизм, давление извне и пр.

Не случайно, например, никто из отвечавших на вопросы о целях волонтерства не указал на задачи, связанные с гуманизацией общественных отношений или смягчения социальных противоречий. Т. е. волонтерство не выступает в характерном, например, для зарубежного опыта более широком контексте – в качестве способа преодоления социального неравенства и достижения большей социальной справедливости. Подобный дефицит социально-этического, альтруистического содержания делает роль волонтерства в формировании солидарных связей в российском обществе весьма условной.

¹¹ Концепция развития добровольчества в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446493427> (дата обращения: 04.11.2020).

Но это, возможно, является и главной причиной внутренней слабости самого волонтерского движения, объясняя и недостаточную способность к самоорганизации, и слабость в качестве самостоятельной общественной силы. Судя по ответам респондентов, члены волонтерских организаций не ощущают внутренней сплоченности, собственной субкультуры и «волонтерской идентичности». Т. е. волонтерское движение слабо формирует солидарные связи не только вне себя, но и внутри собственных организаций. Это в значительной мере снижает потенциал волонтерства в качестве самостоятельного политического актора.

Феномен «слабости гражданского общества в постсоветских государствах» (М. Ховард) объясняется посредством либо негативной роли государства, либо его нежеланием развивать эти институты, либо его подчинение их своим интересам. Такие объяснения не являются, на наш взгляд, исчерпывающими, и роль государства здесь сильно преувеличена. Как отмечалось выше, контроль государственных учреждений за развитием волонтерского движения отнюдь не ведёт к индоктринации его членов, равно как и развитие гражданских институтов автоматически не гарантирует формирование гражданского активизма и гражданского общества.

Представляется затруднительным объяснить причины слабой самостоятельности волонтерского движения и его недостаточной роли в формировании солидарных общественных связей в рамках неинституционального подхода. Такая попытка оборачивается движением по кругу: слабость гражданского общества объясняется недостаточностью развития гражданских институтов, а недостаточность развития институтов – наоборот, слабостью гражданского общества.

Интерпретация проблемы должна опираться на более широкий – социальный – контекст. Например, обращение к социальному составу участников волонтерского движения показывает, как указано ранее, что значительную долю в нём составляют работники сферы услуг, безработные, учащиеся, а также штатные сотрудники НКО. Но для этих групп населения, которым характерен неустойчивый характер доходов (прекариат, по определению Г. Стэндинга), волонтерство является средством достижения главным образом частных, а не общественных целей. Поэтому главная проблема связана с отсутствием социальных групп и представляющих их политических акторов, заинтересованных в институтах гражданского общества как в инструментах формирования солидарных связей и решения общественных проблем. Не «злой умысел», связанный со стремлением манипулировать институтами гражданского общества и «индоктринировать» его членов, а отсутствие подобного актора и образующееся в результате пустое социальное пространство заставляют государство принимать активное участие в создании и управлении этими институтами, включая развитие волонтерства. Такие действия далеко не всегда удачны: об этом свидетельствует, например, получившийся в результате эффект «негативной индоктринации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие волонтерского движения явилось реакцией на обнаружившуюся ограниченность НКО, которые оказались неспособны существенно влиять на формирование общественных настроений, а также предложить позитивные виды деятельности для массового участия. Новой форме работы частично удалось решить эти проблемы.

Результаты исследования в качестве позитивного политического эффекта волонтерского движения указали на вторичную политическую социализацию его участников. Особенно успешно она протекает в когнитивной и коммуникационной структурах их политического сознания. Достаточно массовый характер движения позволяет приобщить значительное число граждан к пониманию общественных проблем и закреплению в их политической картине мира системы гражданских ценностей.

В то же время роль волонтерства в формировании солидарных связей в обществе, а также в снижении социальной и политической конфликтности, остаётся небольшой, что, судя по результатам опроса, связано с дефицитом альтруистической мотивации членов волонтерского движения.

Что касается возможностей целенаправленной индоктринации средствами символической политики, то, вопреки первоначальной гипотезе, они оказались незначительными. Столь же преувеличенными в свете полученных данных выглядят и бытующие в ряде публикаций представления об НКО как источниках формирования гражданского самосознания. Проведённый сравнительный анализ политического сознания волонтеров в двух субъектах РФ, обладающих разным потенциалом развития гражданского общества, не продемонстрировал существенных различий в их политической социализации, а также роли самих организаций в политических процессах.

Наконец, полученные данные свидетельствуют, что волонтерское движение не в состоянии стать самостоятельным политическим актором, а политическим оппонентом власти – тем более. Этот вывод сделан на основе материала исследования всего в двух субъектах Российской Федерации, но учитывая их типологические различия, его можно распространить на всё движение в целом. В случае участия в политических процессах, волонтерству, скорее всего, грозит участь оставаться инструментом манипуляций.

Ограниченные возможности волонтерского движения и в формировании солидарных связей, и в проявлении политической самостоятельности объяснимы отсутствием социальной базы формирования политического субъекта гражданского общества. Дальнейшее исследование перспектив волонтерства в политических процессах должно быть связано с выяснением факторов, способных сформировать такой субъект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В., Германов И. А., Плотникова Е. Б. Практики межсекторного взаимодействия и гражданская активность в Пермском крае // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 4 (16). С. 136–146.
2. Борисова Н. В., Сулимов К. А., Ковина О. В. Коалиции в городах Прикамья: факторы формирования и сохранения городских политических режимов // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2011. № 1. С. 5–14.
3. Верт Н. История советского государства. 1900–1991 / пер. с фр. М.: Прогресс-Академия, 1995. 544 с.
4. Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции / А. Ю. Гарашко, Т. Э. Петрова, Т. В. Черкасова, Л. Ф. Шаламова, С. В. Устинкин, П. И. Куконков, Н. М. Морозова, И. И. Задорожная, И. Ю. Швеи, А. Б. Лымар, Н. А. Лымар, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук, И. Э. Петрова; под ред. Т. Э. Петровой. М.: Русайнс, 2018. 108 с.
5. Ермилова А. В., Исакова И. А., Игнатьева В. И. Региональное проблемное поле волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 88–97.
6. Зборовский А. Г. Проблема волонтерства в структуре социологического знания // Вестник Пермского национального политехнического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 8–23.
7. Истомина А. Г., Оберемко О. А. Легитимация протестного участия волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 32–47.
8. Качалов А. Г. Корпоративное добровольчество как одна из форм волонтерской деятельности // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 3. С. 84–90.
9. Козн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / пер. с англ; общ. ред. И. И. Мюрберг. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 784 с.
10. Магарил С. А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
11. Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В. НКО в системе социальных услуг России: тенденции и риски (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2019. № 2. С. 38–46.
12. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Редистрибутивная модель социального поведения и межэтническая конфликтность // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 108–113.
13. Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 2. С. 39–45.
14. Миннигалиева Г. А. Добровольческая деятельность старшего поколения: преимущества и факторы участия // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 4. С. 19–22.
15. Палагичева А. В. Технологии политической демобилизации граждан в протестных кампаниях // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 218–231.

16. Панов П. В, Пунина К. А. Сначала пишутся законы...или Пермское Законодательное собрание // Пермь политическая / под общ. ред. Л. А. Фадеевой. Пермь, 2004. С. 76–117.
17. Певная М. В. Развитие волонтерства в России: проблемы и противоречия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2. С. 230–236.
18. Сергиевская И. А. Волонтерство в контексте занятости // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 3. С. 229–246.
19. Соловьев А. И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. 2019. № 4. С. 8–25.
20. Токвиль А., де. Демократия в Америке / пер. с франц. В. П. Олейника, Е. П. Орловой, И. А. Малаховой, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцова; предисл. Г. Дж. Ласки; комм. В. Т. Олейника. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
21. Туманова А. С. Система взаимодействия публичной власти и общественных организаций в Российской империи, РСФСР и СССР: сравнительный анализ моделей // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 35–42.
22. Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / пер. с англ. И. Е. Кокарева. М.: Аспект Пресс, 2009. 191 с.
23. Чирикова А., Ледяев В. Власть в моногороде: векторы перемен // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. Т. 14. № 2. С. 111–127.
24. Якимец В. Н. Состояние и направления развития публичной политики в России: механизмы, примеры, проблемы и перспективы // Управление публичной политикой: коллективная монография / под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 240–251.
25. Яницкий О. Н. Волонтеры: гражданские и государственные // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 1 (5). С. 71–89.
26. Crotty Jo. Making a Difference? NGOs and Civil Society Development in Russia // Europe-Asia Studies. 2009. № 1 (61). P. 85–108. DOI:10.1080/09668130802532936.
27. Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton University Press. 2011. 336 p. (Princeton Studies in Cultural Sociology).
28. Khvorostianov N., Remennick L. Coercion, Good Will, or Self-Interest? // Problems of Post-Communism. 2018. № 4 (65). P. 284–295.
29. Skokova Y, Pape U., Krasnopolskaya I. The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation // Europe-Asia Studies. 2018. № 4 (70). P. 531–563.
30. Warren M. Democracy and Association. Princeton University Press, 2001. 280 p.

REFERENCES

1. Borisova N. V., Germanov I. A., Plotnikova E. B. [Practices of Intersectoral Interaction and Civil Activity in the Perm Area]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2011, no. 4 (16), pp. 136–146.

2. Borisova N. V., Sulimov K. A., Kovina O. V. [Coalitions in the Cities of the Kama Region: Factors of the Formation and Preservation of Urban Political Regimes]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2011, no. 1, pp. 5–14.
3. Werth N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [History of the Soviet Country. 1900–1991]. Moscow, Progress, Akademiya Publ., 1995. 544 p.
4. Garashko A. Yu., Petrova T. E., Cherkasova T. V., Shalamova L. F., Ustinkin S. V., Kukonkov P. I., Morozova N. M., et al. *Dobrovol'chestvo i volontyorstvo v Rossii: tradicii i tendencii* [Free-will Deeds and Volunteering in Russia: Traditions and Trends]. Moscow, Rusajns Publ., 2018. 108 p.
5. Ermilova A. V., Isakova I. A., Ignat'eva V. I. [Regional Problem Field of Volunteering]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University Named After N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2018, no. 2 (50), pp. 88–97.
6. Zborovskij A. G. [The Problem of Volunteering in the Structure of Sociological Knowledge]. In: *Vestnik Permskogo nacional'nogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Perm National Polytechnic University. Series: Socio-economic sciences], 2017, no. 3, pp. 8–23.
7. Istomina A. G., Oberemko O. A. [Legitimation of the Protest Participation of Volunteers]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2015, no. 6, pp. 32–47.
8. Kachalov A. G. [Corporate Volunteering as One of the Forms of Volunteering]. In: *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 84–90.
9. Cohen D. L., Arato E. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 784 p.
10. Magaril S. A. [Meanings of Patriotism – Historical Transformations]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2016, no. 1, pp. 142–151.
11. Martynov M. Yu., Ushakova N. V. [Nonprofit Organization in the System of Social Services in Russia: Trends and Risks (On the Example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science], 2019, no. 2, pp. 38–46.
12. Martynov M. Yu., Purtova V. S. [Redistributive Model of Social Behavior and Interethnic Conflict]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 9, pp. 108–113.
13. Mersyanova I. V. [Factors of Russians' Involvement in Volunteerism]. In: *Empiricheskie issledovaniya grazhdanskogo obshchestva* [Empirical Studies of Civil Society], 2011, no. 2, pp. 39–45.
14. Minnigalieva G. A. [Volunteer Activity of the Older Generation: The Advantages and Factors of Participation]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad], 2014, no. 4, pp. 19–22.

15. Palagicheva A. V. [Technologies of Political Demobilization of Citizens in Protest Campaigns]. In: *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2019, vol. 14, no. 1, pp. 218–231.
16. Panov P. V, Punina K. A. [First, Laws are Written ... Or the Perm Legislative Assembly]. In: *Perm' politicheskaya* [Political Perm], Perm', 2004, pp. 76–117.
17. Pevnaya M. V. [Development of Volunteering in Russia: Problems and Contradictions]. In: *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2014, no. 2, pp. 230–236.
18. Sergievskaya I. A. [Volunteering in the Context of Employment]. In: *Ekonomika truda* [Labor Economics], 2016, vol. 3, no. 3, pp. 229–246.
19. Solov'ev A. I. [Political Agenda of the Government, or Why the State Needs Society]. In: *Polis*. [Polis.], 2019, no. 4, pp. 8–25.
20. Tokvil' A., de. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress Publ., 1992. 554 p.
21. Tumanova A. S. [The System of Interaction between Public Authorities and Public Organizations in the Russian Empire, the RSFSR and the USSR: A Comparative Analysis of Models]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences], 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 35–42.
22. Hovard M. M. *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope* [The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 191 p.
23. Chirikova A., Ledyayev V. [Power in a Single-Industry Town: Vectors of Change]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political Science], 2020, vol. 14, no. 2, pp. 111–127.
24. Yakimec V. N. [The State and Directions of Development of Public Policy in Russia: Mechanisms, Examples, Problems and Prospects]. In: *Upravlenie publichnoy politikoj: kollektivnaya monografiya* [Public Policy Management: collective monograph]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2015, pp. 240–251.
25. Yanickij O. N. [Volunteers: Civil and State]. In: *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2014, no. 1 (5), pp. 71–89.
26. Crotty Jo. Making a Difference? NGOs and Civil Society Development in Russia. In: *Europe-Asia Studies*, 2009, no. 1 (61), pp. 85–108. DOI:10.1080/09668130802532936.
27. Eliasoph N. Making volunteers: civic life after welfare's end. Princeton University Press. 2011. 336 p. (Princeton Studies in Cultural Sociology).
28. Khvorostianov N., Remennick L. Coercion, Good Will, or Self-Interest? In: *Problems of Post-Communism*, 2018, no. 4 (65), pp. 284–295.
29. Skokova Y, Pape U., Krasnopolskaya I. The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation. In: *Europe-Asia Studies*, 2018, no. 4 (70), pp. 531–563.
30. Warren M. *Democracy and Association*. Princeton University Press, 2001. 280 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.11.2020

Статья размещена на сайте: 25.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник Сургутского государственного университета; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Ушакова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политико-правовых дисциплин Сургутского государственного университета; e-mail: ushakova_nv@surgu.ru

Mikhail Yu. Martynov – Dr. Sci. (Political Sciences), Chief Researcher, Surgut State University; e-mail: martinov.mu@gmail.com

Nadezhda V. Ushakova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Political and Law Disciplines, Surgut State University; e-mail: ushakova_nv@surgu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В. Политические аспекты взаимодействия государства и институтов гражданского общества с волонтерским движением (кросс-региональный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Martynov M. Yu., Ushakova N. V. Political Aspects of Interaction of the State and Civil Society Institutions with the Volunteer Movement (Cross-Regional Analysis). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 323.21/325.11

Омаров М. А.

Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

Магомедов А. К.

Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РОЖДЕНИЕ ФЕНОМЕНА В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ» ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Рассмотреть и выявить специфику одного из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: мусульманское развитие в регионах быстро меняющегося российского Севера.

Процедура и методы. В работе анализируются миграционные потоки, исследуется процесс формирования в северных регионах России мусульманских общин. Исследование опирается на анализ исламской инфраструктуры российского Севера: зарегистрированных мечетей, молитвенных домов и комнат и т. п.

Результаты. Для описания того, как происходит появление и развитие новых исламских ареалов, вводится понятие «новая мусульманская география» России. Чтобы приблизиться к лучшему пониманию описываемого процесса, авторы обращаются к концепту «трансгрессия», который способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в самых разных регионах: от столичных центров до мусульманских республик, от межгосударственных границ до полярной тундры.

Теоретическая и практическая значимость. В работе сделан вывод о необходимости пересмотра традиционной концепции мусульманской регионализации, оцениваемой в рамках дихотомии двух макрорегионов: Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Авторы предлагают рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как закономерный продукт трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера из мусульманских регионов Кавказа и Центральной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

исламские коммуникации, трансгрессия, миграции, новая мусульманская география, полярный ислам

СТРУКТУРА

Введение

«Старые» и «новые» мусульманские мигранты на российском Севере: встреча демографических и экономических тенденций

Полярный ислам: появление нового социального феномена через механизм трансгрессии

Заключение

M. Omarov

*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya ploschad, Moscow 125993, Russian Federation*

A. Magomedov

*Moscow State Linguistic University
38 build. 1 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

POLAR ISLAM IN POST-SOVIET RUSSIA: THE BIRTH OF A PHENOMENON IN THE CONTEXT OF A “NEW” ETHNO-SOCIAL MOBILITY

ABSTRACT

Aim. To describe and identify the specifics of one of the most understudied aspects of Russian Arctic research: Muslim development in the regions of the rapidly changing Russian North.

Methodology. The work analyzes migration flows, examines the process of formation of Muslim communities in the northern regions of Russia. The study is based on an analysis of the Islamic infrastructure of the Russian North: registered mosques, prayer houses and rooms, etc.

Results. To describe how the emergence and development of new Islamic areas occurs, the concept of “new Muslim geography” of Russia is introduced. To get closer to a better understanding of the process described, the authors turn to the concept of “transgression”, which can explain the dynamics of post-Soviet Islamic development in various regions: from capital centres to Muslim republics, from interstate borders to the polar tundra.

Research implications. The study shows that it is necessary to revise the traditional concept of Muslim regionalization, assessed within the framework of the dichotomy of two macroregions: the North Caucasus and the Ural-Volga region. The authors propose to consider polar Islam as a new phenomenon of post-Soviet Russia - as a natural product of labour migration to industrial cities of the Far North from the Muslim regions of the Caucasus and Central Asia.

KEYWORDS

Islamic communications, transgression, migration, new Muslim geography, polar Islam

ВВЕДЕНИЕ

Миграционные процессы играют всё возрастающую роль в экономической и социальной жизни России. Ещё в 2000-е гг. страна быстро вышла на второе место в мире по числу принимаемых мигрантов, уступив по этому показателю только США [10, p. 16]. Одновременно с этим мир переживает самую большую волну городского роста в истории человечества. Российские арктические и субарктические регионы не остались в стороне от этого глобального тренда [8]. Зарождение и институционализация российского полярного ислама обусловлены ростом миграции. Как отмечает российский исследователь Д. Опарин, с полярными регионами в России за мигрантов могут соревноваться только Москва, Санкт-Петербург и Кубань [6]. Отече-

ственные арктические города становятся всё более интернациональными. Эта эволюция связана с быстрым ростом промышленной деятельности (в основном добыча полезных ископаемых, промышленное рыболовство, лесное хозяйство и т. п.), а также с развитием социальных услуг, государственного управления и туризма.

Мы не исследуем различные типы социальной мобильности и связанные с ней виды миграции в российских полярных регионах. Эта работа посвящена одному из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: притоку в полярные города зарубежных и внутренних мигрантов, чья культура так или иначе отмечена мусульманскими традициями.

Российский случай в этом отношении не уникален. В Канаде провинция Альберта стала домом для растущей мусульманской общины: в городе Калгари построена крупнейшая мечеть в стране, а в городе Форт Мак-Мюррей, который является центром эксплуатации месторождений нефтяных песков, открыта мусульманская школа [4]. На российском Севере это явление ещё более заметно: здесь круглый год работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К этому добавились азербайджанцы, российские татары и башкиры, работавшие здесь с советских времён, а также быстро растущие общины внутренних мигрантов с Северного Кавказа. Так, по переписи 2010 г. численность представителей Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа, например, в Ханты-Мансийском автономном округе составляла примерно 7% [6]. Забегая вперёд, можно сказать, что ХМАО и ЯНАО можно выделить как третий влиятельный мусульманский ареал России после Северного Кавказа и Урало-Поволжья.

«СТАРЫЕ» И «НОВЫЕ» МУСУЛЬМАНСКИЕ МИГРАНТЫ НА РОССИЙСКОМ СЕВЕРЕ: ВСТРЕЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Справедливости ради нужно отметить, что приток мусульманского населения в полярные города не является чисто постсоветским явлением. Этнические мусульмане стали приезжать на российский Крайний Север ещё в советские времена. Фактором, который связал мусульманские регионы Советского Союза с Арктикой, является нефтяная промышленность Сибири и суб-Арктики. К 1960-м гг. относится зарождение так называемой «старой» миграции. Это было время открытия крупных нефтяных месторождений Западной Сибири. В частности, в Ханты-Мансийском автономном округе начали работать азербайджанские инженеры, обучавшиеся в Бакинском институте нефтехимии. Спустя десятилетие – в 1970-х гг. – в Западную Сибирь начали приезжать татарские и башкирские специалисты-нефтяники, которые заняли крепкие позиции в нефтяной отрасли региона. Постсоветские десятилетия внесли новые нюансы в характер азербайджанской миграции: количество азербайджанцев в арктических городах резко увеличилось, на этот раз не в нефтяном секторе, а в сфере услуг, в частности, в рыночной торговле.

В результате, в крупных полярных городах начали складываться довольно большие и хорошо организованные мусульманские общины.

О масштабах «новой» миграции из регионов российского Северного Кавказа можно судить по тому факту, что за последние двадцать лет из 100 тыс. ногайцев, проживающих на территории России (преимущественно в Дагестане, Чечне и Ставропольском крае), около 30 тыс. переселились в Сибирь и Крайний Север. Значительная часть из них (около 5–7 тыс. человек) обосновалась в «газовой столице» России – городе Новом Уренгое [12], куда в последние годы направляются интенсивные миграционные потоки. Если продолжить пример Нового Уренгоя, то количество, например, вайнахов (чеченцев и ингушей) здесь официально доходит до 2 тыс. человек, неофициально – до 5 тыс. Дагестанская община составляет примерно 5 тыс. человек [11].

Ключевым элементом «новой» миграции стало массовое прибытие в российскую Арктику выходцев из Центральной Азии. Это можно назвать новым явлением, характерным для 2000-х гг., отмеченных как бурным экономическим ростом в России, так и долгосрочными демографическими и экономическими тенденциями на постсоветском пространстве. На отечественном Крайнем Севере появились целые сектора городского хозяйства, которые нуждаются в дешёвой рабочей силе трудовых мигрантов. Это касается строительного сектора (промышленное и гражданское строительство), городского хозяйства (уборка улиц и общественный транспорт), общественного питания и торговли (кафе, рестораны, рынки). Население Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана в демографическом отношении является сравнительно молодым, а перспективы трудоустройства в этих странах незначительны в силу слабых экономик. Трудовая миграция стала способом, с помощью которого молодые безработные уходили за пределы центральноазиатских стран. Как результат, со второй половины 2000-х гг. мигранты из Средней Азии сформировали большую часть миграционных потоков в Сибирь и на Север. Они воспользовались промышленным бумом в ключевых нефтегазовых арктических и субарктических городах: от Сургута до Нового Уренгоя.

Если говорить о количественных параметрах, то точных статистических данных о количестве мигрантов в регионах Сибири и Крайнего Севера нет. Более-менее достоверной информацией об этом владеют лидеры мигрантских землячеств и диаспор. Например, в Новом Уренгое численность выходцев из стран Центральной Азии насчитывается около 10 тыс. человек, большинство из которых киргизы (до 7500 человек). Как отметил российский исследователь А. Ярлыкапов, со ссылкой на главу киргизской диаспоры в ЯНАО Толкунбека Кудайбергенова, общее количество киргизов в округе доходит до 16 тыс. человек [12]. Если прибавить к этому большое количество татар и башкир, которые присутствуют на Севере ещё с советских времён, то мусульманское население полярных городов представлено быстро растущими сообществами.

Таблица 1 / Table 1

Исламская инфраструктура в регионах российского Севера (зарегистрированные мечети, молитвенные дома и молитвенные комнаты в российских арктических городах) / Islamic infrastructure in the regions of the Russian North (registered mosques, houses of worship and prayer rooms in Russian Arctic cities)

№	Регионы Арктики	Количество	Мечети, моленные дома, моленные комнаты
1	Мурманская обл.	2	Мурманск (1 мечеть), Северодвинск (1 мечеть)
2	Архангельская обл.	2	Архангельск (1 мечеть, 1 молитвенная комната)
3	Ненецкий автономный округ	0	нет
4	Республика Коми	8	Воркута (мечеть), Усинск (моленная комната), Вуктыл (моленная комната), Сыктывкар (2 моленные комнаты и мечеть на стадии строительства), Ухта (моленная комната), Печора (моленная комната), Инта (моленная комната)
5	ХМАО	21	Сургут (мечеть), Улт-Югун (мечеть), Новая Федоровка (мечеть), Нижневартовск (мечеть), Когалым (мечеть), Лангепас (мечеть), Покачи (мечеть), Пыть-Ях (мечеть), Няган (мечеть), Мегион (мечеть), Радужный (мечеть), Нижнесортимский (мечеть), Пойковский (мечеть), Новоанганск (мечеть), Белоярский (мечеть на стадии строительства), Излучинек (моленный дом), Урай, Лиантор (мечети строятся), Югорск (мечеть), Советский (мечеть), Дивное (моленная комната)
6	ЯНАО	13	Новый Уренгой (мечеть), Салехард (мечеть), Лабытнанги (мечеть), Надым (мечеть), Ноябрьск (мечеть), Пангоды (мечеть), Муравленко (мечеть), Тарко-Сале (мечеть), Губкинский (моленный дом в муниципальном здании), Харп (моленный дом строится), Ханымей (моленная комната), Тазовский (моленная комната), Яр-Сале (моленная комната). Закрытые мечети в городах: Губкинский, Пурп, Ноябрьск, Новый Уренгой
7	Красноярский край	1	Норильск (мечеть)
8	Республика Саха-Якутия	8	Якутск (мечеть), Мирный (мечеть), Айхал (мечеть), Нерюнгри (мечеть), Алдан (мечеть), Хандыга (мечеть), Ленский (мечеть строится), мечеть в тюрьме строгого режима Табага недалеко от Якутска
9	Магаданская область	2	Магадан (моленная комната), Сусуман (моленная комната)
10	Чукотский АО	0	Нет

Источник: [4; 9].

Приезд и закрепление «новых» мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в арктических городах привели к ряду изменений в городском ландшафте: растущему числу мечетей и молельных домов; появлению этнических районов с их специализированными магазинами, ресторанами, кафе и базарами; новым социальным возможностям для общин мигрантов, которые стремятся воссоздать вид общественных институтов, которыми они пользовались дома (табл. 1). Формируются новые стратегии взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальностям или по регионам, в то время как дагестанцы воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто суфийские) на фоне роста смешанных браков с русскими или коренными народами.

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ: ПОЯВЛЕНИЕ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ЧЕРЕЗ МЕХАНИЗМ ТРАНСГРЕССИИ

Сказанное позволяет нам рассматривать полярный ислам в качестве нового феномена постсоветской России – как закономерный продукт трудовой миграции в промышленные города Крайнего Севера из мусульманских регионов Кавказа и Центральной Азии. Арктические города с их богатым рынком труда оказались привлекательными объектами и конечными пунктами маршрутов социальной мобильности в Северной Евразии. В данном фрагменте нашего исследования мы делаем попытку обозначить понятие «полярный ислам» для того, чтобы зафиксировать процесс зарождения и структурирования мусульманских общин в российских арктических городах.

Однако для того, чтобы лучше обозначить рождение этого нового социального явления, нам необходимо преодолеть некоторые застарелые стереотипы в отношении отечественной мусульманской географии. Для начала констатируем очевидный факт: российское исламское сообщество не является однородным. Оно неоднородно не только по историко-демографическому признаку, но и по территориальному. Однако феномен мусульманской регионализации до сих пор оценивается в рамках консервативной дихотомии двух макрорегионов: Северного Кавказа и Урало-Поволжья. Такое разделение имплицитно подразумевал сравнительный анализ двух наиболее крупных мусульманских республик: Дагестана и Татарстана. [1; 5; 7; 13].

Исследователи, работающие в этой парадигме, не хотели видеть очевидного: мусульманские перемещения, миграционные потоки, информационные и социальные коммуникации преобразили проблемное поле отечественного мусульманского сообщества. Миграционные процессы и факторы социальной мобильности превратили, например, Москву в город со значительным мусульманским населением, численность которого насчитывает около двух млн человек. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие мегаполисы стали городами с многочисленным мусульманским населением и развитой исламской инфраструктурой. Наконец, как было сказано ранее,

мусульманская социальная динамика, связанная с трудовой миграцией и коммуникациями, привела к появлению такого феномена, как «полярный ислам». Последний стал важной составляющей социальных процессов и городского дизайна российской Арктики. В российских арктических регионах по состоянию на 2019 г. находятся 59 официально зарегистрированных мусульманских культовых объектов: мечетей, молельных домов, молельных комнат (см. табл. 1). Из них большая часть – 35 строений – находится в ХМАО и ЯНАО. [4]. Сегодня мечети, мусульманские бутики и магазины с халяльной едой воспринимаются как часть социальной жизни и архитектурного ландшафта арктических городов, многие из которых расположены за полярным кругом [9]. Данные факты заставляют признать, что ислам вышел за пределы привычных ареалов Северного Кавказа и Поволжья, превратившись не только в значимый фактор общероссийских социальных процессов, но и распространившись на арктические территории. Наше исследование доказывает, что указанные факты опровергают безоговорочно устоявшееся и навязываемое деление российского ислама на два традиционных кейса: Северный Кавказ и Урало-Поволжье.

Думается, что для того, чтобы углубить наше понимание исследуемых процессов, необходимо обратиться к понятию «трансгрессия». В самом общем представлении данный концепт означает выход за рамки привычных представлений, освоение пространств и территорий, переход через непреодолимую границу. Поскольку описываемую социальную и миграционную динамику можно рассматривать как выход больших масс перемещающихся людей за границы прежнего социального порядка. Описываемый термин подразумевает также переход от одного установленного состояния к другому [2, с. 57–59; 3]. Применительно к теме нашего исследования данный концепт способен дать объяснение динамике постсоветского исламского развития в новых регионах: от столичных центров до пограничной Астрахани, от межгосударственных границ до полярной тундры. В качестве отправной точки для объяснения исламо-политических процессов в рамках мусульманских коммуникаций мы можем использовать факт стремительно нарастающего миграционного давления с мусульманского юга России на немусульманские регионы, включая самые северные ареалы Арктики и субарктики [8, р. 463–473]. Тем самым можно лучше понять характер северного ислама, обусловленного миграционными перемещениями и переселениями. Мигрирующие люди, переезжая с одной территории на другие, как это показано на примере арктических городов, создают новые социально-урбанистические реальности.

Сказанное не означает, что в условиях российской Арктики появился «особый ислам», совершенно отличный от других мусульманских регионов страны. Большинство характерных черт, присущих арктическому исламу, можно легко найти в других регионах России. К их числу, например, относятся растущая многонациональность, борьба за институциональный контроль

над мусульманскими общинами, расхождение в плане идеологических интерпретаций ислама, тенденция к секьюритизации. [4]. Тем не менее, такие особые характеристики арктического Севера России, как тяжёлые климатические условия, территориальная отдалённость и промышленный характер полярных городов подталкивает к тому, чтобы акцентировать совершенно особые признаки, формирующие социальный ландшафт, в котором живут мусульмане региона. Именно эти характеристики определяют увлекательный региональный пример развития ислама в Арктике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Развитие мусульманских сообществ в Арктике и появление феномена полярного ислама напрямую связаны с процессами социальной мобильности, особенно того, что мы называем «новой» миграцией. Прежде этнические мигранты, следующие на Север в рамках «старой» миграции, были в первую очередь советскими людьми, которые не интересовались религией, если не принимать во внимание выполнение ограниченных ритуалов. Сегодня всё изменилось: многие северокавказские и среднеазиатские мигранты продвигают идентичность, сформированную на основе ислама.

2. В течение постсоветских десятилетий мусульманская локализация стала подвижной, а территориальность – изменчивой. Исламская миграция из южных регионов на Север, а также процессы социальной мобильности опровергают прежний принцип стабильности мусульманских макрорегионов. Стандартная познавательная модель в виде территориальной дихотомии «Дагестан – Татарстан», «Северный Кавказ – Поволжье», которая служила отечественному исламоведению на протяжении долгого времени, сегодня поколеблена. Появление и подъём полярного ислама свидетельствует, что российское мусульманское сообщество более не является географически «сегрегированным» явлением, локализованным в своих традиционных регионах, таких как Северный Кавказ и Урало-Поволжье, он распространился на все крупные города страны, даже на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Указанная трансформация требует, что российское научное сообщество должно перестать истолковывать ислам как религию для локализованных этнических меньшинств. Нам необходимо развивать представление об исламе как о более широкой социальной тенденции, которая тесно связана с миграционными процессами и изменением городской социальной структуры. Думается, трансгрессионная парадигма может стать оптимальной аналитической моделью для понимания стремительно меняющегося российского мусульманского сообщества.

3. Здесь возникает вопрос, ответ на который могут дать только будущие исследования: каким образом «новые» мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность север-

ных регионов? Этот вопрос выводит нас на проблему культурной адаптации мусульманских общин к их новой арктической реальности. С этим аспектом тесно связана сюжетная линия о ключевых особенностях политического сознания мусульман Арктики. Не менее интересным может стать попытка дать ответ на другой вопрос: будет ли складываться особая арктическая мусульманская идентичность? И, если да, то как? Изучение этих процессов с помощью использования познавательного потенциала трансгрессии даст нам возможность в конечном счёте ответить на ключевой вопрос: что делает полярный ислам «полярным»?

Научную ценность может иметь совместное изучение таких процессов, как трудовая миграция и урбанистика, арктическая городская культура и растущая среда мультикультурализма. Такие исследования, проводимые с позиций различных познавательных парадигм и различных социальных наук, могут дать новое понимание феномена полярного ислама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулагатов З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1 (37). С. 57–67.
2. Громова Е. А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка // Вестник Волгоградского университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 58–63.
3. Каштанова С. Н. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореф. ... дис. канд. филос. наук. СПб., 2016. 24 с.
4. Магомедов А. К. Появление и институционализация мусульманских обществ в российских арктических городах: адаптационные практики и становление северной исламской идентичности // Межконфессиональные отношения в регионах российской Арктики и субарктики: сборник экспертно-аналитических докладов / отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГГУ, 2019. С. 5–58.
5. Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 56–65.
6. Опарин Д. Мусульманское пространство Томска и его акторы [Электронный ресурс] // RIDDLE Russia : [сайт]. [06.11.2019]. URL: <https://www.riddle.ru/musulmansкое-prostranstvo-tomska-i-ego-aktory/> (дата обращения: 20.10.2020).
7. Goncharova N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration // Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / Hg. M. Kaiser. Bielefeld: Transcript, 2004. S. 220–247.
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape // Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges / ed. by M. Laruelle, R. Orttung. Washington DC: IERES, 2017. P. 463–473.
9. Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 327–337. DOI: 10.1080/10758216.2019.1616565.

10. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union / ed. by A. Mansoor, B. Quillin. Washington DC: The World Bank, 2006. 236 p.
11. Sokolov D. Ugra, The Dagestan North: An Anthropology of Mobility Between the North Caucasus and Western Siberia // *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions* / ed. by M. Laruelle. London: Routledge, 2016. P. 176–193.
12. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67. Iss. 4–5. P. 338–347. DOI: 10.1080/10758216.2019.1631181
13. Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 605–629.

REFERENCES

1. Abdulgatov Z. [Dagestan and Tatarstan: Two Trends in State-Confessional Relations Defined by Russian Islam]. In: *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2005, no. 1 (37), pp. 57–67.
2. Gromova E. A. [Transgressive society: on the metamorphosis of the social order]. In: *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology], 2015, no. 3 (29), pp. 58–63.
3. Kashtanova S. N. *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk* [Transgression as a socio-philosophical concept: abstract of PhD thesis in Philosophical sciences]. St. Petersburg, 2016. 24 p.
4. Magomedov A. K. [The emergence and institutionalization of Muslim communities in Russian Arctic cities: adaptation practices and the formation of northern Islamic identity]. In: *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v regionakh rossijskoi Arktiki i subarktki: sbornik ekspertno-analiticheskikh dokladov* [Interfaith relations in the regions of the Russian Arctic and subarctic: a collection of expert and analytical reports]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2019, pp. 5–58.
5. Malashenko A. [Two dissimilar renaissances]. In: *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes], 2003, no. 5, pp. 56–65.
6. Oparin D. [Muslim space of Tomsk and its actors]. In: *RIDDLE Russia*. Available at: <https://www.ridl.io/ru/musulmanskoe-prostranstvo-tomska-i-ego-ak-tory/> (accessed: 20.10.2020).
7. Goncharova N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration. In: Kaiser M., hg. *Auf Der Suche nach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa*. Bielefeld, Transcript Publ., 2004, S. 220–247.
8. Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape. In: Laruelle M., Orttung R., eds. *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington DC, IERES Publ., 2017, pp. 463–473.
9. Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. In: *Problems of Post-Communism*, 2020, vol. 67, iss. 4–5, pp. 327–337. DOI: 10.1080/10758216.2019.1616565.
10. Mansoor A., Quillin B., ed. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. Washington DC, The World Bank Publ., 2006. 236 p.

11. Sokolov D. Ugra, The Dagestan North: An Anthropology of Mobility Between the North Caucasus and Western Siberia. In: Laruelle M., ed. *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. London, Routledge Publ., 2016, pp. 176–193.
12. Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community. In: *Problems of Post-Communism*, 2020, vol. 67, iss. 4–5, pp. 338–347. DOI: 10.1080/10758216.2019.1631181
13. Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. In: *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 605–629.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.11.2020

Статья размещена на сайте: 23.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Омаров Магомед Алиевич – доктор политических наук, директор Центра социально-политических исследований и информационных технологий Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: omarovm@list.ru

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета; e-mail: armagomedov@gmail.com

Magomed A. Omarov – Dr. Sci (Political Sciences), Director of the Center for Socio-Political Research and Information Technologies, Russian State University for the Humanities; e-mail: omarovm@list.ru

Arbahan K. Magomedov – Dr. Sci (Political Sciences), Prof., Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University; e-mail: armagomedov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Омаров М. А., Магомедов А. К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте «новой» этно-социальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Omarov M. A., Magomedov A. K. Polar Islam in post-soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of a “new” ethno-social mobility. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 323.396; 37.035.91

Палитай И. С., Матюсова А. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ОТБОРА И КАНАЛОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ «НОВИЧКОВ» И «СТАРОЖИЛОВ»

АННОТАЦИЯ

Цель. Сравнение основных каналов рекрутирования и способов формирования губернаторского корпуса Российской Федерации.

Процедура и методы. Исследование проведено методом сравнительного анализа с учётом изменений в законодательстве, особенностей карьерных траекторий, социализации, образования и иных каналов рекрутирования глав регионов.

Результаты. Выделены две группы: «старожилы» и «новички». Первые были назначены, вторые одержали победу на выборах. «Старожилы» связаны с регионами, а губернаторы-«новички» – по преимуществу выходцы из федеральной элиты. Выявлены основные каналы рекрутирования региональных элит России: бюрократический аппарат (для «старожилов»), партии (для «новичков»), а также крупный бизнес, армия и силовые структуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты позволяют лучше понять характер происходящих в губернаторском корпусе изменений, функционирование механизма отбора и рекрутирования его членов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политическая элита, региональная элита, губернаторский корпус, губернатор, глава региона, институт губернаторства, механизм отбора элит, каналы рекрутирования элит

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31386 «Современная российская элита в условиях вариативности траекторий политического развития: политико-психологический и статусно-ролевой анализ».

СТРУКТУРА

Введение

Институционально-правовые основы рекрутирования губернаторов

Карьерные траектории губернаторов

Особенности социальной адаптации и политической социализации губернаторского корпуса

Уровень и профиль образования губернаторов

Основные каналы рекрутирования губернаторов

Заключение

I. Palitay, A. Matiusova

*Lomonosov Moscow State University
27 str. 4 Lomonosovsky prospekt, Moscow 119991, Russian Federation*

GOVERNOR'S CORPS OF THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF SELECTION MECHANISMS AND RECRUITMENT CHANNELS FOR «NEWCOMERS» AND «OLD RESIDENTS»

ABSTRACT

Aim. Comparison of the main recruiting channels and methods of forming the governor corps of the Russian Federation.

Methodology. The study was carried out by the method of comparative analysis, taking into account changes in legislation, characteristics of career trajectories, socialization, education and other channels for recruiting regional heads.

Results. Two groups were identified: "old-timers" and "newcomers". The first were appointed, the second won the elections. The "old-timers" are connected with the regions, and the "newcomers" governors are mostly from the federal elite. The main channels for recruiting the regional elites of Russia have been identified: the bureaucratic apparatus (for "old-timers"), parties (for "newcomers"), as well as big business, the army and law enforcement agencies.

Research implications. The results obtained make it possible to better understand the nature of the changes taking place in the governor's corps, the functioning of the mechanism for selecting and recruiting its members.

KEYWORDS

governor corps, governor, head of the region, institute of governorship, "newcomers" governors, "old-timers" governors, selection mechanisms, recruitment channels

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research and the ANO EISI No. 20-011-31386 "Modern Russian elite in the conditions of variability of the trajectories of political development: political-psychological and status-role analysis".

ВВЕДЕНИЕ

Доверие населения регионов к деятельности властных структур в лице губернаторов, которое во многом зависит от умения последних выражать интересы большинства, являются одним из важнейших условий нормального функционирования политической системы и обеспечения территориальной целостности страны. Следовательно, механизм отбора и каналы рекрутирования глав субъектов играют немаловажную роль в процессе поддержания внутривластной стабильности.

За время почти тридцатилетнего существования Российской Федерации институт губернаторства претерпел немало трансформаций [5; 11]. Вместе с ним менялся и порядок отбора кандидатов на должности глав регионов. Принятие поправок в Конституцию РФ, а также новые требования к деятельности губер-

наторов в связи с распространением в России эпидемией коронавирусной инфекции привели к тому, что проблема изучения механизмов отбора и каналов рекрутирования представителей власти в регионах стала вновь актуальной. Предоставление губернаторам полной свободы по введению ограничительных санитарных мер, оказывающих серьёзное воздействие на различные сферы общественной жизни, вызвало обострённое внимание к их профессиональным и деловым качествам. Ещё одним фактором повысившим актуальность изучения обозначенной нами проблемы стало имевшее место в некоторых регионах протестное голосование граждан на губернаторских выборах 2018 г., а также политические последствия достаточно громкого «дела Фургала».

В настоящее время, благодаря активному обновлению кадрового состава властных структур, на региональном уровне сложилась уникальная ситуация: во главе субъектов федерации находятся лидеры, вхождение во власть которых в связи с изменениями в законодательстве происходило различными путями. При этом механизмы отбора и каналы рекрутирования глав регионов коррелируют с эффективностью выполнения ими своих функциональных обязанностей.

Всё вышеизложенное предопределило цель нашего исследования – выявление и сравнение основных каналов рекрутирования губернаторов-«новичков», управляющих регионом не более двух электоральных циклов, и губернаторов-«старожилов», у которых на данный момент идёт уже третий или более срок, включая нахождение в должности временно исполняющего обязанности. Первых на данный момент насчитывается 72, вторых – 13¹.

Для этого необходимо решить ряд задач:

1. Выявить законодательные различия в порядке рекрутирования губернаторов-«старожилов» и губернаторов-«новичков» во власть;
2. Описать основные тенденции в карьерных траекториях глав регионов;
3. Изучить особенности социальной адаптации и политической социализации всего губернаторского корпуса, выявив принципиальные различия между исследуемыми группами;
4. Проследить основные образовательные траектории губернаторов;
5. Определить основные каналы рекрутирования губернаторов – «старожилов» и «новичков».

Феномен различия способов рекрутирования во власть региональных лидеров в современной России изучен в научной литературе недостаточно. Большинство работ посвящено изучению губернаторского корпуса России в целом [см., например, 2; 10; 12], а не отдельным его группам.

Среди отечественных исследователей политической элиты необходимо назвать таких авторов, как Г. К. Ашин [1], О. В. Гаман-Голутвина [4; 18], А. В. Дука [7], О. В. Крыштановская [8] и др. Вопросам рекрутирования элиты уделялось внимание в работах Г. В. Зубарева [6], И. С. Палитая [13], А. В. Селезневой [12], А. В. Филатова [15], Е. Б. Шестопал [16].

¹ Все данные приведены с учётом результатов голосования в Единый день выборов 2020 г.

Из зарубежных исследователей, изучавших особенности рекрутирования российской элиты, можно выделить Д. Ривера и Ш. Ривера [20], В. Зиммермана и Р. Инглхарта [21], Н. Бакли [17], Д. Жакони [22], У. Хоффмана-Ланге [19] и др.

Таким образом, современная политическая наука располагает значительным количеством работ, посвященных анализу, как самой элиты, так и способов и каналов её рекрутирования. Отмечая ценность указанных выше исследований, мы, тем не менее, констатируем, что жизнь не стоит на месте и политические реалии, описанные в указанных выше исследованиях, претерпели значительные изменения.

Эмпирической базой нашего исследования послужили нормативно-правовые акты, публикации в электронных средствах массовой информации (ТАСС, РБК, Известия, RNS и другие деловые СМИ и информационные агентства), аналитические работы Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ), Института социального маркетинга «Инсомар», материалы официального сайта Президента России В.В. Путина и сайтов глав российских регионов, а также иные открытые Интернет-ресурсы, содержащие биографические и иные сведения о руководителях субъектов Российской Федерации. Проводя анализ этих материалов, мы исходили из того, что рекрутирование политической элиты – это процесс, благодаря которому индивиды, обладающие соответствующими личностными и профессиональными качествами, делегируются для занятия высших государственных должностей [14, с. 21].

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ

Ряд исследователей, описывая рекрутирование элиты, указывают на политический, институционально-правовой аспект данного процесса. К нему они относят выборы и назначение на должность [14, с. 27], которые по сути своей отражают законодательный фактор прихода к власти.

Если сравнивать способы прихода губернаторов к власти, мы заметим существенные различия между «старожилами» и «новичками». Это связано с институциональными преобразованиями губернаторского корпуса РФ, проводимого руководством страны.

Так, с середины 1990-х гг. в России действовало законодательное правило, согласно которому избрание всех глав исполнительной власти субъектов федерации происходило путём прямого голосования². В 1999 г. для региональных лидеров был установлен запрет на переизбрание более двух сроков подряд, однако его применение на практике носило ограниченный характер.

Итогом законодательного регулирования стало формирование губернаторского корпуса из числа независимых, хорошо известных населению, лидеров-хозяйственников советского образца (Юрий Лужков, Минтимер Шаймиев, Василий Стародубцев, Егор Строев и др.).

² Указ Президента РФ от 17 сентября 1995 г. № 951 «О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления» (утратил силу в 2000 г.).

В 2004 г. в контексте политики укрепления властной вертикали второй Президент России В. В. Путин изменил порядок замещения губернаторских должностей. Президент стал сам предлагать кандидатуры на пост губернатора в законодательные органы субъектов РФ для их последующего утверждения. Таким образом, произошла ликвидация прямых выборов глав регионов.

Началом следующего этапа в истории губернаторского корпуса России можно считать 2011 г., когда третий Президент России Д. А. Медведев предложил Федеральному собранию «перейти к выборам руководителей субъектов РФ прямым голосованием жителей регионов»³. Принятие данной законодательной инициативы сделало возможным условно разделить глав регионов на две группы или категории: «старожилов» и «новичков».

Как уже было сказано, к «новичкам» мы относим тех, кто возглавляет регион не более двух электоральных циклов (законодательно отсчет сроков был начат с 2012 г.), к «старожилам» – тех, кто занимает должность свыше двух сроков подряд. Отметим, что несмотря на принятый в 2015 г. Федеральный закон, запрещающий губернаторам переизбираться на пост более двух сроков подряд (по пять лет каждый)⁴, среди «старожилов» есть те, кто получил свой пост ещё в первое десятилетие XXI в. Это четверо из 85 руководителей регионов страны: глава Республики Тыва Шолбан Кара-оол, глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров, губернатор Белгородской области Евгений Савченко⁵, губернатор Ульяновской области Сергей Морозов⁶. Таким образом, многие губернаторы-«старожилы» были назначены президентом, в то время как «новичков» избирало уже население региона.

Уместно также вспомнить, что нынешним главным куратором внутренней политики в России С.В. Кириенко была создана модель отбора управленцев (в том числе губернаторов) посредством проведения управленческих конкурсов, таких как кадровый конкурс «Лидеры России». По итогам его первого сезона назначения на должность временно исполняющего обязанности (врио) губернатора получили нынешний глава Ямало-Ненецкого автономного округа Дмитрий Артюхов и глава Амурской области Василий Орлов⁷.

Возврат прямых выборов губернаторов, возможность самовыдвижения, создание механизма социального лифта благодаря управленческому конкурсу «Лидеры России» существенно изменили параметры рекрутирования

³ Послание Президента Федеральному собранию 22 декабря 2011 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14088> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ Федеральный закон от 29.06.2015 № 174-ФЗ «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

⁵ Сложил губернаторские полномочия 22 сентября 2020 г., перейдя в Совет Федерации.

⁶ Актуально на момент написания статьи – весна-лето 2020 г.

⁷ Самый молодой губернатор рассказал о роли конкурса «Лидеры России» в своей судьбе// Российское информационно-аналитическое агентство SM News. 9 октября 2019 г. URL: <https://news.rambler.ru/other/42966268-samyu-molodoy-gubernator-rasskazal-o-rol-i-konkursa-lidery-rossii-v-svoey-sudbe/> (дата обращения: 01.03.2020).

элиты для губернаторов-«новичков», открыв доступ в неё представителям различных социальных страт.

Кроме того, федеральный центр активно использует тактику назначения врио губернатора с последующим его избранием на этот пост. Так, Экспертный институт социальных исследований подготовил для врио губернатора региона практические рекомендации по созданию позитивного имиджа для обеспечения победы на выборах⁸. Как показало исследование Института социального маркетинга «Инсомар», врио становится «своим» для населения региона если эффективно решает его проблемы⁹.

Губернаторов, победивших на выборах не будучи врио (глава Республики Хакасия Валентин Коновалов, бывший губернатор Хабаровского края Сергей Фургал¹⁰, губернатор Владимирской области Владимир Сипягин, губернатор Смоленской области Алексей Островский), считают представителями оппозиции.

Следует также добавить, что если раньше российский губернатор являлся по сути обычным функционером бюрократической системы, то сегодня это – фигура, активно вовлеченная в публичную политику. Особенно хорошо это видно в свете последних изменений, предложенных Президентом Владимиром Путиным в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г.¹¹, т.е. законодательного закрепления статуса Государственного совета РФ, который формируют главы регионов. Нельзя не отметить, что такая поправка к Конституции РФ повлечёт за собой активизацию борьбы за пропуск в региональную элиту, так как решения Госсовета РФ не будут более требовать легитимации со стороны президента, как это было ранее, а значит, увеличивается шанс пролоббировать нужную для региона инициативу.

КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ГУБЕРНАТОРОВ

В контексте выбранной темы необходимо рассмотреть процесс вхождения в политическую элиту, который также был принят нами в качестве критерия сравнения. Как пишет Е. Б. Шестопал, «каждый политик обладает своей собственной карьерной траекторией, которая имеет уникальные временные и профессиональные характеристики, а также обусловлена влиянием разных политических, социальных и психологических факторов» [14, с. 20].

⁸ Сто шагов к губернаторству // Ежедневная деловая газета РБК. № 083 (3138) (1811) от 19 ноября 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/11/18/5dcde99e9a7947e5ab2797dc> (дата обращения: 01.03.2020).

⁹ Доклад «Обновление–2. Новые главы регионов глазами своих избирателей: Активный этап выборной кампании. Август 2019 г.». URL: <http://eistr.ru/upload/iblock/f24/f24e59316c301af414531af52fd4922d.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁰ Освобождён от должности 20 июля 2020 г. в связи с утратой доверия.

¹¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 01.03.2020).

В ходе исследования мы выяснили, что среди губернаторов-«новичков» 12,5% заняли свой пост, переизбравшись на второй срок. Среди оставшейся части нового поколения губернаторов большинство было заместителями министров (17%) несколько меньше (15%) – выходцами из депутатского корпуса (при этом чуть больше половины из них являлись депутатами Государственной Думы (ГД), а остальные заседали в региональных Законодательных собраниях). Бывших заместителей губернаторов – 6%. Таким же оказалось число представителей бизнес-структур.

Среди «новичков» (за исключением возглавляющих регион уже второй срок) порядка 52% – выходцы из политической элиты федерального уровня (заместители министров, депутаты ГД, начальники Федеральных агентств и т. п.) и 39% – представители региональных элит (члены и председатели законодательных собраний, мэры городов, заместители губернаторов и т. д.). Как видно из приведенных цифр, принадлежность к силовым ведомствам, а также к бизнес-структурам довольно редко в настоящее время обеспечивает доступ к губернаторскому посту (около 8%).

Интересен тот факт, что «новички», занимающие свои должности уже второй срок, по своим карьерным траекториям весьма схожи со «старожилами»: 2/3 от их общего количества представляли в прошлом региональную элиту, а федеральную – оставшаяся треть (рис. 1). Среди губернаторов, возглавляющих регион свыше двух сроков соотношение «регионалов» и «федералов» – 70% и 30% соответственно (в основном это бывшие главы районов, мэры городов, члены региональных правительств).

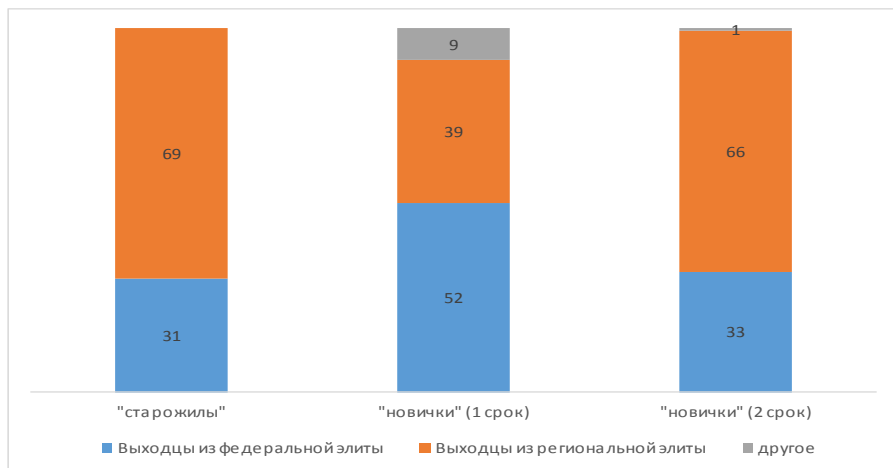

Рис. 1 / Fig. 1. Карьерная траектория губернаторов (доля выходцев из различных элитных групп, %) / Governors' career trajectory (proportion of various elite groups representatives, %)

Источник: подсчёты авторов

Таким образом, в настоящее время практически вдвое сократилось число губернаторов, вышедших из региональной элиты. На эту тенденцию ещё в 2018 г. обратил внимание А. В. Кынев. Он отметил, что если в 1990-е гг. приглашение «варягов» почти не практиковалось, а в 2000-е гг. для победы на выборах им требовалось заручиться поддержкой региональной элиты, то с переходом к системе «наделения полномочиями» по представлению Президента такая практика стала носить массовый характер, получив максимальное развитие в 2016–2018 гг. [9].

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА

Особенности социальной адаптации губернаторского корпуса с нашей точки зрения также являются значимым критерием сравнения, поскольку именно специфика развития общества на том или ином этапе определяет ценностные установки политика и выбор им жизненного пути. С политической социализацией мы будем связывать тот период его жизни, когда он активно вовлекается в политическую деятельность.

Прежде всего, необходимо отметить, что среди новых лиц губернаторского корпуса значительно уменьшилась доля тех, кто родился в сельской местности (30% против 54% среди «старожилов»). Как известно, среда, в которой происходит становление личности человека, во многом определяет те стереотипы, образы и нормы поведения, которые будут свойственны ему в дальнейшем.

Кроме того, необходимо учитывать, что 46% «старожилов» родились в 1940-е гг., т.е. формирование их как политиков (для многих и начало их политической деятельности) пришлось на 1970-е гг. На брежневскую эпоху пришлось политическое становление и тех из них, кто родился в 1960-х гг. (30%). Наконец, практически каждый четвёртый из «старожилов» пришёл в политику в период распада СССР, когда центральная власть была крайне слабой, наблюдалась разобщённость и неравенство регионов как в экономическом, так и в политическом плане (рис. 2).

Несмотря на то, что новое поколение губернаторов в среднем намного моложе «старожилов» (58% родились в 1970–1980-е гг.), часть из них (42%) проходила активную стадию своей политической социализации также в эпоху Брежнева и, соответственно, по своим ценностным ориентирам и жизненным установкам они могут не сильно отличаться от «старожилов». Однако, как уже отмечалось, 47% «новичков» родом из 1970-х гг., а 11% – из 1980-х гг. Их политическое становление проходило в условиях ограничения «губернаторской вольницы», когда роль губернаторов становится чисто «служебной», а деятельность всё более жёстко контролировалась федеральным центром, строившим вертикаль власти в стране (от муниципальной до федеральной).

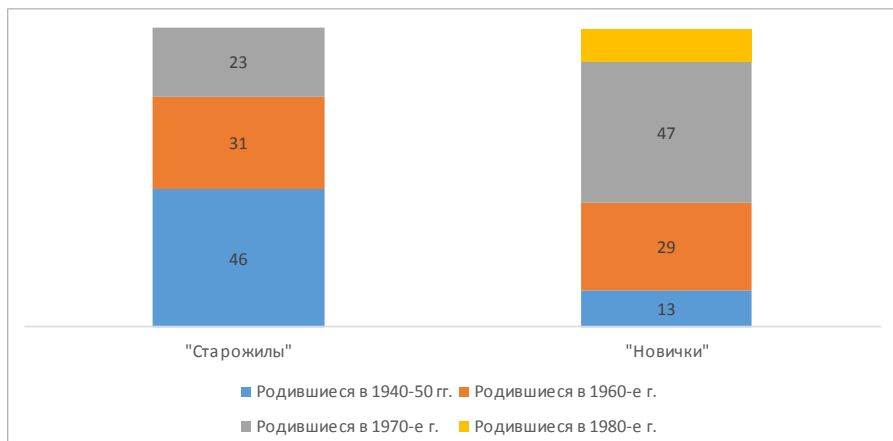

Рис. 2 / Fig. 2. Принадлежность губернаторов к возрастным группам (%) / Distribution of governors by age groups (%)

Источник: подсчёты авторов

УРОВЕНЬ И ПРОФИЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ

Все губернаторы имеют высшее образование. Среди «старожилов» преобладают экономисты (46%), за которыми следуют юристы (15%) и «технари» (15%). При этом почти половина из них (46%) получили образование в одном из областных центров (рис. 3).

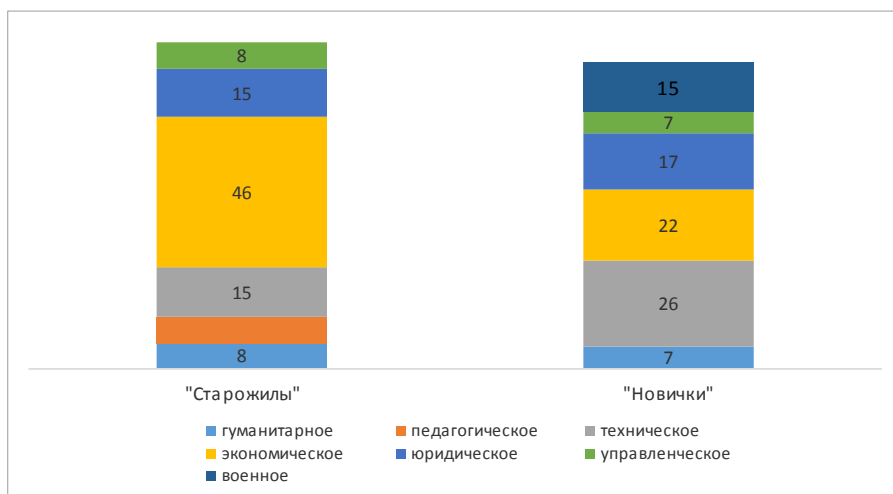

Рис. 3 / Fig. 3. Образование губернаторов (%) / Governors' education (%)

Источник: подсчёты авторов

Среди новых лиц в губернаторском корпусе больше всего людей с техническим (26%) или всё с тем же экономическим образованием (22%). На втором и третьем месте находятся выпускники юридических и военных факультетов (17% и 15% соответственно). Точно так же, как и «старожилы», «новички» в большинстве своём получали образование в областных центрах (64%). Столичный вуз окончил каждый 4-й губернатор и только каждый 10-й обучался в районном центре.

Практически половина губернаторов «со стажем» имеют учёную степень кандидата наук, а среди «новичков» их доля составляет 35%.

ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ ГУБЕРНАТОРОВ

При отборе кандидатов на пост губернатора большое значение имеют каналы рекрутирования. Важнейшие из них следующие.

– *политические партии*: зачастую именно парламентские партии выдвигают своих кандидатов на губернаторские должности. Однако с появлением «партии власти» другие политические партии во многом утратили конкурентоспособность по отношению к ней. В настоящее время только 7 из 85 губернаторов были выдвинуты не «Единой Россией»¹². Исходя из этого, можно сделать вывод, что дорога в большую политику открыта, в первую очередь, для членов партии «Единая Россия». Кроме того, для 12 действующих губернаторов, в том числе 1 «старожила», партия стала основным каналом рекрутирования;

– *бюрократический аппарат*: наличие опыта государственной службы крайне необходимо региональному лидеру. В действующем губернаторском корпусе насчитывается 57 выходцев из бюрократического аппарата, 10 из которых относятся к «старожилам». Можно сделать вывод, что для большинства губернаторов из обеих групп данный канал рекрутирования является основным (особенно велико его значение для «старожилов», которых в настоящее время остаётся всего 13);

– *сфера бизнеса*: этот канал рекрутирования можно рассматривать в двух ипостасях. Первая – как назначение бизнесменов губернаторами (эта тенденция имела место в 2008–2012 гг., но показала свою неэффективность¹³). Вторая – как лоббирование крупным бизнесом своих кандидатов на губернаторские посты¹⁴. Для 9 действующих губернаторов, большинство из которых – «новички», сфера бизнеса стала основным каналом рекрутирования.

– *армия и силовые структуры*: Считается, что с приходом к власти В. В. Путина значение армии и силовых структур как канала рекрутирования в губернаторы сильно возросло. При этом в качестве примера нередко

¹² Данные от 10 февраля 2020 г. Источник: официальные сайты глав российских регионов.

¹³ Кашеварова А., Теслова Е. Тренд на назначение губернаторами бизнесменов могут свернуть // Сетевое издание IZ.RU. 28 марта 2014. URL: <https://iz.ru/news/568272> (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁴ Участие крупного бизнеса в губернаторских предвыборных кампаниях 2014 года // Региональные комментарии : [сайт]. URL: <http://regcomment.ru/analytics/uchastie-krupnogo-biznesa-v-gubernatorskikh-predvybornykh-kampaniyakh-2014-goda/> (дата обращения: 01.03.2020).

приводятся карьеры представителей Федеральной службы охраны, которые были назначены губернаторами: Алексея Дюмина (Тульская область), Дмитрия Миронова (Ярославская область), Евгения Зиничева и Сергея Морозова (бывших губернаторов Калининградской и Астраханской областей). Вместе с тем, существует мнение, что такое утверждение ошибочно, и что силовые структуры в качестве канала рекрутирования не приобрели при В. В. Путине большего значения, чем в предшествующий период [3, с. 74]. С этим трудно не согласиться, так как всего 7 действующих губернаторов являются выходцами из силовых структур и только 1 из них «старожил» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Основные каналы рекрутирования «старожилов» и «новичков» /
The main recruiting channels for “old-timers” and “newcomers”**

Основной канал рекрутирования	Для губернаторов-«старожилов», количество (доля от общего числа «старожилов»)	Для губернаторов-«новичков», количество (доля от общего числа «новичков»)	Всего, количество (доля от общего числа губернаторов)
Политические партии	1 (7,7 %)	11 (15,3 %)	12 (14,1 %)
Бюрократический аппарат	10 (77 %)	47 (65,3 %)	57 (67,1 %)
Сфера бизнеса	1 (7,7 %)	8 (11,1 %)	9 (10,6 %)
Армия и силовые структуры	1 (7,7 %)	6 (8,3 %)	7 (8,2 %)

Источник: подсчёты авторов

Что касается партийной принадлежности губернаторов, относящихся как к одной, так и к другой категории, то существенных различий между ними выявлено не было. Абсолютное большинство глав регионов и в той, и в другой группе являются членами партии «Единая Россия» (64% «новичков» и 85% «старожилов»). Бросается в глаза лишь тот факт, что среди губернаторов-«новичков» появилась категория беспартийных (28%), которая прежде отсутствовала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования, посвящённому сравнительному анализу двух условно выделенных нами групп («старожилов» и «новичков») в составе губернаторского корпуса России, мы пришли к следующим выводам.

В отличие от «новичков» губернаторы, занимающие свой пост более двух сроков подряд, в большинстве своём получили его не путём избрания, а по назначению. Связано это с неоднократными изменениями в законодательной системе нашей страны, которые продолжают и сейчас. Так, сравнительно недавно, в ряде регионов России были приняты законодательные поправки, раз-

решающие самовыдвижение на пост губернатора. Во время губернаторской избирательной кампании 2019 г. количество кандидатов-самовыдвиженцев оказалось беспрецедентно высоким, начиная с момента возвращения прямых выборов глав регионов в 2012 г.¹⁵ В следующем году эта тенденция сохранилась: из 18 избранных губернаторов пятеро являются самовыдвиженцами. Возврат прямых выборов глав регионов, возможность самовыдвижения, создание с помощью управленческого конкурса «Лидеры России» нового социального лифта открыли доступ в ряды политической элиты представителям различных социальных страт (слоёв), изменив тем самым параметры её рекрутирования.

Кроме того, произошедшие в 2020 г. изменения в законодательстве, а именно закрепление статуса Государственного совета РФ, формируемого главами регионов, привели к тому, что сегодня губернатор начинает восприниматься не как функционер бюрократической системы, а как фигура, активно вовлеченная в публичную политику. Таким образом, воздействие законодательного фактора привело к своеобразному «уравнению» глав регионов в этом отношении, в независимости от срока их пребывания на посту.

Сравнивая карьерные траектории глав регионов из анализируемых нами групп, мы отметили большую долю выходцев из федеральной элиты среди губернаторов-«новичков». На сегодняшний день все чаще наблюдается приход к власти, так называемых, губернаторов-«варягов», что в гораздо меньшей степени имело место в период назначения или избрания губернаторов-«старожилов». Подобного рода данные могут свидетельствовать о «менеджеризации» и «технократизации» губернаторского корпуса, представители которого зачастую слишком «далеки» от возглавляемого ими региона. Некоторые исследователи полагают, что подобные решения Кремля продиктованы желанием «минимизировать личные и иные связи губернатора с подведомственным регионом и тем самым избавить его от отягощенности какими-либо внутрирегиональными обязательствами политического и/или экономического свойства при реализации указаний центра» [9, с. 137]. Однако события весны 2020 г., когда губернаторы должны были самостоятельно принимать решения о действиях и мерах, предотвращающих распространение коронавирусной инфекции, показали, что далеко не все «технократы» способны справиться с такими задачами в виду отсутствия точных указаний из центра.

В ходе нашего исследования была также отмечена некоторая схожесть условий политического становления губернаторов-«старожилов» и губернаторов-«новичков», которое практически для половины из них пришлось на 1970-е гг. Лишь в каждом 10-м случае можно с уверенностью говорить о кардинально отличающихся условиях становления губернаторов-

¹⁵ Губернаторское движение на самовыдвижение [Электронный ресурс] // Ежедневная деловая газета РБК : [сайт]. № 071 (3026) (2405) от 24 мая 2019 г. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/05/24/5ce6da3c9a794733d3bd34dd> (дата обращения: 20.02.2020).

«новичков» как личностей и политиков. Речь в данном случае идет о молодых губернаторах, социализация которых пришлась на 1990-е гг. и начало 2000-х гг. Трудно сказать, станет ли это началом кардинального омоложения губернаторского корпуса и, как следствие, одним из критериев отбора. Возможно, появление молодых губернаторов на российской политической арене является неким экспериментом, важным как для власти, так и для общества.

Схожим образом обстоит ситуация со сравнением образования губернаторов. Отсутствие видимых и кардинальных различий в направленности первого высшего образования «старожилов» и «новичков», с одной стороны, может быть просто случайностью, а с другой – доказательством того, что управление регионом требует наличия определённых знаний по экономике и юриспруденции и, следовательно, представлять собой своего рода критерий отбора на губернаторскую должность.

Наконец, среди каналов рекрутирования мы выделили бюрократический аппарат, ставший основным каналом для 77 % «старожилов» и 65 % «новичков», политические партии, которые явились основным каналом для 15% «новичков», а также сферу бизнеса, играющую всё менее заметную роль в этом отношении, равно как и силовые структуры. Отдельно стоит сказать о партийной принадлежности губернаторов. Несмотря на то, что партия послужила основным каналом рекрутирования лишь для небольшой доли «новичков», членство в «Единой России» представляется важным критерием отбора, несмотря на то, что в последнее время увеличилось количество беспартийных глав регионов.

Подводя итог, нужно заметить, что в российском обществе сегодня имеет место как вертикальный, так и горизонтальный путь вхождения в губернаторскую элиту. Однако все упомянутые критерии отбора её представителей не в полной мере отражают этот процесс, так как рекрутирование губернаторов – это комплексный феномен, включающий в себя ещё и психологические факторы. Речь идёт о навыках, мотивации, знаниях и ценностях политиков, личной включенности, трудоспособности и искренности¹⁶, то есть личностных характеристиках политических лидеров, влияющих на итоги их работы. Именно они способны повысить уровень доверия к политику и нивелировать негативное восприятие власти.

Таким образом способы рекрутирования региональной политической элиты действительно претерпели изменения по сравнению с периодом 1990–2000-х гг. Это указывает на то, что губернаторам-«старожилам» готовится замена, однако констатировать, что она сможет эффективно функционировать дольше двух электоральных циклов, пока рано.

¹⁶ Доклад «Обновление–2. Новые главы регионов глазами своих избирателей: Активный этап выборной кампании. Август 2019 г.» // URL: <http://eizr.ru/upload/iblock/f24/f24e59316c301af414531af52fd4922d.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М.: Московский государственный институт международных отношений–Университет, 2010. 600 с.
2. Барсегян В. М. Модели карьерных траекторий глав российских регионов // Полис. 2019. Т. 28. № 4. С. 132–148.
3. Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. 2011. № 1. С. 66–79.
4. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
5. Гончаренко О. Трансформация института губернаторства // Власть. 2009. № 4. С. 38–41.
6. Зубарев Г. А. Государственная кадровая политика РФ: проблемы формирования политической элиты // Современная экономика: проблемы и решения. 2018. Т. 7. С. 50–56.
7. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера / А. С. Быстрова, А. Б. Даугавет, А. В. Дука, Н. В. Колесник, А. В. Невский, Д. Б. Тев // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 22–66.
8. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
9. Кынев А. В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (Опыт 1991–2018 гг.) // Полития. 2019. №2. С. 125–150.
10. Меженина О. В. Главы исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: социально-демографический анализ (2015 г.) // Вестник Алтайского государственного университета. 2015. № 2/1 (86). С. 237–241.
11. Мухаметов Р. С. Этапы формирования корпуса губернаторов в России // Вопросы управления. 2016. № 5. С. 44–48.
12. Палитай И. С., Попова С. Ю., Селезнева А. В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77.
13. Палитай И. С., Данилова А. С. Региональные руководители нового поколения: результаты политико-психологического анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 252–262.
14. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестоппал, А. В. Селезневой. М.: Аграмак-Медиа. 2015. 405 с.
15. Филатов А. В. Типология рекрутирования и презентации губернаторов-«варягов» в современной России, 2004–2010 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 9 (89). С. 255–260.
16. Шестоппал Е. Б. Психологический подход к анализу российских политических элит // Вестник Московского государственного университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 6. С. 75–89.
17. Buckley N. Corruption and Power in Russia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2018. 20 p.
18. Gaman-Golutvina O. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. In: Historical Social Research, 2018, vol. 43, no 4, pp. 141–163.

19. Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018. pp. 53–68.
20. Rivera D.W., Rivera Sh. W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization. In: Post-Soviet Affairs, 2014, vol. 30, no 1, pp. 27–50.
21. Russian elite – 2020 / W. Zimmerman, R. Inglehart, Ed. Ponarin, Ye. Lazarev, B. Sokolov, I. Vartanova, Ye. Turanova. Moscow: Valdai Discussion Club, 2013. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/sj8tI9kvvy/direct/117036250.pdf> (дата обращения: 20.08.2020).
22. Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behaviour in Office (July 15, 2019). URL: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (дата обращения: 05.08.2020).

REFERENCES

1. Ashin G. K. *Elitologiya: istoriya, teoriya, sovremennost'* [Elitology: history, theory, modernity]. Moscow, Moscow State Institute of International Relations–University Publ., 2010. 600 p.
2. Barsegyan V. M [Models of career trajectories of the heads of Russian regions]. In: *Polis*. [Polis.], 2019, vol. 28, no. 4, pp. 132–148.
3. Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshtanovskaya O. V. [The Russian establishment: ways and methods of renewal]. In: *Polis* [Polis], 2011, no. 1, pp. 66–79.
4. Gaman-Golutvina O. V. [Definition of the basic concepts of elitology]. In: *Polis* [Polis], 2000, no. 3, pp. 97–103.
5. Goncharenko O. [Transformation of Governorship]. In: *Vlast'* [Power], 2009, no. 4, pp. 38–41.
6. Zubarev G.A. [State personnel policy of the Russian Federation: formation of the political elite]. In: *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern economy: problems and solutions], 2018, vol. 7, pp. 50–56.
7. Bystrova A. S., Daugavet A. B., Duka A. V., Kolesnik N. V., Nevsky A. V., Tev D. B. [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. In: *Vlast' i elity* [Power and elites], 2019, vol. 6, no. 2, pp. 22–66.
8. Kryshtanovskaya O. V. *Anatomiya rossiiskoi elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 384 p.
9. Kynev A. V. [The phenomenon of governors–“varangians” as an indicator of re-centralization (in 1991–2018)]. In: *Politiya* [Politi], 2019, no. 2, pp. 125–150.
10. Mezhenina O. V. [Heads of executive power in the constituent entities of the Russian Federation: socio-demographic analysis (2015)]. In: *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Altai State University], 2015, no. 2/1 (86), pp. 237–241.
11. Mukhametov R. S. [Stages of formation of governors corps in Russia]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2016, no. 5, pp. 44–48.
12. Palitai I. S., Popova S. Yu., Selezneva A. V. [Recruiting young political leaders in modern Russia: channels, forms, technologies]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2020, no. 455, pp. 68–77.

13. Palitai I. S., Danilova A. S. [Regional leaders of the new generation: results of political and psychological analysis]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2020, no. 54, pp. 252–262.
14. Shestopal E. B., Selezneva A.V., eds. *Sovremennaya elita Rossii: politiko-psikhologicheskii analiz* [The modern elite of Russia: political and psychological analysis]. Moscow, Agramak-Media Publ., 2015. 405 p.
15. Filatov A. V. [Typology of recruitment and presentation of governors–“varangians” in modern Russia, 2004–2010]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2010, iss. 9 (89), pp. 255–260.
16. Shestopal E. B. [Psychological approach to the analysis of Russian political elites]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University. Series 12: Political Science], 2011, no. 6, pp. 75–89.
17. Buckley N. Corruption and Power in Russia. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2018. 20 p.
18. Gaman-Golutvina O. Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics. In: *Historical Social Research*, 2018, vol. 43, no 4, pp. 141–163.
19. Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites* / ed. by H. Best, J. Higley. London, Palgrave Macmillan imprint is published by Springer Nature, 2018, pp. 53–68.
20. Rivera D.W., Rivera Sh. W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization. In: *Post-Soviet Affairs*, 2014, vol. 30, no 1, pp. 27–50.
21. Zimmerman W., Inglehart R., Ponarin Ed., Lazarev Ye., Sokolov B., Vartanova I., Turanova Ye. Russian elite – 2020. Moscow, Valdai Discussion Club, 2013. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/sj8tl9kvvy/direct/117036250.pdf> (accessed: 20.08.2020).
22. Szakonyi D. Private Sector Policymaking: Business Background and Politicians' Behaviour in Office (July 15, 2019). Available at: <https://ssrn.com/abstract=3101095> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3101095> (дата обращения: 05.08.2020).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.08.2020

Статья размещена на сайте: 17.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Палитай Иван Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: 8321532@gmail.com

Матюсова Анастасия Игоревна – аспирант кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nmatyusova@gmail.com

Ivan S. Palitay – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: 8321532@gmail.com

Anastasiya I. Matiusova – Postgraduate Student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: nmatyusova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Палитай И. С., Матюсова А. И. Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Palitay I. S., Matiusova A. I. Governor's Corps of the Russian Federation: Comparative Analysis of Selection Mechanisms and Recruitment Channels for «Newcomers» and «Old Residents». In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.5

Ромашкина А. Б.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ особенностей интернета как коммуникативного пространства в процессах взаимодействия власти и общества.

Процедура и методы. На основании коммуникативного подхода и функционального анализа рассмотрена роль феномена массовой политической коммуникации как механизма воздействия власти на общество. Выявлено определение особенностей интернета как пространства с множественными каналами политической коммуникации в сравнении с традиционными СМИ. В статье были применены сетевой подход и системный анализ, с помощью которых выявлен потенциал использования интернет-коммуникации институтами власти с целью собственной легитимации и достижения консенсуса с обществом.

Результаты. Сделан вывод о необходимости применения средств интернет-коммуникации институтами власти для эффективного взаимодействия с обществом и поддержания стабильности политической системы, достижения консенсуса между властью и обществом и поддержания легитимности институтов власти. Отмечена необходимость создания новых интернет-ресурсов для более эффективной обратной связи между властью и обществом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлена необходимость создания новых интернет-ресурсов для более эффективной обратной связи между властью и обществом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

массовая коммуникация, информационно-коммуникационные технологии, интернет-пространство, политическая коммуникация, повестка дня, легитимация власти

СТРУКТУРА

Введение

Роль коммуникации в функционировании институтов власти

Формирование общественного сознания с помощью массовой коммуникации

Интернет-коммуникация между властью и обществом

Заключение

A. Romashkina

*Lomonosov Moscow State University
27 str. 4, Lomonosovsky prospekt, Moscow 119991, Russian Federation*

THE INTERNET AS A SPACE OF MUTUAL INFLUENCE OF INSTITUTIONS OF POWER AND SOCIETY

ABSTRACT

Aim is to analyze the features of the Internet in the processes of interaction between government and society.

Methodology. The study is based on the communicative approach and functional analysis of the instrumental potential of the phenomenon of mass political communication as a mechanism for the influence of power on the society. The definition of the features of the Internet as a channel of political communication in comparison with traditional media is revealed. The network approach and system analysis is used to reveal the potential for using the Internet communication by government institutions in order to legitimize themselves and reach a consensus with the society.

Results. The author concludes that it is necessary for the government institutions to use the Internet communication tools to effectively interact with the society and maintain the stability of the political system, achieve consensus between the government and society, and maintain the legitimacy of government institutions. The need to create new Internet resources for more effective feedback between the government and society is noted.

Research implications. The necessity to create new Internet resources for more effective feedback between the government and society is revealed.

KEYWORDS

mass communication, information and communication technologies, the Internet space, political communication, agenda, legitimization of power

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость взаимодействия между властью и гражданами с целью создания условий для нормального развития общества и эффективного функционирования государства отмечали многие философы и политические деятели. Это взаимодействие играет важную роль в жизни общества, поэтому государство с помощью всевозможных средств должно обеспечить его установление. В современных условиях у государства появляется всё больше возможностей для взаимодействия с населением, поскольку развитие информационных технологий создаёт новые способы политической коммуникации. Но использование открывшихся технических возможностей одновременно несёт в себе и опасность задействования их радикальными элементами для дестабилизации политической ситуации в стране. Изучение роли интернет-технологий в процессе взаимодействия государства и общества является важной составляющей при рассмотрении механизма функционирования политических систем в целом, а потому важно проследить основные теоретические подходы к данной проблеме.

Целью исследования выступает выявление специфики интернета как коммуникативного пространства взаимодействия власти и общества. Для достижения поставленной цели необходимо определить значение коммуникативной составляющей в работе институтов власти и возможности их влияния на общественное сознание, а также выявить те характеристики интернета, которые оказывают трансформирующее воздействие на процессы коммуникации между властью и обществом.

В статье при рассмотрении значения политической коммуникации в работе государственных институтов, а также возможностей традиционных СМИ в процессе формирования массового сознания применены коммуникативный подход и функциональный анализ. Изучение интернета как особого многоканального пространства взаимодействия власти и общества основано на сетевом подходе и системном анализе.

В работе использованы теоретические и эмпирические исследования зарубежных и отечественных специалистов. Изучение политической коммуникации произведено с опорой на труды Г. Лассуэлла, У. Липпманна, М. Н. Грачёва, А. Д. Трахтенберга и др. При рассмотрении политической интернет-коммуникации были использованы исследования М. Кастельса, С. В. Володенкова, С. Н. Федорченко, О. М. Михайлёнка и др.

РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ

Политические отношения включают в себя приобретение, распределение, удержание и реализацию власти, что неизбежно связано с обменом необходимой информацией при помощи различных способов коммуникации. Коммуникационная составляющая политических отношений является одним из условий, способствующих легитимации власти и созданию ценностно-смысловых пространств. Противоречия внутри властных институтов, а также отсутствие информации или её искажение могут привести к утрате доверия между властью и обществом, делигитимации власти и дестабилизации политической системы. Важную роль в процессе коммуникации между политическими акторами и обществом играют технологии, механизмы и формы коммуникации, обеспечивающие распространение и донесение политической информации до аудитории.

Управление общественным сознанием с помощью технологий массовой коммуникации является одним из ключевых вопросов в политических исследованиях при рассмотрении отношений общества и власти. В современном мире в связи с широким распространением цифровых информационных технологий массовая политическая коммуникация вступила в новый этап своего развития [1]. Интернет-технологии меняют саму суть массовой коммуникации, поскольку информационному воздействию подвергается не отдельный человек, как это было в эпоху господства традиционных СМИ, а связанные между собой сообщества и группы пользователей. В этом слу-

чае коммуникация становится горизонтальной, а информация передаётся от многих ко многим [2]. Влияние власти на общественное сознание в таких условиях должно трансформироваться в новые формы, чтобы она могла сохранять возможность управления социальными процессами.

В истории социально-политической мысли имеются различные представления о том, как должна формироваться власть, функционировать и взаимодействовать с обществом. Как правило, они зависят от конкретных исторических условий, в которых сформировались. В теориях демократии и либерализма утверждается, что открытое обсуждение различных вариантов политических решений позволит выработать концепцию, нацеленную на достижение общего блага. Это становится возможным в условиях плюрализма социальных интересов и ценностей [4].

Большое значение для обеспечения эффективного функционирования власти играет процесс её легитимации, чему помимо инструментов законоприменения и силового принуждения способствует воздействие на общественное сознание. В качестве механизма такого воздействия могут выступать сакрализация правителя, политический символизм, создание положительного образа государства и его деятельности [11; 12], «...властные отношения основаны преимущественно на формировании человеческого сознания путём конструирования смысла через создание образа» [4, с. 249]. Создание образов происходит в сфере социальной коммуникации, которая способствует повышению или понижению уровня доверия к власти, консолидации в обществе и политическому согласию [1]. С развитием информационно-цифровых технологий меняются социально-политические отношения, формируется новая реальность, что требует и новых подходов к решению проблем в изменившемся коммуникационном пространстве [8].

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ С ПОМОЩЬЮ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Согласно теории «установления повестки дня» средства массовой коммуникации являются одним из средств формирования социально-политической реальности. За счёт того, что СМИ могут акцентировать внимание на том или ином событии, именно оно в массовом сознании начинает восприниматься как наиболее важное по сравнению с остальными. СМИ также определяют достоверность фактов, выделяют главные проблемы и концентрируют на них внимание аудитории [3]. «Приверженцы концепции “установления повестки дня” утверждают, что под воздействием сообщений, распространяемых по каналам массовой коммуникации, с большей вероятностью будет меняться не столько электоральное поведение и отношение избирателей к тем или иным фактам, сколько база знаний аудитории, на основе которых принимаются решения» [3, с. 68].

Информация, на основе которой формируются общественное мнение, политическая культура индивидов и их политическое поведение, распро-

страняется в обществе по каналам СМИ. Г. Лассуэлл выделил три основные функции средств массовой коммуникации: информирование аудитории о текущих событиях, что формирует «повестку дня»; интерпретацию и оценку событий и процессов; социализацию индивидов в рамках конкретных ценностно-культурных установок [13]. Поскольку люди не всегда могут судить о событиях на основе собственных впечатлений, как и получать информацию о них только от участников и свидетелей, у человека формируются их мысленные образы на основе той информации, которую ему доносят СМИ. Таким образом, по мнению У. Липпманна, происходит формирование псевдосреды, т. к. полученные в процессе массовой коммуникации знания о мире являются опосредованными [6]. «Сообщения, организации и лидеры, которые не представлены в медиа, не существуют в общественном сознании. Следовательно, только те, кто может передать свой меседж всем гражданам, имеют шанс влиять на их решения таким образом, который откроет им доступ к властным позициям в государстве и (или) позволит удерживать под контролем политические институты» [4, с. 249].

Формирование образов политических лидеров, институтов власти и иных политических акторов в массовом сознании является необходимым для завоевания и удержания власти. Политическая коммуникация является разновидностью социальной коммуникации, в ходе которой происходит информационное воздействие политических акторов на общество и друг на друга по поводу власти. «Политика представляет собой процесс распределения власти в институтах государства» [4, с. 249].

В процессе политической коммуникации участвуют различные субъекты – прямые (институты законодательной и исполнительной власти, органы власти) и косвенные (избиратели) участники политической деятельности, важную роль играют активно действующие структуры гражданского общества, а также политические акторы, претендующие на обладание властью (партии, движения и т. д.), с их убеждениями и ценностными установками. Политическая коммуникация является не только инструментом власти для воздействия на общественное сознание, но также механизмом влияния на политические процессы и на функционирование институтов власти [5; 10].

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ

Политическая коммуникация, осуществляемая через каналы традиционных СМИ, имеет ряд ограничений, которые не всегда позволяют эффективно воздействовать на аудиторию. Традиционные средства массовой коммуникации являются односторонними (т. е. сообщение отправляется от одного ко многим), вертикальными, кроме того, в них отсутствуют такие характеристики, как интерактивность и мультимедийность [4]. Развитие интернет-технологий позволяет трансформироваться и механизмам политической коммуникации. В онлайн-пространстве массовой коммуникации происходит

активное развитие социальных сетей, в которых отражаются происходящие в обществе политические процессы [11; 12].

В виртуальном пространстве можно не только осуществлять коммуникативную деятельность, но и заниматься публичной политикой. С распространением новых форм коммуникации политический дискурс и взаимосвязь власти и общества получают новые формы развития. Вовлечённость граждан в политические процессы в новой информационной среде связана также с тем, что от пользователей не требуется формального подключения к традиционным политическим институтам, а издержки такого участия являются минимальными [7; 10]. Информационное интернет-пространство обладает такими характеристиками, которые позволяют усиливать вовлечённость гражданского общества в процессы управления. Цифровизация экономики, образования и сферы государственных услуг также является значимым фактором трансформации как общества в целом, так и политической системы. Доступность информационной среды для населения является важным условием для ускорения формирования гражданского единства [9].

В интернет-пространстве формируются различные политические субкультуры и политические идентичности, которым присущи свои ценности и авторитеты. Эти объединения могут быть как провластными, так и оппозиционными, что оказывает влияние на формирование контента передаваемых информационных сообщений, а значит, повышает или понижает уровень доверия и поддержки власти. «Власть реализуется в ходе влияния на принятие решений либо через принуждение, либо путём создания смыслов, либо с помощью того и другого» [4, с. 245]. В условиях горизонтальной коммуникации, когда информация передаётся от многих ко многим, происходит формирование массового сознания в результате артикуляции точек зрения на какую-либо проблему и выработки единой позиции по различным вопросам. Такие механизмы воздействия на аудиторию могут быть как со стороны провластных акторов, что приведёт к легитимации власти, так и со стороны оппозиционных участников, что может подорвать авторитет власти, а значит, простимулирует процесс делигитимации институтов власти [11; 12].

Коммуникация является инструментом власти в общественных отношениях. Формирование нового информационного пространства способствует установлению новых форм влияния и взаимодействия между властью и обществом. Информация и способы её распространения являются важной составляющей для сохранения гражданского единства и политической системы. Использование потенциала новых средств массовой коммуникации становится необходимым для политических институтов власти в условиях информационного общества, поскольку от этого зависят формирование общественного мнения, уровень поддержки представителей власти и её легитимация. Конкурентный характер современной политической коммуникации угрожает стабильности политической системы, но при

эффективном использовании механизмов коммуникативной среды власть может выявить новые запросы общества и качественно трансформировать политические отношения и институты в соответствии с потребностями общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернет как постоянно изменяющееся пространство коммуникации не только имеет определённые преимущества перед прежними каналами взаимодействия социальных институтов, но и является фактором возникновения новых рисков и угроз для действующих институтов власти. Власть в процессе своей деятельности опирается на коммуникацию. От эффективности использования потенциала всех информационно-коммуникационных технологий напрямую зависят легитимация и делигитимация институтов власти. Достижение консенсуса между властью и обществом невозможно без получения достоверной информации обеими сторонами, а потому формирование новых каналов обратной связи на базе интернет-ресурсов является одним из важнейших механизмов, которые будут способствовать установлению согласия в обществе. Трансформация политической системы и традиционных институтов в соответствии с технологическим развитием информационно-коммуникационных средств связи в таком случае становится неизбежной. Это позволяет не допустить дестабилизации политической системы по тем каналам массовой коммуникации, которые формируют общественное мнение, но не используются институтами власти. Возможность создания в интернет-пространстве новой коммуникативной среды между властью и обществом во многом зависит от того, каким образом сама власть собирается её использовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володенков С. В. Глобальные «гибридные» акторы информационного вмешательства в современные политические процессы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2019. Т. 15. № 3. С. 61–69.
2. Володенков С. В. Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 3. С. 1–8.
3. Грачев М. Н., Трахтенберг А. Д. Микро- и макроуровневые теории политической коммуникации // Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН), РОССПЭН, 2012. С. 58–77.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
5. Кисилев А. Г., Киричёр П. Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 322–336.

6. Липпманн У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
7. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78–87.
8. Михайленок О. М., Щенина О. Г. Роль политических коммуникаций в процессах консолидации российского общества // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: материалы участников Конференции с международным участием. Ростов-н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 87–98.
9. Попова Е. А., Медякова Е. М. Информационное пространство как благоприятная среда формирования гражданского единства в условиях глобальной цифровизации // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: материалы участников Конференции с международным участием. Ростов-н/Д.: Издательство ЮРИУ РАНХиГС, 2018. С. 183–186.
10. Трансформация политических институтов и политического участия в условиях цифрового общества / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Ю. Д. Артамонова, С. Ф. Черняховский, Ю. С. Черняховская, А. Ю. Каратаев, А. Ю. Бубнов, Д. Е. Антонов // Информационные войны. 2019. № 3 (51). С. 36–46.
11. Федорченко С. Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // Обозреватель-Observer. 2016. № 8. С. 57–67.
12. Федорченко С. Н. Хештеги: механизм легитимации политического режима или манипулятивная ловушка? // Обозреватель-Observer. 2019. № 7. С. 24–41.
13. Lasswell H. D. The structure and the function of communication in society // The Communication of Ideas / ed. L. Brysol. New York, 1948. P. 37–51.

REFERENCES

1. Volodenkov S. V. [Global “hybrid” actors of information interference in the contemporary political processes]. In: *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], 2019, vol. 15, no. 3, pp. 61–69.
2. Volodenkov S. V. [Mass communication and public consciousness in the conditions of contemporary technological transformations]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of political studies], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 1–8.
3. Grachev M. N., Trachtenberg A. D. [Micro-and macro-level theories of political communication]. In: Timofeeva L. N., ed. *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya, praktika* [Political communicative studies: theory, methodology, practice]. Moscow, Russian Association of political science (RAPN) Publ., ROSSPEN Publ., 2012, pp. 58–77.
4. Castells M. Power of Communication (Russ. ed.: Tylevich N. M., transl. *Vlast' kommunikatsii*. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2017. 591 p.).
5. Kisilev A. G., Kirichek P. N. [The trends of political communication under social modernization]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2019, vol. 19, no. 2, pp. 322–336.

6. Lippmann W. Public Opinion (Russ. ed.: Barchunova T. V., transl. *Obshchestvennoe mnenie*. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publ., 2004. 384 p.).
7. Mihaylenok O. M., Malysheva G. A. [Political effects of social networks in Russia]. In: *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2019, no. 2, pp. 78–87.
8. Mihaylenok O. M., Shchenina O. G. [The role of political communications in the processes of consolidation of the Russian society]. In: *Grazhdanskoe edinstvo, etnokul'turnoe i konfessional'noe mnogoobrazie kak cennostnye osnovaniya i faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva: materialy uchastnikov Konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Civil unity, ethnocultural and religious diversity as value bases and factors of consolidation of the Russian society: Proceedings of the participants of the Conference with international participation]. Rostov-on-Don, Publishing house of the South-Russian Institute of Management RANEPA Publ., 2018, pp. 87–98.
9. Popova E. A., Medyakova E. M. [Information space as a favorable environment for the formation of civil unity in the context of global digitalization]. In: *Grazhdanskoe edinstvo, etnokul'turnoe i konfessional'noe mnogoobrazie kak cennostnye osnovaniya i faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva: materialy uchastnikov Konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Civil unity, ethnocultural and religious diversity as value bases and factors of consolidation of the Russian society: Proceedings of the participants of the Conference with international participation]. Rostov-on-Don, Publishing house of the South-Russian Institute of Management RANEPA Publ., 2018, pp. 183–186.
10. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N., Artamonova Yu. D., Chernyakhovskiy S. F., Chernyakhovskaya Yu. S., Karateev A. Yu., Bubnov A. Yu., Antonov D. E. [Transformations of political institutions and political participation in the digital society]. In: *Informacionnye vojny* [Information war], 2019, no. 3 (51), pp. 36–46.
11. Fedorchenko S. N. *Global'noe issledovanie politizatsii social'nyh setej* [Global study of the politicization of social networks]. In: *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2016, no. 8, pp. 57–67.
12. Fedorchenko S. N. *Heshtegi: mekhanizm legitimatsii politicheskogo rezhima ili manipulyativnaya lovushka?* [Hashtags: a mechanism for legitimizing a political regime or a manipulative trap?]. In: *Obozrevatel'-Observer* [Observer], 2019, no. 7, pp. 24–41.
13. Lasswell H. D. The structure and the function of communication in society. In: Brysol L., ed. *The Communication of Ideas*. New York, 1948, pp. 37–51.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.11.2019

Статья размещена на сайте: 03.11.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ромашкина Альбина Бариевна – аспирант кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: albrom@mail.ru

Albina B. Romashkina – Postgraduate Student, Department of State Policy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: albrom@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Ромашкина А. Б. Интернет как пространство взаимодействия институтов власти и общества // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Romashkina A. B. The Internet as a space of mutual influence of institutions of power and society. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9.072

Битюцкая Е. В., Корнеев А. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация

ДИАГНОСТИКА ВОСПРИЯТИЯ ЖИЗНЕННЫХ ТРУДНОСТЕЙ: СИТУАЦИОННЫЙ ОПРОСНИК «ТИПЫ ОРИЕНТАЦИЙ В ТРУДНОЙ СИТУАЦИИ»

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ психометрических показателей ситуационной версии опросника «Типы ориентаций в трудной ситуации» (ТОРС).

Процедура и методы. Для оценки факторной структуры использовался конфирматорный факторный анализ. Для проверки показателей шкал применялись описательная статистика, коэффициент альфа Кронбаха, корреляционный анализ, тест Шапиро-Уилкса. Различия между мужчинами и женщинами определялись по t-критерию.

Результаты. Структурная модель ТОРС оценена на материале жизненных трудностей разного содержания и хорошо соответствует эмпирическим данным ($n = 687$). Опросник продемонстрировал хорошие психометрические свойства. Полученный конструкт дифференцирует измерение «приближение к трудности – уход от неё» за счёт введения ориентаций, описывающих восприятие ситуации как комплекс когнитивных, эмоциональных, мотивационных компонентов (уровень цели, прогнозы, эмоции, направленность усилий и др.).

Теоретическая и практическая значимость. Опросник ТОРС, позволяющий выявлять значимые особенности восприятия разных типов жизненных трудностей, востребован в исследованиях динамических аспектов копинга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

трудная жизненная ситуация, копинг (совладание), восприятие ситуации, типы ориентаций в трудных ситуациях, образ мира, цель, ситуационный опросник

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00838 «Когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие образа трудной жизненной ситуации».

СТРУКТУРА

[Теоретическое введение и постановка проблемы](#)

[Модель типов ориентаций в трудных ситуациях](#)

[Две версии опросника для изучения типов ориентаций в трудных ситуациях](#)

[Методика](#)

[Процедура сбора данных и материал исследования](#)

[Обсуждение](#)

[Выводы](#)

Bityutskaya E. V., Korneev A. A.

Lomonosov Moscow State University

11 str. 9 Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation

DIAGNOSTICS OF PERCEPTION OF LIFE EVENTS: THE SITUATIONAL VERSION OF THE QUESTIONNAIRE "TYPES OF ORIENTATIONS IN DIFFICULT SITUATION"

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to analyze psychometric features of the situational version of the questionnaire "Types of Orientations in Difficult Situation".

Methodology. Confirmatory factor analysis was used to assess the factor structure. The consistency of the scales was estimated using the Cronbach's alpha coefficient; correlations of the scales were estimated by Pearson's coefficient. Descriptive statistics, Shapiro-Wilks test of normality were used for analysis of the data distribution; differences between men and women were assessed by the t-test.

Results. The questionnaire structural model was evaluated in studying different difficult situations of 687 adults. This model fits well with empirical data. The questionnaire has good psychometric properties. The obtained construct differentiates two poles of the coping dimension "approach-avoidance" by introducing orientations that describe the perception of the situation as a complex of cognitive, emotional, motivational components (goal level, forecasting, emotions, focus of efforts, etc.).

Research implications. This questionnaire allows to identify significant characteristics of perception of different types of difficult life situations and can be used in studying the dynamic aspects of coping.

KEYWORDS

difficult life situation, coping, perception of the situation, types of orientation in difficult situations, image of the world, goal, situational questionnaire

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00838 "Cognitive, emotional, behavioral components of the image of a difficult life situation"

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современных работах различные аспекты восприятия трудных жизненных ситуаций (ТЖС) рассматриваются в основном в контексте детерминант копинга. При этом одна из наиболее значимых тенденций связана с пониманием ситуационных детерминант как внешних (объективных) параметров. Эта линия исследований восходит к авторитетной теории стресса

и копинга Р. Лазаруса и С. Фолкман. В данной парадигме ситуация и её характеристики рассматриваются как стрессор / стрессовое жизненное событие / «свойства стимулов», определяемые человеком (посредством когнитивного оценивания) как угроза, потеря или вызов [29; 37].

Другой, более поздний подход, который изначально оттолкнулся от теории Р. Лазаруса и С. Фолкман, связан с изучением смысловых аспектов копинга [28; 33]. Так, в рамках «модели создания смысла» К. Парк и С. Фолкман описано взаимодействие между глобальным смыслом (global meaning), включающим глобальные убеждения, цели, чувство осмысленности жизни, и ситуационным смыслом (situational meaning). К нему относятся: значения, присвоенные событиям; дистресс, возникающий при расхождении между глобальным и оцениваемым значением; копинг-процесс (вос)создания смысла [33].

Третье направление, которое описывает воспринимаемые параметры стрессовых событий, связано с ментальными репрезентациями, определяющими копинг-стратегии. В этом контексте, например, изучаются: ментальные ресурсы человека [24]; воспринимаемый контроль [37]; субъективные представления о причинах и следствиях ситуации [39].

В целом для первого подхода характерно представление ситуации как воспринимаемого контекста, в рамках второго и третьего направлений рассматриваются отдельные параметры восприятия стрессовых событий. На наш взгляд, возможность более целостного понимания феномена восприятия ситуации как взаимодействия человека с миром связана с категорией «ТЖС».

Отметим, что в российской психологии, начиная с первых работ о совладании [1; 17], утвердилось понятие «ТЖС», которое не имеет полных аналогов в зарубежных публикациях и отличается от близких к нему понятий, используемых в англоязычной литературе: «негативное жизненное событие», «стрессовое жизненное событие» (negative life event; stressful life event) (см. обзор: [4]). Важный акцент при этом делается не на стрессогенности события, связанных с ним негативных эмоциях, а на трудности, следовательно, тех усилиях, которые направлены на контакт с ситуацией или уход от неё. Дихотомия приближение – уход (approach – avoidance) традиционно используется в психологии для классификации способов совладания [31; 35; 36]. В данном контексте видится интересным применить её к направленности сознания.

Кроме того, категория «ТЖС» позволяет реализовать исследования жизненных трудностей в опоре на ситуационный подход и понятие воспринимаемой ситуации [11; 12; 14; 18]. Такое определение опирается на методологические основания теории поля К. Левина, на понятие переживания Л. С. Выготского, что предполагает соединение объективного и

субъективного в восприятии жизненной среды [11]. Исходя из этого, ТЖС – это не субъект и внешние обстоятельства жизни, взятые по отдельности, а «человек, находящийся внутри ситуации и оценивающий, интерпретирующий, понимающий ее как трудную для себя» [13, с. 207]. При этом возникает вопрос: каковы элементы (структура), позволяющие операционализировать образ ТЖС?

Другой важный в контексте эмпирических исследований вопрос – это психологический инструментарий, используемый для изучения особенностей восприятия жизненных трудностей. Ранее мы выделили следующие используемые в психологии способы [7]. Для диагностики разных компонент репрезентации ТЖС применяются качественные методы [10; 24], отдельные шкалы в структуре опросников копинг-стратегий (например, проактивное и рефлексивное совладание [38], смысловой копинг [40]). В некоторых случаях авторы модифицируют факторную структуру имеющихся опросников совладающего поведения, чтобы показать специфику ментальной репрезентации, в частности субъективного контроля [23; 25]. К методикам диагностики представлений о ТЖС можно также отнести «метод виньеток», который предполагает анализ «гипотетической» стрессовой ситуации, вследствие чего имеет низкую экологическую валидность, и скорее приспособлен для изучения репертуара известных испытуемыми способов совладания со стрессом [27]. В целом специально разработанные стандартизированные опросники для изучения восприятия ТЖС редки, предназначены главным образом для диагностики когнитивного оценивания [2; 34], решения жизненных проблем [12], чаще всего охватывают отдельные аспекты репрезентации ТЖС.

Обозначенные в этом кратком обзоре проблемы формулируются следующим образом: 1) необходимость психологической модели, позволяющей операционализировать воспринимаемую ТЖС; 2) недостаток стандартизированных опросников для эмпирических исследований образа ТЖС. В данной статье предлагается вариант решения обозначенных проблем: в теоретическом аспекте – концептуальная модель типов ориентаций в трудных ситуациях; в методическом ключе – результаты апробации опросника.

МОДЕЛЬ ТИПОВ ОРИЕНТАЦИЙ В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ

Теоретические основания этой модели были подробно рассмотрены ранее [5]. К ним относятся:

1. Понимание ситуации как пространства возможностей, возможных событий, а также значимая для такого подхода идея взаимодействия личности и ситуации: вероятное становится возможным, актуальным в процессе активности субъекта и его выборов [16; 19; 22].

2. Концепция образа мира А. Н. Леонтьева, которая предполагает описание динамической природы восприятия [15; 21]. К стабильной же части образа мира можно отнести убеждения, ожидания, усвоенные по мере накопления жизненного опыта модели и сценарии ситуаций, на которые опирается человек при взаимодействии с ситуацией [5].

3. Учёт объективной и субъективной трудности при определении ТЖС [9]: важны не только высокие требования среды, но и оценка субъектом своих возможностей и условий, а также его готовность (или неготовность) воплотить ресурсы в усилия.

4. Для определения ориентации в трудной ситуации используется идея комплекса взаимосвязанных когнитивных, мотивационных и эмоциональных компонентов, которая реализована, например, в когнитивной теории эмоций М. Арнолд [26].

Под типами ориентаций мы понимаем направленность сознания человека на контакт с трудной ситуацией (фокусирование на ней, обдумывание способов решения и т. д.) или на уход от трудности (избегание, бездействие, игнорирование). Типы ориентаций проявляются в ситуациях необходимости достижения значимой трудной цели. Каждый тип содержит набор ориентаций, сочетание которых позволяет описать восприятие человеком трудной ситуации, отношение к ней. К первому типу *Ориентации на сближение с трудностью* относятся драйв, тщательность, ориентации на возможности и на сигналы угрозы. Во второй тип *Ориентации на уход от трудности* входят избегание, бездействие, беспечность [5]. Ориентация на препятствия изначально была отнесена к первому типу; но при исследовании предпочитаемых (а не ситуационных) ориентаций были выявлены корреляции этой шкалы с показателями ориентаций и первого, и второго типов. Вероятно, это объясняется оценкой преодолемости препятствий. Поиск препятствий и расчёт сил на борьбу с ними может сочетаться с достижением цели, фокусированием внимания на трудности. Но при высокой выраженности этой ориентации и оценке препятствий как непреодолимых с большой вероятностью можно ожидать избегание трудности [6].

В свою очередь, каждая ориентация состоит из компонентов, содержание которых определяет её специфику. Эти структурные элементы отображены на рис. 1 (на примере ориентации на возможности), на нём же показано, какие ориентации относятся к первому и второму типам. Полное описание модели представлено в отдельной публикации [5]. Содержание ориентаций и структурных элементов, необходимое для анализа в контексте настоящей работы, дано в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1
Концептуальная модель типов ориентаций (фрагмент модели) /
Conceptual model of orientation types (fragment of the model)

Тип 1. Ориентации на сближение, взаимодействие с трудностью				
Ориентации	Эмоциональные переживания в ситуации	Прогнозы	Цель	Усилия в соотношении с целью и требованиями ситуации
1. Стремление к трудностям (драйв)	Позитивные эмоции (интерес, любопытство, воодушевление), мотивирующие на активность	Привлекательный образ будущих трудностей: они сулят приключения, активность, интерес, победу, успех	Основная цель, заданная требованиями ситуации, «сдвигается» на самопознание, самосовершенствование	Усилия, избыточные по отношению к первоначальной цели
2. Ориентация на высокую трудоемкость (тщательность)	Увлеченность процессом реализации задачи	Антиципируются высокие результаты, которых необходимо достичь	Цели, связанные с достижением наилучшего результата	Максимальные затраты усилий; высокая настойчивость при достижении цели
3. Ориентация на сигналы угрозы	Мобилизующая напряженность	Преувеличивается трудность ситуации в будущем	Цель – упредить развитие трудной ситуации, ее разрастание в проблему; либо заблаговременно решить задачу	Максимальные усилия, направленные на мониторинг ситуации, с тем, чтобы минимизировать затраты на преодоление последствий
4. Ориентация на возможности	Радость, удовольствие, триумф при достижении цели ¹	Предвосхищение позитивных вариантов развития ситуации сочетается с планированием путей достижения результата	Выбор оптимальных по трудности, соответствующих требованиям ситуации целей	Целенаправленность действий, анализ условий для достижения результата. Направленность на оптимальные затраты усилий (без перерасхода или снижения)
5. Ориентация на препятствия	Беспокойство, достаточно ли ресурсов на то, чтобы справиться с задачей	Ожидание опасности и противостояния других людей	Цель трудной ситуации смещается на отслеживание препятствий	Усилия направлены на поиск помех, препятствий и на борьбу с ними
Тип 2. Ориентации на уход, отдаление от трудности				
6. Ориентация на потери (избегание трудностей)	Высокий уровень тревоги в трудной ситуации	Прогнозируются отрицательные исходы ситуации	Цель смещается с решения трудной задачи на устранение тревоги, предотвращение потерь ресурсов	Усилия направлены на уход от цели
7. Ориентация на сохранение ресурсов (бездействие)	Стремление к экономии сил и комфортному ослабленному состоянию.	В силу дистанцирования от проблемы прогнозы не строятся	Отказ от цели, если требуется высокое напряжение усилий. Либо перевод цели из трудной в лёгкую.	Минимизация усилий: 1) через выбор легких целей; 2) некачественное выполнение работы; 3) перекладывание задачи на других людей
8. Ориентация на игнорирование трудности (беспечность)	Отсутствие эмоциональных сигналов о наличии трудности как показатель незначимости проблемы	Прогнозирование развития трудной ситуации отсутствует либо заменяется надеждой на разрешение ситуации. Решение трудной задачи постоянно откладывается на будущее	Цель трудной ситуации отсутствует, потому что сама трудность игнорируется	Усилия направляются на другие виды деятельности

Источник: [5].

¹ Соответствующее данному критерию утверждение не вводилось в ситуационную версию методики, потому что критерий описывает эмоции при достижении цели. Методика же предполагает анализ происходящей (т. е. незавершённой) ситуации, на этапе, когда задача ещё не решена.

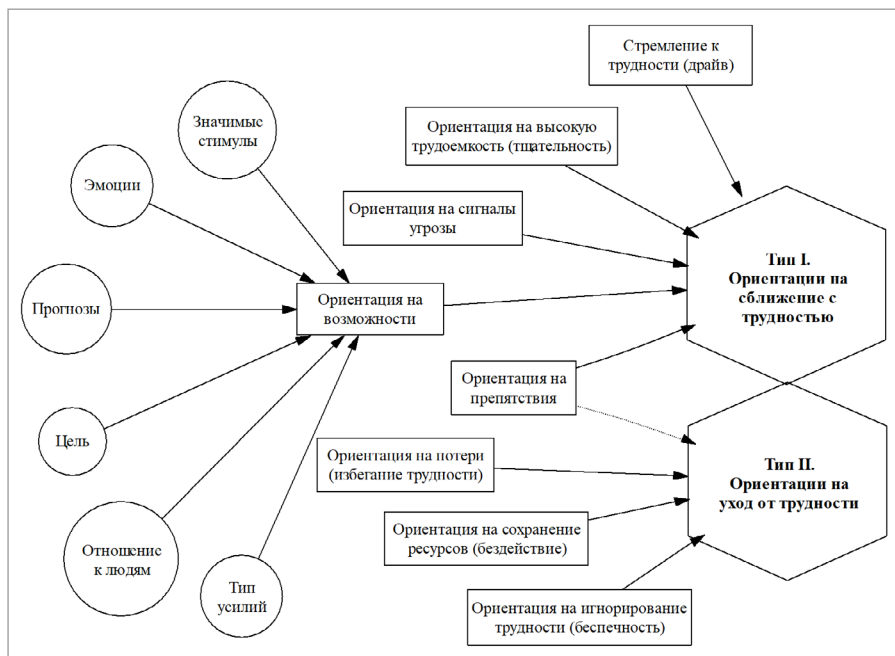

Рис. 1 / Fig. 1. Структура типов и ориентаций в трудных ситуациях. Составлено Е. В. Битуюцкой / The structure of types and orientations in difficult situations. Compiled by E. V. Bityutskaya

ДВЕ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОВ ОРИЕНТАЦИЙ В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ

В соответствии с предложенной концептуальной моделью было разработано два опросника, предназначенных для разных целей [5]. Методики разрабатывались для ситуаций, предполагающих достижение значимой трудной цели, которые можно обозначить как «трудная жизненная задача».

1. «Типы ориентаций в трудных ситуациях» ТОРТС состоит из 72 пунктов, объединённых в 38 пар и оцениваемых по шкале Ликерта. С помощью данного опросника можно определить предпочитаемые ориентации испытуемого, что соотносится со стабильной составляющей образа мира.

2. Представленная в настоящей статье ситуационная версия ТОРС² включает 65 пунктов и предназначена для диагностики восприятия актуально происходящей в жизни респондента трудной ситуации, которую он описывает. С помощью ТОРС можно изучать также изменения в восприятии ситуации (при повторном использовании: тест-ретест), т. е. данная версия разработана для исследований динамических аспектов восприятия трудных ситуаций и совладания с ними.

² Аббревиатура расшифровывается следующим образом: Опросник ТОРС – Типы Ориентаций, Ситуационный.

Несмотря на то, что многие утверждения двух методик совпадают по смыслу, формулировки вопросов отличаются. При этом в основе обеих методик и структуры их шкал лежат единая концептуальная модель типов ориентаций и общие теоретические представления о воспринимаемой ТЖС.

Ранее были опубликованы данные о психометрической проверке опросника ТОРС, подтверждающие его надёжность и валидность [6; 7]. *Задачами настоящей работы* являются: 1) проверка соответствия структурной модели ТОРС эмпирическим данным; 2) оценка согласованности шкал ТОРС и их психометрических показателей. В более общем плане мы отвечаем на *исследовательский вопрос*: воспроизводится ли концептуальная модель типов ориентаций на ситуационном материале?

МЕТОДИКА

Участниками исследования стали 687 респондентов, из них 266 мужчин (в возрасте 19 – 50 лет, $M = 21.5$, $SD = 5.1$ лет) и 421 женщина (19 – 52 лет, $M = 25.7$; $SD = 6.9$ лет) – студенты московских вузов, а также работающие специалисты с высшим и средним специальным образованием, жители Москвы и Московской области.

ПРОЦЕДУРА СБОРА ДАННЫХ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Испытуемые были проинформированы о добровольном участии в исследовании, отвечали на вопросы методики индивидуально, получив бумажный или электронный бланк. Респонденты вначале описывали, как воспринимают и преодолевают свою актуальную ТЖС, по вопросам Методики структурированного описания ситуации, предполагающей ответы на открытые вопросы. Затем испытуемые анализировали эту ТЖС, заполняя ТОРС. В *инструкции* респонденту предлагалось: описать свою жизненную ситуацию, которая является трудной задачей, требующей решения в данный период времени; далее – соотнести с этой ситуацией представленные в бланке утверждения и оценить их по шкале от 0 до 3 баллов (0 – «совершенно неверно»; 1 – «скорее, неверно»; 2 – «скорее, верно»; 3 – «совершенно верно»). Каждому респонденту предоставлялась обратная связь по опросникам, содержащая индивидуальный профиль реагирования на ТЖС.

По итогам опроса мы получили описания ситуаций разных жизненных сфер: профессиональные и учебные трудности (реализация крупного проекта, поиск работы; сложный экзамен, написание и защита дипломной работы / диссертации, совмещение работы и учебы); материальные трудности (решение квартирного вопроса, увеличение доходов); внутриличностные задачи (самоопределение, жизненный выбор, дилемма и др.); ситуации межличностных отношений; проблемы здоровья.

Процедура обработки данных

Оценка факторной структуры опросника проводилась с помощью конфирматорного факторного анализа. Так как в опроснике используется шкала Ликерта с четырьмя категориями ответа (от 0 до 3), мы применяли устойчивый к ненормальности распределения и предназначенный для оценки порядковых переменных метод взвешенных наименьших квадратов с поправками среднего и дисперсии (WLSMV) [32]. Оценка качества моделей осуществлялась с помощью квадратичной усреднённой ошибки аппроксимации (RMSEA) и критерия согласия модели (CFI), которые считаются основными параметрами оценки соответствия модели имеющимся данным. При этом модель считается хорошей при значениях RMSEA ниже 0.08, а CFI – больше 0.9. Для определения связей шкал применялся корреляционный анализ (коэффициент Пирсона). Для проверки показателей шкал использовались описательная статистика, тест Шапиро-Уилкса, коэффициент альфа Кронбаха. Различия между мужчинами и женщинами оценивались по t-критерию. Величина статистического эффекта при сравнении двух групп определялась с помощью коэффициента d Коэна (использовались границы: от 0.2 – слабый эффект, от 0.5 – средний, 0.8 и выше – сильный эффект).

Результаты

Первым шагом проверки факторной структуры опросника было создание конфирматорной модели, в которой пункты были отнесены к шкалам в соответствии с ключами опросника³ и допускались корреляции между факторами (шкалами). Показатели качества этой модели оказались неплохими, но недостаточно высокими: RMSEA = 0.054, CFI = 0.872, χ^2 (1194) = 3619.343.

Так как некоторые вопросы, помимо объединяющего их фактора, могут иметь дополнительную взаимосвязь за счёт схожих смыслов, на втором шаге мы добавили корреляции ошибок отдельных пунктов для 23 пар пунктов: 23–21; 25–23; 34–22; 35–2; 36–17; 36–35; 37–21; 44–34; 45–44; 46–19; 46–38; 49–31; 49–48; 51–31; 51–44; 54–42; 54–7; 58–2; 58–44; 58–56; 60–30; 60–54; 62–43. После этого оценки качества модели улучшились и стали соответствовать общепринятым критериям хорошей модели: RMSEA = 0.049, CFI = 0.900, χ^2 (1171) = 3068.835.

Факторные нагрузки пунктов, а также показатели надёжности – согласованности шкал представлены в таблице 2.

³ Ключи опросника, т. е. соответствие пунктов шкалам, разрабатывались на основе концептуальной модели типов ориентаций в трудных ситуациях, а также предварительно выполненных процедур: проверки описательной статистики отдельных пунктов; оценки согласованности шкал с помощью процедуры «альфа Кронбаха шкалы после удаления пункта» и корреляционного анализа пунктов.

Таблица 2 / Table 2

Стандартизированные факторные нагрузки пунктов в конфирматорной модели, показатели согласованности шкал / Standardized factor loadings of items in the confirmatory model, indicators of scales consistency

№	Шкалы и пункты	Факторные нагрузки
Драйв (10 пунктов) $\alpha = .858$		
3	Приступая к решению этой задачи, я испытываю интерес, любопытство или воодушевление	.781
21	Преодоление этой трудности связано для меня с возможностью зарядиться позитивными эмоциями и энергией	.546
23	Я верю в то, что это событие принесёт мне новые возможности	.650
25	Преодоление этой трудности помогает мне узнать, на что я способен	.613
37	Преодолевая эту трудность, я ощущаю прилив сил	.735
38	Я предвосхищаю успех и чувство удовлетворенности от завершения этой ситуации	.679
43	Не будь подобных трудностей, мне было бы скучно	.589
51	Я уверен, что в этих условиях я справлюсь с задачей любой сложности	.624
54	Я принимаю вызов и активно включаюсь в преодоление трудности	.715
65	Выбирая один из вариантов развития ситуации, знаю, что я на верном пути	.664
Тщательность (5 пунктов) $\alpha = .680$		
16	Я стремлюсь к качественному выполнению этой задачи, требующему очень высоких затрат усилий	.680
30	Я много времени уделяю поиску возможностей и средств для решения задачи	.567
60	Для того чтобы решить эту задачу, я выкладываюсь на полную мощность	.630
62	Погружаясь в решение этой задачи, я увлекаюсь процессом ее выполнения	.489
64	Я продолжу попытки достижения цели даже при усилении трудности этой ситуации	.591
Ориентация на сигналы угрозы (5 пунктов) $\alpha = .650$		
2	Я отслеживаю малейшие сигналы, указывающие на угрозу	.534
9	Для меня важно не допустить усиления трудности, перерастания ситуации в проблему	.519
17	Я пытаюсь просчитать действия других участников ситуации, чтобы сделать условия более предсказуемыми	.581
40	Я анализирую, как изменить условия, чтобы они способствовали достижению цели	.361
59	Я ощущаю ограничение во времени и необходимость срочно что-то предпринять для преодоления трудности	.670
Ориентация на возможности (7 пунктов) $\alpha = .70$		
1	В этой ситуации я фокусируюсь на том, как оптимально распределить силы для достижения результата	.580
8	Я настроен на взаимодействие с каждым участником этой ситуации, даже если кто-то мне неприятен	.407
26	Я уверен, что окружение меня поддержит и даст необходимый ресурс	.427

Продолжение таблицы 2 на следующей странице

№	Шкалы и пункты	Факторные нагрузки
40	Я анализирую, как изменить условия, чтобы они способствовали достижению цели	.398
46	Я продумываю позитивные варианты разрешения этой ситуации и пути их реализации	.649
48	Я настроен на получение результата в назначенные сроки	.549
61	Думая о развитии этой ситуации, я ставлю цель и планирую ее достижение	.762
Ориентация на препятствия (5 пунктов) $\alpha = .567$		
22	Я беспокоюсь о том, хватит ли моих ресурсов и сил на преодоление этой ситуации	.407
28	Наибольшее значение в этой ситуации я придаю выявлению помех и препятствий	.394
35	Я стараюсь быть начеку, чтобы предотвратить потенциальную опасность	.525
36	Я думаю о том, как противостоять возможным действиям нерасположенных ко мне людей	.313
49	Мне важно рассчитать свои силы на борьбу с препятствием	.632
Избегание (9 пунктов) $\alpha = .804$		
18	Я пытаюсь избежать этой проблемы	.579
19	Прогнозируя дальнейшее развитие событий, я в основном представляю негативные исходы	.650
22	Я беспокоюсь о том, хватит ли моих ресурсов и сил на преодоление этой ситуации	.413
31	Я ощущаю невозможность управлять происходящим	.565
34	Я воспринимаю эту ситуацию как потерю времени и сил	.704
44	Я испытываю неуверенность в своих силах	.637
45	Я ставлю перед собой слишком трудную цель, которую невозможно достичь	.446
56	В этой ситуации я ощущаю упадок сил	.787
58	Думая об этой задаче, я испытываю тревогу	.548
Бездействие (6 пунктов) $\alpha = .684$		
4	В этой ситуации я пытаюсь сберечь свои ресурсы и силы	.311
20	Я выбираю самый легкий вариант достижения цели, лишь бы освободиться от этой проблемы	.542
24	Если задача потребует слишком много сил, я готов отказаться от ее решения	.443
29	В этой ситуации предпочитаю не напрягаться	.753
41	Мне не хочется ничего делать для разрешения этой ситуации	.841
47	Я перекладываю ответственность за разрешение этой проблемы на другого человека	.475
Беспечность (6 пунктов) $\alpha = .781$		
7	Я предпочитаю отстраняться от этой проблемы через уход в другую деятельность или смену обстановки	.745
10	Я откладываю мысли об этой ситуации на потом	.787
12	Из-за других дел я не могу приступить к решению этой задачи	.496
27	Я надеюсь, что эта проблема разрешится без моего участия	.588
39	Я думаю, что возможность решить эту задачу у меня будет и позже	.426
42	Я склонен отложить решение этой задачи на потом	.884

Примечание. Все коэффициенты значимо отличаются от нуля на уровне $p < 0.001$.

Все факторные нагрузки положительны и достаточно высоки, что подтверждает качество модели. Значимыми на уровне $p < 0.001$ также оказались корреляции ошибок пар пунктов, описанных выше. В целом структура опросника, заданная в модели, достаточно хорошо соответствует данным.

Для семи шкал опросника выявлена хорошая согласованность: показатели коэффициента альфа Кронбаха варьируются от 0.65 до 0.86. Наименьший уровень выявлен для шкалы *ориентация на препятствия* (0.57).

Корреляции между факторами в структурной модели оказались значимыми ($p < 0.012$) во всех парах факторов, кроме: *ориентация на препятствия – бездействие*. При этом самые сильные положительные корреляции получены между факторами, относящимися к первому типу ориентаций (от 0.323 до 0.871). Три фактора, соответствующие ориентациям на уход от трудности (*избегание, бездействие, беспечность*), также высоко коррелируют (от 0.662 до 0.867). Корреляции между факторами, соответствующими двум типам ориентаций, отрицательны (от -0.158 до -0.667), за исключением факторов, относящихся к *ориентациям на препятствия и угрозу*. Они положительно связаны с ориентациями первого типа, а также с избеганием. Эти данные в целом согласуются с корреляциями между итоговыми шкалами опросника, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Корреляции между шкалами опросника (коэффициент Пирсона) /
Correlations between questionnaire scales (Pearson's coefficient)

Шкалы методики	Тщательность	Сигналы угрозы	Возможности	Препятствия	Избегание	Бездействие	Беспечность
Драйв	0.559**	0.111*	0.613**	0.276**	-0.486**	-0.358**	-0.253**
Тщательность	1	0.351**	0.582**	0.478**	-0.157**	-0.415**	-0.351**
Ориентация на сигналы угрозы		1	0.292**	0.513**	0.310**	0.058	-0.003
Ориентация на возможности			1	0.478**	-0.336**	-0.292**	-0.295**
Ориентация на препятствия				1	0.108*	-0.113*	-0.129**
Избегание					1	0.465**	0.491**
Бездействие						1	0.608**

Примечание * – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; ** – корреляция значима на уровне $p < 0.001$.

Как видно из таблицы 3, получены значимые корреляции между шкалами во всех случаях, кроме корреляции шкалы *ориентация на сигналы угрозы* со шкалами *бездействие* и *беспечность*. При этом шкалы, относящиеся к первому типу, коррелируют между собой высоко положительно и в основном отрицательно со шкалами ориентаций второго типа. Исключение составляют положительные корреляции между показателями избегания с *ориентациями на сигналы угрозы и препятствия*. Внутри группы шкал ориентаций второго типа обнаружены сильные и значимые корреляции.

Описательная статистика и результаты проверки на нормальность распределения полученных значений приведены в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Описательная статистика значений шкал / Descriptive statistics of scale values

Шкала	Среднее	Ст. откл.	25 процентиль	50 процентиль (медиана)	75 процентиль	Асимметрия	Значимость теста проверки на нормальность (тест Шапиро-Уилкса)
Драйв	1.772	0.635	1.30	1.80	2.20	-0.267	< .001
Тщательность	1.864	0.571	1.40	1.80	2.20	-0.205	< .001
Ориентация на сигналы угрозы	1.717	0.544	1.40	1.80	2.00	-0.175	< .001
Ориентация на возможности	2.045	0.504	1.71	2.00	2.43	-0.37	< .001
Ориентация на препятствия	1.952	0.549	1.60	2.00	2.40	-0.304	< .001
Избегание	1.41	0.605	1.00	1.33	1.83	0.183	< .001
Бездействие	0.997	0.56	0.50	1.00	1.33	0.385	< .001
Беспечность	1.268	0.699	0.67	1.17	1.67	0.301	< .001

Примечание: Для подсчета значений вычисляется средний балл по каждой шкале

Проверка распределения шкал на нормальность показала, что баллы распределены ненормально по всем шкалам. При этом можно отметить, что по шкалам *драйв*, *тщательность*, *ориентация на сигналы угрозы*, *ориентация на возможности* и *ориентация на препятствия* получена отрицательная асимметрия (т. е. большая часть показателей респондентов скапливается ближе к верхнему полюсу шкалы), а по шкалам *избегание*,

бездействие и беспечность обнаружена положительная асимметрия (т. е. большая часть показателей респондентов скапливается ближе к нижнему полюсу шкалы).

Результаты сравнения показателей, полученных в мужской и женской группах, представлены в таблице 5.

Таблица 5 / Table 5

Результаты сравнения баллов по шкалам у мужчин и женщин /
Comparison of scores on scales in men and women

	Муж.	Жен.	Значимость различий по t-критерию	Сила статистического эффекта (d Коэна)
Драйв	1.779 (0.607)	1.768 (0.653)	$t(594) = 0.215, p = 0.830$	0.017
Тщательность	1.844 (0.593)	1.877 (0.557)	$t(537) = -0.718, p = 0.473$	-0.057
Ориентация на сигналы угрозы	1.643 (0.543)	1.764 (0.541)	$t(562) = -2.862, p = 0.004$	-0.224
Ориентация на возможности	1.987 (0.544)	2.081 (0.475)	$t(508) = -2.324, p = 0.020$	-0.185
Ориентация на препятствия	1.823 (0.572)	2.033 (0.518)	$t(522) = -4.876, p < .001$	-0.386
Избегание	1.243 (0.549)	1.516 (0.615)	$t(610) = -6.069, p < .001$	-0.469
Бездействие	0.989 (0.551)	1.002 (0.567)	$t(576) = -0.304, p = 0.761$	-0.024
Беспечность	1.155 (0.681)	1.339 (0.701)	$t(576) = -3.400, p < .001$	-0.265

Сравнение мужской и женской групп показало, что значимые различия между ними наблюдаются по шкалам *ориентация на сигналы угрозы, ориентация на возможности, ориентация на препятствия, избегание и беспечность* (во всех случаях средний балл выше у женщин). Однако сила статистического эффекта во всех случаях меньше 0.5, т. е. можно говорить только о слабых различиях в восприятии трудных ситуаций между мужчинами и женщинами.

ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты апробации опросника подтверждают *соответствие факторной структуры TOPC концептуальной модели* типов ориентаций в трудных ситуациях – как по составу, так и по количеству ориентаций (соот-

ветствующих шкалам). При этом новизна реализации идеи приближения к трудности – ухода от неё состоит в том, что полученный конструкт позволяет дифференцировать это измерение за счёт введения ориентаций, соответствующих каждому типу. Каждая ориентация описывает ситуационные параметры восприятия трудности: прогнозы, эмоции, цель, соизмерение усилий с требованиями ситуации и др.

В *состав структуры TOPC* вошли 51 из 65 пунктов, разработанных для данной версии; 2 пункта примерно с одинаковыми нагрузками входят в состав сразу двух шкал (№ 22 – *ориентация на препятствия, избегание*; № 40 – *ориентации на угрозу и возможности*). Из итоговой модели были исключены 14 пунктов. Во-первых, это пункты об отношениях к людям в контексте трудной ситуации, которые слабо коррелировали с факторами (что согласуется с ранее полученными данными [5; 6]). Во-вторых, были удалены вопросы, которые коррелировали сразу с несколькими шкалами, относящимися к одному типу направленности; например, пункт: «В этой ситуации я ощущаю готовность быстро действовать» (сближение с трудностью). Наконец, мы отказались от пунктов с сильной асимметрией (к более высоким баллам), которые, по-видимому, описывают очень желательные для испытуемых формы взаимодействия с ситуацией. Причём в данном случае, как и зачастую вообще в исследованиях копинга, речь идёт не о социальной, а о личной желательности. Субъекту бывает важно отнести к себе активную позицию в отношении к ситуации, чтобы подтвердить желательную Я-концепцию.

Корреляционный анализ показателей шкал выявил как ожидаемые, так и неожиданные взаимосвязи. К первым относятся положительные связи ориентаций внутри типов и отрицательные корреляции – между показателями шкал, относящихся к разным типам. В целом это подтверждает начальную идею группировки ориентаций. При этом *ориентация на сигналы угрозы* оказалась положительно связана с *избеганием*, что ранее не предполагалось. В то же время *ориентация на препятствия* на ситуационном материале показала довольно высокие положительные связи с ориентациями первого типа и слабые отрицательные – с *бездействием* и *беспечностью*; кроме того слабо положительно связана с *избеганием*. Последний результат отличается от показателей предпочитаемых ориентаций (по TOPC), для которых была обнаружена связь этих двух шкал на уровне 0.506 ($p < 0.001$; $n = 465$) [6]. Отметим, что при проверке ситуационной версии опросника COPE, направленной на диагностику копинг-стратегий приближения к стрессовой ситуации / её избегания, также наблюдались корреляции между как способами внутри одной из категорий (приближение или уход), так и копинг-стратегиями, относящимися к разным категориям [31].

Относительно неожиданных результатов, полученных для *ориентации на сигналы угрозы*, можно предложить следующее объяснение. В долгосрочной перспективе последствиями состояния мобилизованности, напряжения

ресурсов, направляемых на отслеживание слабых сигналов угрозы, становится выгорание. Далее это может быть связано с демотивацией, чувством неподконтрольности ситуации, тревогой, описывающими избегание. Такое предположение основывается на выводах из ранее проведённых исследований мониторинга как способа совладания с угрозой, в которых были показаны два типа связи. С одной стороны, мысленное сосредоточение на источнике стресса вызывает состояние возбуждения (напряжения), что определяет мобилизацию сил и уверенность в преодолении. Но, с другой стороны, если в процессе мониторинга субъект фокусируется на негативных аспектах угрожающего события, происходит усиление тревоги и связанных с ней последствий [30].

Анализируя связи шкал ТОРС (в особенности невысокие), необходимо учитывать *ситуационную направленность методики*, а значит, возможность контекстных вариаций показателей шкал. Так, в дипломном исследовании Е. А. Гузенко⁴, выполненном под руководством одного из авторов, ТОРС применялся для диагностики восприятия чрезвычайной ситуации курсантами выпускного курса, будущими специалистами экстремального профиля ($n = 142$). На материале такого типа ситуаций *ориентация на слабые сигналы угрозы* высоко и положительно коррелировала не только с ориентациями первого типа (в т. ч. с *драйвом*; при отрицательных связях с ориентациями второго типа), но и с оценкой ситуации как требующей быстрого реагирования, а также с необходимостью активного целенаправленного копинга. Отметим, что при анализе этих результатов важен не только ситуационный контекст, но и особенности участников данного исследования. Курсантов, которых готовят к работе в чрезвычайных ситуациях, при поступлении в вуз отбирают на основе показателей здоровья и профессионально важных качеств (оптимистичное восприятие, позитивная оценка своих сил, энергичность и др.). В то же время в систему обучения курсантов включена психологическая подготовка, в частности мотивационная готовность, предполагающая высокую ценность помощи людям [8; 20]. Именно комплекс факторов: хорошее физическое состояние, целенаправленность действий, мотивация спасения жизни, стрессоустойчивость – определяют эффект мобилизации и стремление преодолеть источник опасности при восприятии угрозы.

Таким образом, на примере шкалы *ориентация на угрозу* выявлена неустойчивость корреляций, что характерно для методик ситуационного типа, применяемых в области совладания с ТЖС. В данном контексте отметим, что можно также прогнозировать некоторую подвижность факторной структуры ТОРС. Дискуссия об этом на примере ситуационного опросника способов копинга С. Фолкман и Р. Лазаруса широко известна; а нестабильность психометрических показателей ситуационной версии признана закономерной (см.

⁴ Гузенко Е. А. Особенности психологического преодоления трудных жизненных ситуаций у курсантов ведомственных вузов МЧС России: выпускная квалификационная работа специалиста по психологии. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. 71 с.

обзор [3, с. 14–16]). В силу того, что психометрические показатели и структура ТОРС могут до некоторой степени меняться в зависимости от специфики ситуаций и особенностей респондентов, видится важным дальнейшее исследование результатов опросника с учётом описанных факторов. Полагаем, что это позволит выявить значимые особенности реагирования человека на разные типы жизненных трудностей.

Как было отмечено выше, для показателей ориентаций первого типа выявлена отрицательная *асимметрия*; а для ориентаций второго типа – положительная асимметрия. На наш взгляд, это объясняется тем, что испытуемые изначально выбирают для анализа ту ситуацию, относительно которой им важно самоопределиться и лучше осознать свои стратегии взаимодействия с ТЖС.

Однако нередко в профиле респондента сочетаются ориентации разной направленности, что характеризует амбивалентное отношение к трудности. Например, с одной стороны, человек пытается анализировать и решать трудную жизненную задачу, но, с другой стороны, испытывая тревогу, одновременно уходит от решения. Такие данные приводят нас к необходимости далее изучать особенности сочетаний ориентаций в профиле респондента, что позволит выявить типы восприятия ТЖС (в отличие от типов ориентаций). Другими словами, при анализе результатов респондента важно обращать внимание не только на выраженность отдельных ориентаций, но и на их сочетание. Мы предполагаем, что именно такой – системный – подход позволит прогнозировать способы взаимодействия с ситуацией.

ВЫВОДЫ

Анализ, проведённый в данной работе, позволяет утверждать, что ТОРС – это методика, которая даёт возможность оценить восприятие актуальной для респондента трудной жизненной ситуации по восьми шкалам, сгруппированным в два типа. К первому типу, характеризующему направленность на сближение с трудностью, относятся: *драйв* (стремление к трудной ситуации, связанное с приливом сил и положительными эмоциями); *тщательность* (достижение трудной цели при максимальных затратах усилий); *ориентация на сигналы угрозы* (мониторинг «слабых сигналов» угрозы при попытках предупредить развитие трудности); *ориентация на возможности* (поиск возможностей для достижения цели, что связано с оптимальными усилиями); *ориентация на препятствия* (придание первостепенного значения выявлению помех и препятствий, расчёт своих сил на борьбу с ними). Ко второму типу, определяющему уход от трудности, относятся: *избегание* (восприятие трудной ситуации как потери времени и сил, источник тревоги); *бездействие* (выбор минимальных целей и простых способов их достижения); *беспечность* (игнорирование трудных ситуаций, откладывание их разрешения).

ТОРС предназначен для исследования восприятия потенциально контролируемых человеком ситуаций, предполагающих достижение трудной цели. Его рекомендуется применять в исследованиях ТЖС, в которых конкретизируется ситуационный контекст. Опросник апробирован на материале трудных ситуаций разного содержания, которые актуальны для респондентов и воспринимаются как жизненные задачи, требующие разрешения.

Опросник продемонстрировал хорошие психометрические свойства и соответствие концептуальной модели. Однако ТОРС как методика ситуационного типа (в большей степени направленная на измерение динамических структур, а не стабильных качеств) допускает некоторую вариабельность психометрических показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
2. Битюцкая Е. В. Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации с позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 2. С. 40–56.
3. Битюцкая Е. В. Опросник способов копинга: методическое пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 80 с.
4. Битюцкая Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 3. С. 116–131.
5. Битюцкая Е. В. Типы ориентаций в трудных ситуациях // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 41–53.
6. Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Диагностика факторов копинга: апробация опросника «Типы ориентаций в трудных ситуациях» // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 1. С. 97–111.
7. Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Факторная структура опросника «Типы ориентаций в трудных ситуациях» // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Международной научной конференции, Кострома, 26–28 сентября 2019 г.: в 2 т. / отв. ред. М. В. Сапоровская, Т. Л. Крюкова, С. А. Хазова. Т. 2. Кострома: Издательство Костромского государственного университета, 2019. С. 324–327.
8. Битюцкая Е. В., Лебедева Н. А., Цаликова Ю. Р. Изменение объема кратковременной памяти под влиянием стрессогенного воздействия у курсантов // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 1. С. 27–43.
9. Битюцкая Е. В., Петровский В. А. К вопросу о субъективной и объективной трудности жизненной ситуации // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: материалы IV Международной научной конференции, Кострома, 22–24 сентября 2016 г.: в 2 т. / отв. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Т. 1. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. С. 17–19.
10. Бутенко Т. П. Методика диагностики понимания неопределенности жизненных ситуаций и совладания с ними // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 117–123.

11. Гришина Н. В. Ситуационный подход и его эмпирические приложения // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 24. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.11.2020).
12. Данина М. М., Кисельникова Н. В., Куминская Е. А. Русскоязычная версия опросника решения социальных проблем (SPSI-R) // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 3. С. 46–64.
13. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Институт Психологии РАН, 2016. 488 с.
14. Коржова Е. Ю. Интегративный подход к психологии жизненного пути личности // Интегративный подход к познанию психологии человека / науч. ред. Е. Ю. Коржова. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 53–68.
15. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
16. Леонтьев Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 3–27.
17. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
18. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности: монография. М.: Прометей, 2005. 312 с.
19. Психология ситуаций: теория и исследования / Н. В. Гришина, В. Е. Погребницкая, Д. М. Абдулманова, М. В. Аллахвердов. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 340 с.
20. Психология экстремальных ситуаций / под ред. Ю. С. Шойгу. СПб.: Питер, 2019. 272 с.
21. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
22. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. 2-е изд. М., СПб.: Питер: Смысл, 2003. 860 с.
23. Холодная М. А. Стили совладания в юношеском возрасте в контексте проблемы интеллектуального контроля совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 84–96.
24. Холодная М. А., Хазова С. А. Феномен концептуализации как основа продуктивности интеллектуальной деятельности и совладающего поведения // Психологический журнал. 2017. № 5. С. 5–17.
25. Шмелев И. М. Соотношение типов религиозности и способов разрешения трудных жизненных ситуаций: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2017. 30 с.
26. Arnold M. B. Emotion and personality: in 2 vols. Vol. I: Psychological aspects. New York: Columbia University Press, 1960. 296 p.
27. Children's knowledge and use of coping strategies during hospitalization for elective surgery / J. L. Altshuler, J. L. Genevro, D. N. Ruble, M. H. Bornstein // Journal of Applied Developmental Psychology. 1995. № 16 (1). P. 53–76.
28. Folkman S., Moskowitz J. T. Coping: Pitfalls and Promise // Annual Review of Psychology. 2004. Vol. 55. P. 743–774.
29. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer Publishing Co., 1984. 456 p.

30. Miller S. M. Cognitive informational styles in the process of coping with threat and frustration // *Advances Behaviour Research and Therapy*. 1989. Vol. 11. P. 223–234.
31. The Situational Version of the Brief COPE: Dimensionality and Relationships With Goal-Related Variables / D. Monzani, P. Steca, A. Greco, M. D'Addario, E. Cappelletti, L. Pancani // *Europe's Journal of Psychology*. 2015. Vol. 11 (2). P. 295–310.
32. Muthén L. K., Muthén B. O. *Mplus User's Guide*. 7th ed. Los Angeles, 2012. 850 p.
33. Park C. L., George L. S. Lab- and field-based approaches to meaning threats and restoration: Convergences and divergences // *Review of General Psychology*. 2018. Vol. 22 (1). P. 73–84.
34. Peacock E. J., Wong P. T. The Stress Appraisal Measure (SAM): A multi-dimensional approach to cognitive appraisal // *Stress Medicine*. 1990. Vol. 6. № 3. P. 227–236.
35. Roth S., Cohen L. Approach, avoidance, and coping with stress // *American Psychologist*. 1986. Vol. 41. P. 813–819.
36. Searching for the structure of coping: A review and critique of category systems for classifying ways of coping / E. A. Skinner, K. Edge, J. Altman, H. Sherwood // *Psychological Bulletin*. 2003. Vol. 129. № 2. P. 216–269.
37. Skinner E. A., Zimmer-Gembeck M. J. Perceived control and the development of coping // *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of stress, health, and coping* / ed. S. Folkman. New York: Oxford University Press, 2011. P. 35–59.
38. The Proactive Coping Inventory (PCI): A Multidimensional Research Instrument / E. Greenglass, R. Schwarzer, D. Jakubiec, L. Fiksebaum, S. Taubert // Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR), Cracow, Poland, July 12th–14th, 1999. Cracow, 1999. P. 12–14.
39. The revised Illness Perception Questionnaire (IPQ-R) / R. Moss-Morris, J. Weinman, K. J. Petrie, R. Horne, L. D. Cameron, L. Buick // *Psychology and Health*. 2002. Vol. 17 (1). P. 1–16.
40. Wong P. T. P., Reker G. T., Peacock E. J. A resource-congruence model of coping and the development of the coping schemas inventory // *Handbook of multicultural perspectives on stress and coping* / eds. P. T. P. Wong, L. C. J. Wong. New York: Springer. 2006. P. 223–283.

REFERENCES

1. Antsyferova L. I. [Personality in difficult living conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1994, vol. 15, no. 1, pp. 3–18.
2. Bityutskaya E. V. [Cognitive appraisal of the difficult life situation in A.N. Leontiev's activity approach]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2013, no. 2, pp. 40–56.
3. Bityutskaya E. V. *Oprosnik sposobov kopinga* [Coping methods questionnaire]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2015. 80 p.
4. Bityutskaya E. V. [The structure and dynamics of the difficult life situation image]. In: *Voprosy psikhologii*, 2020, vol. 66, no. 3, pp. 116–131.
5. Bityutskaya E. V. [Types of orientations in difficult situations]. In: *Voprosy Psikhologii*, 2018, no. 5, pp. 41–53.
6. Bityutskaya E. V., Korneev A. A. [Diagnosis of coping factors: testing the questionnaire "Types of orientations in difficult situations"]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2020, vol. 41, no. 1, pp. 97–111.

7. Bityutskaya E. V., Korneev A. A. [Factor structure of the questionnaire "Types of orientations in difficult situations"]. In: Saporovskaya M. V., Kryukova T. L., Khazova S. A., ex. eds. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: vyzovy, resursy, blagopoluchie: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kostroma, 26–28 sentyabrya 2019 g. T. 2* [Psychology of Stress and Coping Behavior: Challenges, Resources, Well-being: Proceedings of the V International scientific conference, Kostroma, September 26th–28th, 2019. Vol. 2]. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University Publ., 2019, pp. 324–327.
8. Bityutskaya E. V., Lebedeva N. A., Tsalikova Yu. R. [Changes in the volume of short-term memory under the influence of stressful effects in cadets]. In: *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2020, vol. 17, no. 1, pp. 27–43.
9. Bityutskaya E. V., Petrovsky V. A. [On the subjective and objective difficulties of a life situation]. In: Kryukova T. L., Saporovskaya M. V., Khazova S. A., ex. eds. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kostroma, 22–24 sentyabrya 2016 g. T. 1*. [Psychology of Stress and Coping Behavior: Resources, Health, Development: Proceedings of the IV International Scientific Conference, Kostroma, September 22nd–24th, 2016. Vol. 1]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University Publ., 2016, pp. 17–19.
10. Butenko T. P. [Diagnostic technique for understanding the uncertainty of life situations and coping with them]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2008, vol. 5, no. 2, pp. 117–123.
11. Grishina N. V. [Situational approach and its empirical applications]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2012, vol. 5, no 24. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 20.11.2020).
12. Danina M. M., Kisel'nikova N. V., Kuminskaya E. A. [Russian-language version of the social problem solving questionnaire (SPSI-R)]. In: *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 46–64.
13. Znakov V. V. *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2016. 488 p.
14. Korzhova E. Yu. [An integrative approach to the psychology of a person's life path]. In: Korzhova E. Yu., sc. ed. *Integrativnyi podkhod k poznaniyu psikhologii cheloveka* [The integrative approach to understanding human psychology]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2017, pp. 53–68.
15. Leont'ev A. N. [The psychology of the image]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1979, no. 2, pp. 3–13.
16. Leont'ev A. N. [New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible]. In: *Voprosy Psikhologii*, 2011, no. 1, pp. 3–27.
17. Nartova-Bochaver S. K. ["Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1997, vol. 18, no. 5, pp. 20–30.
18. Nartova-Bochaver S. K. *Psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti* [Psychological space of personality]. Moscow, Prometheus Publ., 2005. 312 p.

19. Grishina N. V., Pogrebitskaya V. E., Abdul'manova D. M., Allakhverdov M. V. *Psikhologiya situatsii: teoriya i issledovaniya* [Psychology of situations: theory and research]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2011. 340 p.
20. Shoigu Yu. S., ed. *Psikhologiya ekstremal'nykh situatsii* [Psychology of extreme situations]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. 272 p.
21. Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilova T. V. [Image of the world in dynamic control of uncertainty]. In: *Voprosy Psichologii*, 2016, no. 4, pp. 3–13.
22. Heckhausen H. Motivation und Handeln (Russ. ed.: Motivatsiya i deyatelnost'). Moscow, St. Petersburg, Piter Publ., Smysl Publ., 2003. 860 p.
23. Kholodnaya M. A. [Adolescent coping styles in the context of intellectual control of coping behavior]. In: Zhuravlev A. L., Kryukova T. L., Sergienko E. A., eds. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping Behavior: Current State and Prospects]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2008, pp. 84–96.
24. Kholodnaya M. A., Khazova S. A. [The phenomenon of conceptualization as the basis of intellectual productivity and coping behavior]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, no. 5, pp. 5–17.
25. Shmelev I. M. *Sootnoshenie tipov religioznosti i sposobov razresheniya trudnykh zhiznennykh situatsii: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Correlation of types of religiosity and ways of resolving difficult life situations : abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2017. 30 p.
26. Arnold M. B. Emotion and personality. Vol. I: Psychological aspects. New York, Columbia University Press, 1960. 296 p.
27. Altshuler J. L., Genevro J. L., Ruble D. N., Bornstein M. H. Children's knowledge and use of coping strategies during hospitalization for elective surgery. In: *Journal of Applied Developmental Psychology*, 1995, no. 16 (1), pp. 53–76.
28. Folkman S., Moskowitz J. T. Coping: Pitfalls and Promise. In: *Annual Review of Psychology*, 2004, vol. 55, pp. 743–774.
29. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York, Springer Publishing Co., 1984. 456 p.
30. Miller S. M. Cognitive informational styles in the process of coping with threat and frustration. In: *Advances Behaviour Research and Therapy*, 1989, vol. 11, pp. 223–234.
31. Monzani D., Steca P., Greco A., D'Addario M., Cappelletti E., Pancani L. The Situational Version of the Brief COPE: Dimensionality and Relationships With Goal-Related Variables. In: *Europe's Journal of Psychology*, 2015, vol. 11 (2), pp. 295–310.
32. Muthén L. K., Muthén B. O. Mplus User's Guide. Los Angeles, 2012. 850 p.
33. Park C. L., George L. S. Lab- and field-based approaches to meaning threats and restoration: Convergences and divergences. In: *Review of General Psychology*, 2018, vol. 22 (1), pp. 73–84.
34. Peacock E. J., Wong P. T. The Stress Appraisal Measure (SAM): A multi-dimensional approach to cognitive appraisal. In: *Stress Medicine*, 1990, vol. 6, no. 3, pp. 227–236.
35. Roth S., Cohen L. Approach, avoidance, and coping with stress. In: *American Psychologist*, 1986, vol. 41, pp. 813–819.
36. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: A review and critique of category systems for classifying ways of coping. In: *Psychological Bulletin*, 2003, vol. 129, no. 2, pp. 216–269.

37. Skinner E. A., Zimmer-Gembeck M. J. Perceived control and the development of coping. In: Folkman S., ed. Oxford library of psychology. The Oxford handbook of stress, health, and coping. New York, Oxford University Press, 2011, pp. 35–59.
38. Greenglass E., Schwarzer R., Jakubiec D., Fiksebaum L., Taubert S. The Proactive Coping Inventory (PCI): A Multidimensional Research Instrument. In: Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR), Cracow, Poland, July 12th–14th, 1999. Cracow, 1999, pp. 12–14.
39. Moss-Morris R., Weinman J., Petrie K. J., Horne R., Cameron L. D., Buick L. The revised Illness Perception Questionnaire (IPQ-R). In: Psychology and Health, 2002, vol. 17 (1), pp. 1–16.
40. Wong P. T. P., Reker G. T., Peacock E. J. A resource-congruence model of coping and the development of the coping schemas inventory. In: Wong P. T. P., Wong L. C. J., eds. Handbook of multicultural perspectives on stress and coping. New York, Springer, 2006, pp. 223–283.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.11.2020

Статья размещена на сайте: 30.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Битюцкая Екатерина Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

Корнеев Алексей Андреевич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: korneeff@gmail.com

Ekaterina V. Bityutskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

Aleksei A. Korneev – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: korneeff@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Битюцкая Е. В., Корнеев А. А. Диагностика восприятия жизненных трудностей: ситуационный опросник «типы ориентаций в трудной ситуации» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bityutskaya E. V., Korneev A. A. Diagnostics of perception of life events: The situational version of the questionnaire “types of orientations in difficult situation”. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9

Гришина Н. В.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, Российская Федерация

ЖИЗНЕННОЕ СОБЫТИЕ: СИЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И АВТОРСТВО ЛИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание жизненных событий с точки зрения субъективного «вклада» человека.

Процедура и методы. В серии исследований (2018–2020), посвященных теме изменений и самоизменений человека, жизненные события изучались (1) в контексте изменений социальной реальности, (2) как изменения в жизненном сценарии человека, (3) как феноменологический опыт личностных изменений. При сборе данных использовались разработанные для задач исследования опросники и личностные методики. Обработка данных проводилась с помощью качественных и количественных методов анализа данных.

Результаты. Выделены категории событий, различающихся степенью «авторства» человека по отношению к событиям своей жизни: (1) объективные события как изменения жизненной ситуации индивида; (2) жизненные события как изменение жизненного пространства человека в результате его личностного выбора; (3) события экзистенциального опыта.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования. Полученные данные позволяют расширить понимание субъективной природы жизненных событий и использовать их в консультативной работе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

жизненное событие, типы жизненных событий, «личностный вклад», «авторство» личности, событийность жизни.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00703 «Потенциал самоизменений как фактор существования человека в изменяющемся мире».

СТРУКТУРА

Введение: Понятие события в психологии

«Объективные» события («внешние события»): изменения жизненной ситуации

Жизненные события: личностный выбор

События экзистенциального опыта

Закключение

N. Grishina

St. Petersburg University

7-9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation

LIFE EVENT: FORCE OF CIRCUMSTANCES AND AUTHORSHIP OF PERSONALITY

ABSTRACT

Aim. Description of life events from the point of view of a person's subjective "contribution".

Methodology. In a series of studies (2018–2020) of human changes and self-changes, life events were studied (1) in the context of changes in social reality, (2) as changes in a person's life scenario, (3) as a phenomenological experience of personal changes. Questionnaires developed for the research and personal methods were used, the obtained data were processed with qualitative and quantitative methods of data analysis.

Results. Three categories of events with different levels of "authorship" of a person in relation to the events of his life have been defined: (1) the objective event as changes in the life situation of the individual; (2) life events as a change in the person's living space as a result of his personal choice; (3) existential experience events.

Research implications. The data obtained allow us to expand our understanding of the subjective nature of life events and use them in consulting work.

KEYWORDS

life event, types of life events, "personal contribution", "authorship of personality", eventfulness of life

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR in the framework of the research project 18-013-00703 "Potential of self-modification as a factor of human existence in the changing world".

ВВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ СОБЫТИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Понятие *событие*, имеющее междисциплинарный характер и широкий спектр применения (от явлений природного и социального мира до повседневной жизни человека), в последние десятилетия становится всё более популярным. Растущее внимание к этому понятию связано, в том числе, с развитием в науке представлений о неравновесных системах. И. Пригожин, обозначая изменения в научной картине мира как «философия нестабильности», отмечает: «Лишь в неравновесной системе могут иметь место уникальные события и флуктуации, способствующие этим событиям, а также происходит расширение масштабов системы, повышение её чувствительности к внешнему миру и, наконец, возникает историческая перспектива, т. е. возможность

появления других, быть может более совершенных, форм организации» [17, с. 51]. Именно динамичный, «подвижный» характер системы порождает новизну и события, что, в свою очередь, увеличивает вероятность возникновения новых событий и дальнейшего развития системы.

Те же тенденции имеют место и в эволюции представлений психологической науки. Осознание необходимости перехода от «статичных» описаний психологической феноменологии к изучению «изменяющегося человека в изменяющемся мире» ведёт к развитию процессуально-динамического подхода в психологии личности, основанного, в том числе, на положениях теории неравновесных систем [7; 13]. Усиление внимания к проблематике изменений увеличивает интерес и к понятию события, поскольку оно трактуется как нечто происходящее и изменяющее процесс, явление или среду.

Немалое значение имеет и то, что в психологии понятие *событие* обычно используется для описания «жизненной проблематики», разработка которой в современной отечественной психологии становится одним из важнейших направлений.

Особый статус понятия *события* среди других понятий «жизненной проблематики» обеспечивается тем, что оно позволяет связать временные и пространственные координаты жизни человека.

Во временном измерении жизнь человека в её протяжённости описывается с помощью понятий жизненного пути и жизненного сценария. Первое из них является более традиционным, относится к биографии человека и фактам его жизни. Понятие жизненного сценария набирает популярность в современной отечественной психологии в силу того, что оно делает акцент на «авторстве» человека по отношению к собственной жизни, на его способности быть субъектом жизни.

В пространственных координатах жизненный путь структурируется на жизненные ситуации, в описании которых также немалое место занимают объективные обстоятельства жизни человека. Более «психологичным» является понятие жизненного пространства, предложенное К. Левином, которое отвечает задаче многогранного, многоаспектного описания существования человека в жизненном контексте.

В соответствии с методологической позицией Левина, жизненное пространство человека включает в себя физические и социальные факты (как объективные реалии), которые входят в его репрезентацию таким образом и в той степени, в какой они реально оказывают влияние на человека. Жизненное пространство – это субъективное пространство реальности человека, которое образуется фактами и обстоятельствами его жизни в их восприятии личностью.

Жизненное пространство человека – это пространство событий. По Левину, важнейшей характеристикой жизненного пространства является его рассмотрение как множества возможных событий. Принципиальным для

понимания существования индивида в его жизненном пространстве является то, что возможно и что невозможно для него в данной ситуации. Если жизненное пространство представляет собой совокупность возможных событий, тогда все психологические «объекты», которые входят в ситуацию, должны быть охарактеризованы их связью с возможными событиями. Каждое изменение психологической ситуации для человека означает, что определённые события, которые были «невозможны» (или «возможны»), сейчас являются «возможными» (или «невозможными»). Таким образом, понятие *события* занимает важнейшее место в концепции жизненного пространства Левина: человек не просто реагирует на те или иные ситуации, но, воспринимая и оценивая их, конструирует из них своё собственное психологическое пространство [11].

Значение понятия *события* и его место в описании «жизненной проблематики», как уже отмечалось, могут быть определены через его связующую роль по отношению к пространственным и временным координатам жизни человека: событие включено в актуальное жизненное пространство «здесь-и-сейчас», но при этом, в силу своей значимости, входит и в более протяжённые единицы человеческой жизни, жизненный путь человека, его жизненный сценарий, по отношению к которым события выступают как своего рода «скрепы», связующие его отдельные части.

Идея использования события в качестве единицы описания жизненного пути принадлежит Ш. Бюлер, что стало началом в формировании событийного подхода к его описанию. Статус *события* в отечественной психологической науке обозначен известным определением С. Л. Рубинштейна: событие – это «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека» [18, с. 248]. При этом Рубинштейн подчеркивает, что факты биографии человека становятся событиями, если находят отклик во внутреннем мире личности. Соответственно событие в психологическом смысле – это то, что становится событием благодаря тому, что сам человек делает его значимым моментом своей жизни.

События – и это отводит им особую роль в исследованиях психологии личности – это ключ к пониманию не только жизненного пути человека, но и его самого. В концепции Рубинштейна человек есть субъект собственной жизни, личность сама определяет свою жизненную историю, через свои поступки и жизненно значимые решения. «Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал» [18, с. 246].

Данный подход получил большое развитие в отечественной психологии в исследованиях жизненного пути. Наряду с возрастным подходом (представленным, в частности, работами Б. Г. Ананьева) он заложил основы изучения жизненного пути в отечественной науке и является приоритетным в

современных исследованиях. Преимущество событийного подхода связано с пониманием того, что события жизни являются более значимыми в формировании содержания жизни, чем возрастные особенности.

Идеи Рубинштейна развивались и конкретизировались в работах его учеников и последователей. В рамках событийного подхода к изучению жизненного пути человека важнейшей задачей является выявление связей событий жизни с изменениями в жизненном сценарии человека, процесса трансформации жизненного сценария под влиянием социальных событий. Тем самым событийный подход в большей мере соответствует и задачам разработки другой важнейшей психологической проблемы – изменениям человека в изменяющемся мире, которая приобретает особую актуальность в психологии XXI в., когда масштаб изменений и их нарастающие темпы создают новую психологическую реальность существования человека.

В высказывании Рубинштейна, равно как и в других описаниях события в литературе, отчётливо выделяются два момента – обстоятельства, факты жизни человека («биографические факты») и их «отклик во внутреннем мире личности», переживаемая человеком их значимость, в силу чего «биографический факт становится фактом психическим».

Наиболее интригующим (и трудно уловимым для исследований) моментом является вопрос о переходе обстоятельств повседневной жизни человека, его биографических фактов в действительные *события* его жизни.

Как известно, методологические подходы к проблеме соединения объективного и субъективного в восприятии жизненной среды были заложены идеями К. Левина, в теории поля которого среда описывается как воспринимаемая и переживаемая субъектом, У. Томасом, предложившим концепт «определение ситуации», и Л. Выготским, описавшим отношение личности и среды с помощью понятия «переживание», которое есть внутреннее отношение человека к моменту действительности [8]. В разных формулировках эти подходы утверждают решающую роль восприятия и оценки ситуации индивидом в возникновении события – именно интерпретация ситуации человеком определяет, превратится ли эта ситуация в событие его жизни или останется рутинным эпизодом его повседневности. В этом процессе соединяются объективные обстоятельства и их осмысление, переживание человеком, придающее этим обстоятельствам статус события его жизни.

Таким образом, психологическое событие возникает в результате сложного взаимодействия объективных и субъективных факторов, объективно возникающих обстоятельств с их субъективной интерпретацией человеком, которая является результатом процесса их восприятия и оценки, в чём важнейшую роль играют его личностные особенности [5].

Для возникновения события необходимы определённые условия, которые образованы совместным «вкладом» объективных и субъективных факторов; при этом чем больше «вклад» объективных факторов, тем меньшую

роль играют субъективные, и наоборот. «Субъективный» вклад человека в события своей жизни означает его авторство по отношению к собственной жизни, которое определяется степенью участия человека в жизненных ситуациях, его включённостью в них, что и превращает обыденные ситуации реальности в событие.

Тематика жизненных событий нашла отражение в проводимых нами исследованиях в области психологии изменений и самоизменений человека. Разрабатываемый нами концепт «потенциал самоизменений» и изучаемая феноменология изменений оказались тесно связаны с темой событий. Можно утверждать, что жизненные изменения имеют событийный характер, событие по своей природе есть нечто создающее и изменяющее, событие – это всегда изменение. Результаты проведённых исследований позволили прийти к некоторым выводам относительно различий в событиях, приводящих к изменениям в жизни человека, прежде всего с точки зрения авторства человека по отношению к событиям своей жизни. Соответственно этому могут быть выделены три категории событий, связанных с изменениями в жизни человека: (1) объективные события (иногда обозначаемые в литературе как «внешние события»), следствием которых становятся изменения жизненной ситуации индивида; (2) жизненные события как изменение жизненного пространства человека в результате его личностного выбора; (3) события экзистенциального опыта.

«ОБЪЕКТИВНЫЕ» СОБЫТИЯ («ВНЕШНИЕ СОБЫТИЯ»): ИЗМЕНЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Изменения жизненного контекста человека неизбежны и связаны с закономерной сменой форм его жизнедеятельности по мере взросления. Универсальные реалии человеческой жизни могут быть описаны с помощью понятия культурного сценария жизни, образованного совокупностью нормативно обязательных событий, отвечающих представлениям своего времени. Исследования жизненных сценариев подтверждают присутствие таких типичных событий в жизни человека: начало периода ученичества и трудовой деятельности, создание семьи, появление детей и др.; эти события присутствуют в жизни человека в самых разных культурах, хотя и отличаются по временным и содержательным характеристикам [16]. В рамках конкретной культуры типичные события имеют нормативную локализацию во времени, образуя «расписание жизни» [3]. Кроме этих «обязательных» событий, «вынужденные события» могут создаваться и другими изменениями жизненной ситуации, возникающими вопреки желанию человека, – потеря работы, распад семьи, необходимость переезда и др.

«Сила» этих «объективных событий» в том, что они ставят человека перед необходимостью изменений. По результатам наших исследований в общем объёме изменений, происходящих на протяжении жизни человека, наиболее представлены именно изменения, связанные с меняющимися обстоятель-

ствами жизни как вынужденный ответ на сложившиеся (часто неблагоприятные) обстоятельства. Среди выявляемых в результате опросов категорий существенных жизненных изменений наиболее объёмными типично оказываются события, связанные с профессиональной деятельностью (потеря или смена работы), семьей (её созданием или распадом), рождением детей (внуков), сменой места жительства и т. д. Нетрудно видеть, что все они связаны с теми или иными изменяющимися обстоятельствами жизненной ситуации.

Перечисленные события – это события жизненного контекста самого человека. Однако любой человек неизбежно включён в более широкие социальные контексты, события которого также вторгаются в его жизнь, ставя перед необходимостью изменений.

Данная проблема является частью более широкой темы, которая в течение долгого времени оставалась вне фокуса внимания психологической науки, влияния социального контекста и социальных изменений на психологическую феноменологию. Несмотря на то, что уже почти полвека назад вышел своего рода программный манифест, коллективная работа европейских психологов «Контекст в социальной психологии» (1972) [24], в которой была поставлена задача описания социальных изменений не только в социологических, политических или иных аспектах, но и с точки зрения их реального влияния на жизнь человека, разработка этой проблемы продолжает оставаться на начальной стадии.

За прошедшие десятилетия необходимость описания психологической феноменологии с учётом влияния контекста существования человека стала осознаваться как одна из важнейших задач, связанных с перспективами дальнейшего развития психологии [6; 9]; более того, многие противоречия в имеющейся эмпирической феноменологии сегодня рассматриваются как следствие недостаточного учёта контекста её возникновения. Последние события мирового масштаба, связанные с пандемией, когда возникшие социальные проблемы нарушили привычную повседневную жизнь людей, приводя к серьёзным психологическим последствиям, показали настоятельную необходимость методологически корректного описания перехода событий широко-го социального контекста в психологические события жизни человека.

В проведённом нами исследовании изучалось, как социальные изменения реальности отражаются в обыденном сознании людей, что является одним из центральных моментов в изучении влияния социальных факторов на жизнь человека. Как отмечала Г. М. Андреева, «фокус интереса здесь сосредоточен на проблеме *восприятия* рядовым членом общества происходящих в социуме изменений и разработки стратегии поведения в соответствии с этим восприятием» [4]. Полученные в наших исследованиях результаты свидетельствовали о том, что изменения современной реальности (временные, технологические, информационные и др.) достаточно адекватно рефлексировались обыденным сознанием (если принять за меру адекватности их соответствие

представлениям, существующим в научном дискурсе). Однако изменения в собственной жизни люди не связывают с изменениями мира. Жизненные изменения в обыденном сознании связаны с семьёй и работой (например, потеря работы оценивается как событие жизненных изменений 80% участников исследования, смена работы – 76%, вступление в брак – 70%, смерть близкого человека или болезнь – 53%, рождение детей и развод – 43%) [12]. Таким образом, в обыденном сознании возникает своего рода противоречие: изменения и события социального мира рефлексированы, но не воспринимаются как оказывающие влияние на изменения в жизни самого человека.

Проведённое два года назад это исследование позволило сделать вывод о том, что изменения окружающего мира воспринимаются как нечто внешнее, не имеющее прямого отношения к собственной жизни. Однако опыт 2020 г. показал, что если происходящие во внешнем мире события приводят к критическим изменениям реальности, то они неизбежно вторгаются в жизненное пространство индивида, изменяя его и нарушая привычное течение повседневной жизни. Критические ситуации в жизни человека возникают, по мнению специалистов, в результате взаимодействия ряда факторов, приводящих к ощущению невозможности продолжать привычное существование в изменившихся условиях. Объективные условия, возникшие в жизни людей в результате ситуации пандемии и нарушившие привычные формы деятельности и коммуникации, отвечают этим критериям – внезапность происходящего, нерелевантность сложившихся у человека привычных форм поведения и представлений о мире и зачастую необходимость заново выстраивать жизненные планы и жизненные цели. Объективная насыщенность социального контекста мощным потенциалом изменений «навязывает» события изменений жизни каждого человека, практически не оставляя ему возможности их «переопределения».

В качестве иллюстрации психологического влияния ситуации пандемии и связанных с ней ограничений в привычной жизнедеятельности сошлёмся на результаты исследования, в котором производилось двукратное измерение некоторых личностных характеристик – до начала и в разгар ситуации пандемии (декабрь 2019 – апрель 2020) (участники исследования – 63 чел., в возрасте от 18 до 30 лет, $M = 21,6$; $SD = 2,3$). Полученные данные указывают на неблагоприятное влияние пандемической ситуации на психологическое состояние людей, в том числе на экзистенциальные параметры. В частности, уменьшились показатели жизнестойкости (как способности справляться с жизненными трудностями) и «экзистенциальной исполненности» (связанной с полнотой проживания жизни), увеличились показатели переживания одиночества и зависимости от общения (все сдвиги показателей статистически значимы). Значимый характер имеют и изменения характеристик возможных Я: уменьшились такие показатели, как «способность воплощения желаемого возможного Я» и «вероятность воплощения возможных Я»; с другой сторо-

ны, увеличилось значение показателя «вероятности воплощения возможного негативного Я» и уменьшился показатель «способности противостоять воплощению негативного Я»¹). Эти результаты свидетельствуют о высокой чувствительности данных характеристик к новым условиям жизненной ситуации, если произошло их значимое изменение на протяжении всего лишь четырёх месяцев (возможно, эти сдвиги характерны для начальной стадии переживания пандемии, и впоследствии этот процесс замедлился, а произошедшие изменения компенсированы).

Ситуации кризисов в силу выраженности происходящих изменений дают богатые возможности для изучения социальных изменений и их влияния на жизнь людей. Более сложные задачи встают перед исследователями, пытающихся отслеживать влияние постепенных, плавных, латентных изменений социального контекста на повседневную жизнь людей. Одно из возможных решений состоит во введении в предметное поле психологической науки изучения культуры, выступающей в качестве своеобразного проводника, связующего звена между миром индивида и социума [см., например, 2]. Задача разработки методологии, позволяющей фиксировать социальные изменения и соответствующие им социальные влияния, остаётся одной из важнейших в психологии [см., например, 10; 19].

Объективные изменения социального контекста неизбежно, в большей или меньшей степени, ведут к изменениям в жизненных ситуациях и жизненном пространстве человека. Чем в большей степени объективные факторы провоцируют изменения в жизни человека, тем меньшую роль играют субъективные факторы, «вклад» самого человека в эти жизненные изменения. Он, тем не менее, присутствует всегда, хотя бы и в минимальной степени. Как подчёркивал В. Франкл, за человеком всегда остаётся свобода отношения к тем или иным обстоятельствам своей жизни или возникшей ситуации, которая фактически представляет собой личностный выбор.

ЖИЗНЕННЫЕ СОБЫТИЯ: ЛИЧНОСТНЫЙ ВЫБОР

Большинство жизненных событий, входящих как в актуальное жизненное пространство человека, так и в историю его жизни, по сравнению с ранее описанными, «объективированными» событиями, имеют более сложную, объективно-субъективную природу.

Данные события жизни есть результат оценки ситуации индивидом, которая определяет её событийный статус, тем самым действительно превращая её в реальное событие жизни. В связи с темой восприятия окружающего мира С. Л. Рубинштейн замечает, что «в зависимости от значимости воспринятого для личности оно остаётся либо только более или менее безличным предметным знанием, либо включается в личностный план переживания. Из

¹ Гмызин Р. О. Экзистенциальные аспекты представлений о возможных Я : маг. дис. СПбГУ, 2020.

просто воспринятого оно становится в последнем случае пережитым, испытанным, иногда выстраданным; в таком случае оно не только открывает тот или иной аспект внешнего мира, но и включается в контекст личной жизни индивида» [18, с. 279–280]. Напомним, в этой связи, точку зрения Брунера, в соответствии с «новым взглядом» которого восприятие есть процесс принятия решений. Именно осознанное или неосознанное решение, выбор личности определяет событийный статус жизненной ситуации.

Данный выбор основан на *свободе отношения* человека к той или иной жизненной ситуации, от которого в конечном счёте зависит, станет ли она значимым событием его жизни или ничем не будет отмечена в череде повседневных дней. Свобода отношения человека к ситуации – это, прежде всего, *свобода восприятия и оценки, интерпретации ситуации*, а также *свобода переживания* этой ситуации, складывающиеся в общее когнитивно-аффективное реагирование.

Представление о решающей роли восприятия и оценки ситуации в детерминации способов реагирования человека на те или иные её аспекты общепризнанно в психологии. Восприятие ситуации детерминировано как внешней реальностью, так и внутренним субъективным миром человека, однако сила влияния обоих «источников» может различаться. Чем более однозначной, определённой является внешняя ситуация, тем более её восприятие и интерпретация задаются внешними, объективными факторами, тем меньшую роль играют индивидуальные, личностные особенности человека. (Очевидным примером ситуаций такого типа являются экстремальные ситуации, например, паника, которые фактически не оставляют места субъективным интерпретациям и провоцируют типовое поведение). Способность ситуаций «задавать» типовые способы их оценки и соответствующего реагирования в литературе обозначается как «сила» и «слабость» ситуации: «сильные» ситуации более жёстко и однозначно детерминируют поведение индивида, «слабые» – допускают большую свободу в их интерпретации и выборе стратегии поведения.

При этом огромную роль играет не только когнитивная, но и аффективная компонента. Одним из известных результатов исследований в области социального познания является признание того, что в качестве первичного основания репрезентации социальных эпизодов выступают аффективные характеристики: «Люди реагируют на ситуации не столько в терминах объективных черт и описательных характеристик ситуации, сколько в терминах их чувств и эмоций по поводу события» [23, р. 171]. Неслучайно Л. С. Выготский именно переживание предлагал рассматривать в качестве единицы изучения взаимодействия личности и среды.

Личностный (жизненный) выбор был предметом ряда исследований, выполненных Д. А. Леонтьевым и его коллегами. В его работах речь идёт о готовности к выбору как к изменениям собственной жизни, что связано с личностным потенциалом человека. Примечательно, что такой параметр,

как восприятие выбора (ощущение авторства собственных выборов, восприятие жизни как предоставляющей возможности выбора), опосредуется двумя другими параметрами – самовыражением (оценкой своей деятельности и поступков как ценных и субъективно значимых) и аутентичностью (соответствие жизни тому, какой человек хотел бы её видеть) [14].

Подчеркнём, что в нашем обсуждении речь идёт о *выборе отношения* к той или иной ситуации жизни, что определяет её значимость для человека и, соответственно, меру его включённости в эту ситуацию. Данный ракурс предполагает «молярный» уровень рассмотрения взаимодействия человека с ситуацией, и это вполне соответствует описанию Д. А. Леонтьева – выбор как ощущение авторства собственной жизни, связанного с самовыражением и стремлением к аутентичности.

В исследовании И. Р. Муртазиной изучался выбор выпускниками школ места дальнейшего обучения. Выбор осуществлялся между переездом в другой (столичный) город или обучением в родном городе, что фактически означало выбор между кардинальным изменением жизненной ситуации или отказом от её изменения. Результаты исследования (среди прочего) показали, что в основе этого выбора лежит разное восприятие альтернатив выбора. Более 40% тех, кто выбрал переезд в другой город, рассматривали эту ситуацию как ситуацию новых возможностей, почти столько же, 40%, отказавшихся от переезда, видели в ней преимущественно риски и трудности [15]. Приведённый результат вписывается в концепцию жизненного пространства К. Левина, в соответствии с которой, как уже отмечалось, оно представляет собой пространство возможных событий, а его изменения означают, что одни события становятся возможными, а другие невозможными.

Предметом данного исследования был жизненный выбор, который часто возникает в ситуациях принятия жизненно значимых решений, – это выбор между альтернативами изменения или неизменности, отражающими классическую дилемму «развитие – безопасность».

В ранее приведённых рассуждениях И. Пригожина о неравновесных системах динамизм, развитие и новизна связываются с событийностью. Соответственно выбор в пользу изменения фактически отражает готовность к встрече с новыми событиями, а отказ от изменений – к уменьшению их потенциальной вероятности. В любом случае это «авторское» решение человека, определяющее меру субъектности его позиции по отношению к конкретной жизненной ситуации.

СОБЫТИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОПЫТА

Особое место среди жизненных событий человека занимают экзистенциальные события, которые становятся результатом проживания им экзистенциального опыта. Его особенности связаны с той уникальной ролью, которую он играет в жизни человека. Именно экзистенциальный опыт является

потенциальным источником наиболее мощных личностных изменений и смыслообразования, фундаментальным основанием, определяющим активность человека на разных уровнях его жизнедеятельности.

В одном из первых проведённых нами исследований, которое имело лонгитюдный характер, сравнивались личностные особенности студентов, которые при описании событий, происшедших с ними за последние годы, упоминали события экзистенциального типа («острое чувство одиночества», «первый опыт свободы» и др.), с остальными. Оказалось, что у студентов, отмечавших пережитый экзистенциальный опыт в качестве значимого события своей жизни, наблюдались более интенсивные изменения в становлении ценностно-смысловой сферы и развитии личностных особенностей, общий вектор которых может быть обозначен как нарастание личностной зрелости.

Как известно, по Эриксону, формирование идентичности связано с организацией жизненного опыта в индивидуальное Я; соответственно становление экзистенциальной идентичности связано с организацией экзистенциального опыта.

События экзистенциального опыта нашли отражение в понятии жизненных переживаний Э. Гуссерля, в концепции «пограничных состояний» К. Ясперса, в описании «вершинных переживаний» А. Маслоу и др.

Понятие жизненного переживания относится Гуссерлем к особым переживаниям, характеризующимся «наполненностью смыслом», когда человек, превосходя свою субъективность, входит в мир жизни и становится его частью. Пограничные ситуации, по Ясперсу, – это жизненные потрясения, когда человек оказывается перед лицом «крушения» повседневного существования, в отстранении от которого ему раскрываются подлинный смысл и значение бытия. Этот экзистенциальный опыт – опыт истинного переживания, «озарения экзистенции». «Вершинные переживания», или пиковые переживания (peak-experience), описываются Маслоу как предельный опыт, опыт познания окружающего мира, доступный на высоких уровнях самоактуализации человека.

В проведённых нами исследованиях были выделены следующие характеристики событий экзистенциального опыта: интенсивность опыта, эмоциональный характер которого сохраняется в памяти долгие годы и актуализируется при воспоминании; уникальность, необычность, непередаваемость опыта; разрушение привычного ощущения себя в пространстве и времени, чувство слияния с миром, прямого контакта с ним [9]. При этом в описании этих событий часто содержится указание на неожиданность проживаемого опыта – привычный контекст, обычная ситуация, которая начинает переживаться необычным образом (Мужчина средних лет, о привычном для него выходе в море на яхте: «Не знаю почему. Но просто в какой-то момент мне стало казаться, что это движение, ветер, брызги, море, солнце и я как будто одно целое. И я, и это море, и небо – единое целое»).

В качестве ещё одной иллюстрации приведём пример описания переживаемого экзистенциального опыта философом П. Адо: «Я был охвачен беспокойством, одновременно ужасающим и умирительным, вызванным чувством присутствия мира, или Всего, и меня в этом мире. На самом деле я не был способен сформулировать свой опыт, но после этих ощущений чувствовал, что он мог соответствовать таким вопросам, как: “Что я есть такое?”, “Почему я здесь?”, “Что такое этот мир, в котором я нахожусь?”. Я испытывал странное чувство удивления и умирения от того, что был тут. В то же самое время у меня было чувство погружённости в мир, ощущение, что я его составная часть, что этот мир простирается от самого малого стебелька травы до самых звёзд. Это мир интенсивно присутствовал во мне... Я стал считать себя философом именно с того времени, если под философией понимать осознание существования, бытия в мире. ... Я начал воспринимать мир по-новому. Небо, облака, звёзды, «вечера мира», как я говорил самому себе, манили меня. Прислонившись спиной к подоконнику, я смотрел на ночное небо, и у меня было впечатление, что я погружаюсь в звёздную огромность. Этот опыт доминировал всю мою жизнь. ... Начиная с этого времени, я очень сильно ощущал радикальную противоположность, существующую между повседневной жизнью, проживаемой полубессознательно, когда нами руководят автоматические рефлексy и привычки и мы не осознаём своё существование вообще и своё существование в мире, с одной стороны, и исключительными состояниями, в которых мы живём интенсивно и осознаём своё бытие в мире, с другой» [1, с. 25–26].

Приведённые иллюстрации, как и другие описания событий экзистенциального опыта, свидетельствуют о спонтанности переживаний экзистенциального опыта, возникающих зачастую без всяких внешних оснований. Именно эти события Ясперс и называл «пробуждением к экзистенции».

События экзистенциального опыта являются наиболее сильным проявлением «авторства» человека по отношению к собственной жизни, его «жизнетворчества».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизненные события в отечественной психологии, в соответствии с традицией, заложенной С. Л. Рубинштейном, рассматриваются как «узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути» [18, с. 248]. Их значение в жизненной истории человека определено потенциалом изменений, которым события наделены. Решающим, однако, становится то, «какой отклик во внутреннем мире личности» это событие находит.

Традиционно жизненные события в психологической литературе описываются по нескольким основаниям, наиболее употребительными из которых являются локализация событий по сферам жизни человека (например, относящиеся к сфере профессиональной жизни, семейных и межличностных

отношений и т. д.) или её временным координатам (события прошлого, настоящего или будущего). Отвечая частным исследовательским задачам, подобные типологии, однако, неизбежно нарушают целостность событийного ряда жизни человека, разделяя её на отдельные сферы или временные периоды.

Более сущностным в понимании природы жизненных событий человека, на наш взгляд, является их рассмотрение с точки зрения «авторства» человека по отношению к собственной жизни, которое определяется степенью активного участия человека в жизненных ситуациях, его включённостью в них, что и превращает обыденные ситуации реальности в событие. В этом процессе соединяются объективные обстоятельства и их осмысление, переживание человеком, придающее этим обстоятельствам статус события его жизни.

Событием в жизни человека становятся те жизненные ситуации и тот жизненный опыт, которым он сам придаёт статус события в силу значимости происходящего. С точки зрения «вклада личности» в происходящее жизненные события могут относиться к изменениям жизненной ситуации, вызванным внешними событиями, к изменениям жизненного пространства в результате личностного выбора самого человека и к его экзистенциальному опыту. Каждая из этих категорий жизненных событий отличается степенью «авторства» человека по отношению к ним, тем, насколько его «личный вклад» переводит происходящее из разряда привычной рутины повседневности в событийный ряд его жизненной истории.

Более обоснованный ответ на вопрос о факторах, определяющих восприятие тех или иных ситуаций индивидом, требует дальнейшей разработки данной темы. Задача описания взаимодействия человека с окружающим миром неизбежно поднимает вопрос о восприятии реальности как в её масштабном понимании, так и на уровне реагирования на отдельные ситуации. В психологии накоплен обширный эмпирический материал, описывающий жизненные стратегии, стратегии реагирования на разные типы ситуаций, копинг-стратегии и т. д., которые традиционно соотносятся с личностными особенностями человека; интерес к данному типу исследований сохраняется и в современной литературе [см., например, 22]. Вместе с тем становится очевидным, что способы взаимодействия человека с окружающим миром, «задающие», в том числе событийный ряд его жизни, связаны с его целостной природой, не могут быть сведены к отдельным личностным характеристикам и требуют поиска интегральных понятий, описания стилевых особенностей поведения человека [5].

Не обладая полным авторским правом по отношению к этому миру, мы, тем не менее, обладаем авторской свободой отношения к тем или иным обстоятельствам. Особенно ярко это проявляется в нашем экзистенциальном опыте, когда обычный жизненный опыт, вне всякой связи с внешними обстоятельствами, может перерастать свои рамки и переходить в бытийный пласт жизни. Мы способны вычленять фрагменты повседневности, проживая их экзистенциальные смыслы и тем самым наделяя свою жизнь событийностью.

Особый интерес в этой связи вызывают индивидуальные вариации степени событийности жизни – количество событий, включаемых человеком в описание собственной жизни.

Имеющиеся в литературе данные не совпадают с представлениями здравого смысла, в соответствии с которыми можно было бы ожидать прямой корреляции количества жизненных событий с возрастом человека. Отсутствие этой прямой связи объясняется тем, что большинство событий, упоминаемых людьми в описаниях своей жизни, приходится на более молодой возраст; с другой стороны, возможно, в более старших возрастах происходит более строгий отбор событий, включаемых людьми в свои жизненные истории. Однако, в одном из исследований, посвящённых жизненным сценариям, нами были получены и некоторые данные, свидетельствующие о наличии связи количества упоминаемых человеком событий с личностными особенностями, в частности, с высокими значениями показателя жизнестойкости, ценностей самостоятельности и стремления к новизне, с позитивной оценкой настоящего и позитивной установкой к будущему. Лица с более объёмным жизненным сценарием (с точки зрения количества включаемых в него событий) отмечают более высокую удовлетворённость своей жизненной ситуацией и более высоко оценивают свою способность влиять на течение собственной жизни.

Несмотря на предварительный характер этих данных, ограниченных относительно небольшим числом участников исследования, они заслуживают внимания. Прежде всего, это относится к связи между субъективно оцениваемой событийностью своей жизни и способностью оказывать на неё влияние, фактически означающей осознание человеком авторства по отношению к собственной жизни. В силу этого показатель событийности жизни может выступать в качестве значимой характеристики личности, что может стать предметом отдельных исследований.

Если вернуться к высказыванию Пригожина о неравновесных системах, то можно предположить, что по мере усиления динамизма систем современной жизни, в которые включён человек, вероятность возникновения новых событий в его жизни будет увеличиваться. Современный мир требует от человека гибкости реагирования на изменения, способности действовать в условиях неопределённости, принимать решения в необычных ситуациях – того, что в современной литературе обозначается как «повседневная креативность». Креативность представляет собой процесс, в результате которого создаётся нечто новое. В этом смысле креативность – через новизну – способна порождать событийность. При этом в описание повседневной креативности включается и фактор давления среды, стимулирующей креативность [20, р. 5].

В экзистенциальном смысле жизнь человека есть преобразование всеобщего бытия в индивидуальное, персонализированное бытие. Сегодня жизнь побуждает нас быть креативными – готовыми к изменениям соб-

ственной жизни и новым событиям в ней. Наполнить собственную жизнь событиями, придающими ей ценность и смысл, это и есть цель нашего «жизнетворчества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Философия как способ жить / пер. с франц. В. А. Воробьевой. СПб., 2005. 288 с.
2. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009. 320 с.
3. Алюшева А. Р. Культурная детерминация структуры автобиографической памяти : дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 192 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология: векторы новой парадигмы // Психологические исследования. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2020)
5. Битюцкая Е. В., Базаров Т. Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 94–106.
6. Гришина Н. В. Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.
7. Гришина Н. В. Процессуальный подход в психологии личности // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 117–153.
8. Гришина Н. В. Психологические проблемы восприятия ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2001. Вып. 2. № 14. С. 94–102.
9. Гришина Н. В. Экзистенциальная психология. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. 494 с.
10. Гусельцева М. С. Субкультуры: культурно-психологические трансформации современности в свете методологии латентных изменений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 229–242.
11. Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / под ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2020. 532 с.
12. Козлова Ю. В., Гришина Н. В. «Изменяющаяся личность в изменяющемся мире» – дискурсивные представления и представления обыденного сознания: сравнительный анализ // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 185–220.
13. Костромина С. Н. Процессуальный подход в психологии // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 55–83.
14. Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Психология выбора. М., 2015. 464 с.
15. Муртазина И. Р. Психологические факторы жизненного выбора в ситуации принятия решения о переезде в другой город: на примере поступления в иногородний вуз : дис. ... канд. психол. наук. СПбГУ, 2017. 241 с.

16. Нуркова В. В., Днестровская М. В., Михайлова К. С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2020).
17. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–54.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1989. 328 с.
19. Хорошилов Д. А., Машков Д. С. Метод обоснованной теории как инструмент психологического картографирования социальных ситуаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. Вып. 1. С. 18–32.
20. Everyday Creativity and New Views of Human Nature. Psychological, Social and Spiritual Perspectives / ed. R. Richards; foreword M. Csikszentmihalyi. Washington, 2009. 349 p.
21. The Context in Social Psychology: A Critical Assessment. London: Academic Press, 1972. 438 p.
22. Sidwell A. Psychological Hardiness and Self-Leadership: Leading Yourself to Effective Stress Coping // International Journal of Existential Positive Psychology. 2019. Vol. 8. Issue 1. URL: <http://journal.existentialpsychology.org/index.php/ExPsy/article/view/240/279> (дата обращения: 28.09.2020).
23. Social Cognition / ed. by J. Forgas. London: Academic Press, 1981. 281 p.
24. The Context of Social Psychology. A critical assessment / ed. by H. Tajfel, J. Israel. New York; London, 1972. 438 p.

REFERENCES

1. Hadot P. La philosophie comme mode de vie (Russ. ed.: Vorob'eva V. A., transl. *Filosofiya kak sposob zhit'*. St. Petersburg, 2005. 288 p.).
2. Alexandrov Yu. I., Alexandrova N. L. *Sub'ektivnyi opyt, kul'tura i sotsial'nye predstavleniya* [Subjective experience, culture and social representations]. Moscow, IP RAS Publishing house, 2009. 320 p.
3. Alysheva A. R. *Kul'turnaya determinatsiya struktury avtobiograficheskoi pamyati: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Cultural determination of the structure of autobiographical memory : PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2016. 192 c.
4. Andreeva G. M. [Social psychology: vectors of a new paradigm]. In: *Psichologicheskiye issledovaniya* [Psychological research], 2009, no. 1 (3). Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 28.09.2020).
5. Bityutskaya E. V., Bazarov T. Yu. [Features of perception of life events by people with different preferred styles of reaction to changes]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2019, no. 3, pp. 94–106.
6. Grishina N. V. [The problem of context conceptualization in modern psychology]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2018, vol. 9, no 3, pp. 10–20.
7. Grishina N. V. [Processual approach in personality psychology]. In: Grishina N. V., ed. *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Psychology of personality: Being in change]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2019, pp. 117–153.

8. Grishina N. V. [Psychological problems of perception of situations]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Series 6], 2001, iss. 2, no. 14, pp. 94–102.
9. Grishina N. V. *Ekzistentsial'naya psikhologiya* [Existential psychology]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University, 2018. 494 p.
10. Guseltseva M. S. [Cultural and psychological transformations of modernity in the light of the methodology of latent changes: subcultures]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Psychology], 2019, vol. 9, iss. 3, pp. 229–242.
11. Grishina N. V., Kostromina S. N., ed. *Zhiznennoe prostranstvo v psikhologii: teoriya i fenomenologiya* [Life space in psychology: theory and phenomenology]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg State University press, 2020. 532 p.
12. Kozlova Y. V., Grishina N. V. ["Changing personality in a changing world" – the discursive representations and the representations of ordinary consciousness: a comparative analysis]. In: Grishina N. V., ed. *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Psychology of personality: Being in change]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University press, 2019, pp. 185–220.
13. Kostromina S. N. [Processual approach in psychology]. In: Grishina N. V., ed. *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Psychology of personality: Being in change]. St. Petersburg: publishing house of St. Petersburg University press, 2019, pp. 55–83.
14. Leontiev D. A., Ovchinnikova E. Yu., Rasskazova E. I., Fam A. H. *Psikhologiya vybora* [Psychology of choice]. M., 2015. 464 p.
15. Murtazina I. R. *Psikhologicheskie faktory zhiznennogo vybora v situatsii primyatiya resheniya o pereезде v drugoi gorod: na primere postupleniya v inogorodnii vuz : dis. ... kand. psikh. nauk.* [Psychological factors of life choice in the situation of making a decision to move to another city: the example of admission to a nonresident university : PhD thesis in Psychological sciences]. St. Petersburg State University, 2017. 241 p.
16. Nurkova V. V., Dnestrovskaya M. V., Mikhailova K. S. [Cultural life scenario as a dynamic semantic structure of (re) organization of individual life experience]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2012, vol. 5, no. 25. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 28.09.2020)
17. Prigogine I. [Philosophy of instability]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1991, no. 6, pp. 46–54.
18. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii: v 2 t. T. II.* [Fundamentals of general psychology : in 2 vol. Vol. II]. Moscow, 1989. 328 p.
19. Khoroshilov D. A., Mashkov D. S. [Method of grounded theory as a tool for psychological mapping of social situations]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Psychology], 2020, vol. 10, iss. 1, pp. 18–32.
20. Richards R. ed., Csikszentmihalyi M., foreword. *Everyday Creativity and New Views of Human Nature. Psychological, Social and Spiritual Perspectives.* Washington, 2009. 349 p.
21. *The Context in Social Psychology: A Critical Assessment.* London: Academic Press, 1972. 438 p.

22. Sidwell A. Psychological Hardiness and Self-Leadership: Leading Yourself to Effective Stress Coping. In: *International Journal of Existential Positive Psychology*, 2019, vol. 8, iss. 1. Available at: <http://journal.existentialpsychology.org/index.php/ExPsy/article/view/240/279> (accessed: 28.09.2020).
23. Forgas J., ed. *Social Cognition*. London, Academic Press, 1981. 281 p.
24. Tajfel H., Israel J., eds. *The Context of Social Psychology. A critical assessment*. New York; London, 1972. 438 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.10.2020

Статья размещена на сайте: 28.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гришина Наталья Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

Nataliya V. Grishina – Dr. Sci. (Psychology), Professor, Department of Personality Psychology, Saint-Petersburg State University; e-mail: n.v.grishina@spbu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Гришина Н. В. Жизненное событие: сила обстоятельств и авторство личности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Grishina N. V. Life event: force of circumstances and authorship of personality. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9.01

Знаков В. В.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13/1, Российская Федерация

ПОНИМАНИЕ НЕВОЗМОЖНЫХ СОБЫТИЙ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Постановка и анализ новой психологической проблемы – понимания субъектом событий, которые можно характеризовать как невозможные.

Процедура и методы. Проблема решается с позиций психологии возможного. Правомерность её постановки обосновывается указанием на существующие в психологической науке немногочисленные исследования невозможного Я, альтернативных жизненных историй, потребности в трансцендентном, противоречащем реальному. Невозможное анализируется как неотъемлемый компонент экзистенциального опыта субъекта, понимающего мир.

Результаты. Осуществлена классификация категориальных признаков обсуждаемого феномена и выделены пять значений категории «невозможное». Значения зависят как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта: противоречие между логически допустимым и физически недопустимым; «беспричинность» события; неправдоподобие; неизвестное как невозможное; бессмысленность «ситуаций невозможности».

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье понимание невозможных событий и ситуаций анализируется с точки зрения новой области психологических исследований – психологии возможного. Её развитие необходимо для совершенствования способов перебора альтернатив в искусственном интеллекте, психологического исследования вариантов жизни и других областей человеческого бытия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

понимание, детерминация, возможное, правдоподобное, невозможное

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 19-013-00032 «Психология понимания: от когнитивных исследований к герменевтическому анализу и психологии человеческого бытия».

СТРУКТУРА

Введение

Психологические исследования невозможного

Пять типов невозможных событий

Заключение

V. Znakov

Russian Academy of Sciences

13, ul. Yaroslavskaya, Moscow 129366, Russian Federation

UNDERSTANDING OF THE IMPOSSIBLE EVENTS AS A PROBLEM OF PSYCHOLOGY OF HUMAN BEING

ABSTRACT

Aim is to formulate and analyze a new psychological problem where the subject's understanding of events that can be characterized as impossible.

Methodology. The problem is solved with use of the psychology of the possible. The relevance of this problem is proved by the few studies of the impossible I, alternative life stories, the need for the transcendental, which contradict to everything real, which already exist in psychological science. The impossible is analyzed as an integral component of the existential experience of the subject who understands the world.

Results. The classification of categorical features of the discussed phenomenon has been carried out and five meanings of the "impossible" category have been identified. The meanings depend both on objective circumstances and on the knowledge and expectations of the knowing subject: the contradiction between the logically permissible and the physically unacceptable; "causelessness" of the event; implausibility; the unknown as impossible; meaninglessness of "situations of impossibility".

Research implications. In the article analyzes the understanding of impossible events and situations from the point of view of a new area of psychological research - the psychology of the possible. Its development is necessary to improve the methods of enumerating alternatives in artificial intelligence, the psychological study of life options and other areas of human existence.

KEYWORDS

understanding, determination, possible, plausible, impossible

ACKNOWLEDGMENTS

The research was funded by RFBR, project number 19-013-00032 "Psychology of Understanding: From the Cognitive Research towards Hermeneutic Analysis and Psychology of Human Being".

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития психологической науки в качестве основных единиц психики обычно рассматриваются интегративные образования, основанные на трансформации структур индивидуального опыта человека. В психологии человеческого бытия события и ситуации рассматриваются именно как интегративные единицы [9]. Одна из их отличительных особенностей заключается в смысловой насыщенности и ценностной значимости для субъекта. Другая характеристика событий и ситуаций как единиц

анализа в психологии человеческого бытия связана с невозможностью их описания с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становится для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологическое событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта [8, с. 203, 204].

Центральной проблемой психологии человеческого бытия является понимание, основанное в большинстве случаев на разных фокусах внимания, углах зрения на событие и потому неодинаковое у общающихся людей. Из плюрализма мнений, множественности интерпретаций следует, например, нередкое и даже закономерное расхождение реальных событий и вербальных фактов в средствах массовой информации [12]. Сообщения СМИ – это всегда уже проинтерпретированные факты, а не какие-то якобы первичные данные о том, «как всё произошло на самом деле». Несколько очевидцев наблюдали событие под разными углами зрения, поэтому неудивительно, что они и описывают его неодинаковыми способами. Результатом оказывается не единообразие, а множественность описаний произошедшего. «Таким образом, реальное событие, отображаясь в медиатексте, теряет свойство континуальности и приобретает признак дискретности. Аудитория воспринимает только одну “грань” события, актуализированную в данном журналистском тексте (с определённой оценкой, коннотацией, эмоциональной характеристикой), иные аспекты, оказываясь за “границей” текста, выпадают из поля зрения реципиентов» [12, с. 116]. Более радикальная точка зрения отражена в известном и весьма распространённом суждении: «в политике реальность никому не нужна; главное то, что кажется реальностью доверчивым массам (а эту “кажущуюся реальность” творят СМИ)» [8, с. 32].

Множественность возможных интерпретаций побуждает психологов обратиться к анализу соотношения действительного и возможного, а также его семантического антипода – невозможного. Сегодня это особенно актуально в контексте психологии возможного – нового перспективного направления исследований. В ней психология понимания человеком мира исследуется как такая интерпретация действительного, которая потенциально содержит в себе прогнозирование возможного. Диапазон рассматриваемых проблем включает два крайних полюса континуума «осознаваемое – неосознаваемое», на которых осуществляются когнитивная и экзистенциальная интерпретация психологического содержания личности. Когнитивный полюс интерпретации представляет собой решение познавательной задачи для получения новых знаний о личности. Экзистенциальная интерпретация направлена на анализ духовной составляющей личности как тайны. Между ними на шкале «сознательное – бессознательное» находится личностный кризис как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации [7].

Цель исследования – проанализировать семантические и психологические аспекты понимания субъектом событий, которые можно характеризовать как невозможные.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕВОЗМОЖНОГО

В современной психологии уже появились исследования, направленные на анализ невозможного как компонента человеческой психики. Их актуальность обусловлена тем, что в сознании современных людей возможное, допустимое по законам физического и социального миров, непротиворечиво уживается с невозможным – магией, верой в чудеса и т. п. Так происходит во всех странах. В просвещённом технологичном XX в. вера в колдовство, хиромантию, НЛО, лох-несское чудовище проявляется не в меньшей степени, чем в прошлые столетия. В нашем отечестве миллионы россиян верили в то, что А. М. Кашпировский способен излечивать физические недуги на расстоянии, А. В. Чумак тоже удалённым способом может заряжать воду, наделяя её целебными свойствами, и т. п. У их адептов, воспринимающих такие «чудеса», дифференциация между воображаемым и действительным не абсолютна, граница между ними весьма неустойчива. Во время просмотра телепередач невозможные объекты и события пересекают границу и внедряются в сферу обыденной действительности. Результаты психологических исследований дают основание «предположить, что вера в неперманентность существования и вера в реальность необычных явлений представляют собой ветви одного дерева – наличия в психике современного человека особой потребности, которую мы называли “потребностью в необычном” или “потребностью в трансцендентном”. Для удовлетворения этой потребности индивид стремится не просто к чему-то новому, а именно к необычному, нарушающему основы современной научной картины мира, выходящему за рамки возможного. Можно думать также, что неудовлетворённость этой потребности в современных рационализированных культурах лежит в основе повышенного интереса современного человека к сказкам, мифам, фантастическим произведениям, исследованиям необычных явлений и всему тому, что удовлетворяет “трансцендентальный голод”» [15, с. 390].

Мир, в котором мы живём, развивается по определённым законам, согласно которым объективно существует не только возможное, но и невозможное: человек не может свободно проходить сквозь каменную стену, предметы не могут сами перемещаться в пространстве без внешних воздействий и т. п. «Возникает вопрос, какую роль подобные “невозможные” феномены могут играть в обыденной жизни человека. Используя термины гештальтпсихологии, можно предположить, что их наиболее очевидная функция состоит в создании “фона”. Действительно, характеризуя невозможные феномены как “ложные”, человек всё же нуждается в них, поскольку они составляют оппозицию тому, что он считает истинным. Таким образом, если

возможные феномены рассматривать как “фигуру”, то невозможные займут положение “фона”. Помимо того, что невозможные феномены постоянно воспроизводятся воображением, они культивируются в альтернативных, необыденных реальностях, таких, как: цирк (институт “цирковых волшебников” и фокусников), сновидения, визуальная и виртуальная реальности» [15, с. 361]. Невозможные феномены, помимо роли «фона», выполняют и другие функции в жизни субъекта. «В тех ситуациях, в которых рациональное мышление неприменимо или неэффективно, современный человек может прибегать к магическим манипуляциям с целью взять под контроль свои страхи и переживания (например, при мысли о возможности собственной гибели или гибели близких). Эта защитная, терапевтическая роль невозможных феноменов, будучи иллюзорной, тем не менее, значима в жизни индивида» [15, с. 368]. Нерациональные и бесполезные с когнитивной точки зрения невозможные феномены оказываются психологически полезными в эмоциональной сфере понимающего мир субъекта.

В наши дни уже типичными становятся исследования невозможного «Я» как неотъемлемого составляющего личности. В человеческом бытии существуют ситуации, когда возможности субъекта переживаются им самим как «невозможности». В них актуализируется невозможное «Я» как проявление значимого возможного «Я», которое испытывает влияние руминации – непреодолимой привычки всё переосмысливать: повторяющиеся переживания, совершённые ошибки, пережитые обиды и т. п. В эмпирическом исследовании выявлены связи невозможного «Я» с высоким уровнем нейротизма, негативизма, а также выраженной тенденцией к самообвинению [6].

Невозможное как один из психологических механизмов формирования и развития личности отчётливо проявляется в исследованиях альтернативных жизненных историй. Некоторые нереализованные шансы, альтернативные варианты развития событий не смогли воплотиться в жизнь, но они сохраняются в психике субъекта, его подсознании. Они отражают хотя и неосознаваемый, но возможный жизненный сценарий, основанный на непринятой, отвергнутой человеком смысловой картине мира [1]. Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор – это своего рода развилка, пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своём прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию – в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке “перегиба” и связана с переломным событием жизни, которое нарушает не-

прерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер, эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует её» [2, с. 267–268].

ПЯТЬ ТИПОВ НЕВОЗМОЖНЫХ СОБЫТИЙ

Прежде чем анализировать понимание невозможных событий, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки обсуждаемого феномена. В современной научной литературе представлены по меньшей мере пять значений категории «невозможное», зависящих как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта.

1. Невозможность – это существующее у субъекта противоречие между логически допустимым (не противоречащим законам логики) и физической недопустимостью практической реализации действия (противоречием законам природы). В частности, невозможно привезти из леса на легковом автомобиле большую новогоднюю ель высотой 50 метров.

Применительно к естественным наукам продуктивную попытку классификации невозможных событий и процессов предпринял американский физик М. Каку. Он выделил три типа невозможного. К первой категории относятся технологии, сегодня пока ещё невозможные, но не нарушающие известные науке законы природы (телепортация, двигатели на антивеществе, телепатия, телекинез). Вторая категория включает невозможности другого типа: это технологии, лишь недавно возникшие в научных представлениях о физическом мире. Если они вообще возможны, их реализация может растянуться на тысячи или даже миллионы лет (машины времени, возможность гиперпространственных путешествий и путешествия сквозь кротовые норы). Последнюю категорию американский физик называет невозможностями третьего типа: «Это технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Удивительно, но невозможных технологий этого типа оказалось очень мало. И если когда-нибудь окажется, что они тоже возможны, это будет означать фундаментальный сдвиг в наших представлениях о физике» [10, с. 21–22]. К этой категории невозможного относятся вечный двигатель и предвидение будущего.

Из классификации М. Каку следует, что люди характеризуют что-то как невозможное либо по причине недостаточности современных знаний и отсутствия соответствующих навыков, либо вследствие внутренних свойств самого объекта познания. Вот как об этой взаимосвязи человеческого разума и противостоящего ему мира писал Н. Н. Талеб: «Сейчас мы попробуем разобраться в том, что не принято афишировать: в структурных ограничениях нашей воз-

возможности предсказывать. Эти ограничения накладываются не человеческой природой, а природой самой этой деятельности – слишком сложной не только для нас, но и для любых инструментов, которые есть или когда-либо окажутся в нашем распоряжении. Отдельные Чёрные лебеди вечно будут неуловимы, значит, удач в прогнозировании нам не ждать» [16, с. 275–276].

2. Как невозможные человек понимает и воспринимает «беспричинные» события – те, единственную причину возникновения которых определить нет никакой возможности. Следовательно, такие события невозможно предсказать. Между тем их немало, и они значимы для человечества. К ним относятся Первая мировая война, Великая депрессия в США 1929–1933 гг., распад СССР и др. В XXI в. высокоразвитая наука и медицинские технологии не помогли учёным предсказать возникновение пандемии COVID-19. Все эти события до их наступления оценивались людьми как невозможные. Н. Н. Талеб называет такое невозможное событие Чёрным лебедем, обладающим тремя характеристиками: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [16, с. 14]. Обобщающим утверждением автора служит положение о том, что миром движет аномальное, неизвестное, неправдоподобное, невозможное с точки зрения наших нынешних знаний. При этом он приводит весомые аргументы против связи причин и следствий, которые свидетельствуют о том, что у каждого события может быть бесконечное число возможных причин [16, с. 30, 100].

Основная причина определения некоторых событий и ситуаций как невозможных заключается в принципиальной невозможности их предсказания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания учёным ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека [7, с. 168]. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать: «Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудрённого неведения, о котором говорил ещё Н. Кузанский [11]. Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

В мире человека принципиально невозможно определить причины или последствия многих событий и ситуаций. Например, мэр мегаполиса ни при каких условиях не может знать, где именно может прорвать трубу, а руково-

дители спецслужб – обо всех готовящихся терактах. Примеры подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы [7, с. 171]. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причём это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в принципе неопределённости В. Гейзенберга.

Пониманию субъектом невозможных событий препятствуют трудности, испытываемые им при объединении элементов в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но всё-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание – это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта [7, с. 173]. А когда мы имеем дело с невозможным, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений – они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом.

С точки зрения методологии современной науки возникновение невозможных событий неудивительно, потому что в течение XX в. кардинально изменились научные представления о детерминизме. Многое из того, что раньше считалось случайным, теперь анализируется учёными как вполне закономерное. В классической науке научная рациональность рассуждений учёных была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня, после работ И. Пригожина, М. Н. Эпштейна и других учёных, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют как минимум два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть, другие – возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть [13; 14; 19]. Заметим, что законы первого типа проявляются прежде всего в эмпирической реальности, а второго – в социокультурной и, особенно, в экзистенциальной реальностях.

В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена: «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведён до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» [13, с. 97]. В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. В социокультурной реальности лапласовский жёсткий детерминизм, напротив, мешает пониманию событий. Для обоснования этого тезиса приведём пространную цитату из работы крупного философа и по-

литического теоретика Х. Арендт: «То, что несоответствие между “причиной и следствием” достигло таких размеров, что в конце концов стало комичным, стало одним из отличительных признаков современной истории и политики – и, между прочим, одной из основных причин того, почему для современных историков и идеологов так соблазнительны представления об объективной причинности или суеверная вера в необходимость, будь то необходимость гибели или спасения. Однако некоторое несоответствие между объективными элементами и свободным действием людей, с одной стороны, и событием – с его величественной необратимостью, оригинальностью и избытком смыслов – с другой, присутствует всегда и пронизывает всю человеческую реальность. Это также причина того, почему мы не знаем ни одного исторического события, которое не зависело бы от огромного числа совпадений или для которого мы не могли бы представить одну или несколько альтернатив. Необходимость, из которой сознательно или бессознательно исходит вся каузальная историография, не существует в истории. Что реально существует, так это необратимость самих событий, пронзительная эффективность которых в сфере политического действия означает не то, что отдельные элементы прошлого получили свою окончательную, определенную форму, а что родилось нечто неотвратимо новое» [3, с. 532].

Невозможность применимости лапласовского детерминизма применительно к событиям обусловлена, в частности, тем, что они принадлежат одновременно и прошлому, и будущему. Любое событие означает конец какого-то промежутка человеческой истории, истоками которого стали компоненты, элементы произошедшего. Однако будущее развитие события ни в коем случае не сводится к составляющим его элементам. Причины события потому нельзя вывести, только обратившись к его истокам, что в социокультурной реальности любое развитие выходит за пределы наличного. Событие как будущее определяется мотивами, стремлениями, действиями людей – всем тем, что Х. Арендт называет сферой человеческой свободы.

Наряду с «беспричинностью» нужно иметь в виду, что в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всём мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он (она) стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его (её) даже не знали и о нем (ней) не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача – запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение [8, с. 423].

3. Невозможное часто отождествляется с неправдоподобным. В науке появление невозможного может служить индикатором кризисного состояния принимаемой сообществом учёных парадигмы: при увеличении не соот-

ветствующих ей, неправдоподобных, маловероятных данных возникает вопрос о её переосмыслении. Более общий контекст понимания невозможного как неправдоподобного нетрудно найти в истории человечества. Как известно, она полна не только несбывшихся прогнозов, но и, наоборот, реализации того, что незаурядные умы считали невозможным. Лорд Кельвин говорил, что летательные аппараты (самолёты) тяжелее воздуха и никогда не взлетят. «Он считал рентгеновские лучи обманом и был уверен, что у радио нет будущего. Лорд Резерфорд, открывший атомное ядро, отрицал возможность создания атомной бомбы и сравнивал любые попытки такого рода с “погоней за солнечным зайчиком”» [10, с. 15]. Подобных примеров множество, и они порождают необходимость отличения невероятного, неправдоподобного от действительно невозможного.

Трудности понимания некоторых событий и ситуаций человеческого бытия также связаны с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью [8, с. 424]. Показательный пример есть в книге В. А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскрёбы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать её в качестве “как бы реальности” и помещена туда, где раньше находилась реальность без “как бы”» [18, с. 22].

4. Нередко невозможным считается неизвестное: «У невозможности тоже эпистемический аналог — неизвестность, непознаваемость, непостижимость, немыслимость, непредставимость, недопустимость. Если незнание — это отсутствие знания, то непознаваемость, немыслимость и другие синонимы этого модального ряда указывают на принципиальную невозможность знания, то, что описывается философски как агностицизм» [19, с. 207]. На первых этапах решения творческих задач неизвестное часто кажется субъекту невозможным. Хороший пример содержится в статье о деятельностном потенциале категории «незнание» [17]. Преподаватель обсуждает со студентами проблему устойчивости небоскрёба, построенного с большим углом наклона: «Падающая башня Абу-Даби – футуристический небоскрёб в столице

Объединённых Арабских Эмиратов. Это уникальный небоскрёб, примыкающий к Национальному выставочному центру. Ещё на этапе строительства небоскрёб был внесён в Книгу рекордов Гиннеса как здание с самым большим наклоном в мире. Здание имеет статус «наиболее сложного архитектурного и инженерного проекта». При значительном смещении вертикальной оси здание обладает высокой устойчивостью и безопасностью, а его гибкая волнообразная форма помогает создать необходимое затенение» [17, с. 80]. Наклон здания значительно больше, чем у знаменитой Пизанской башни в Италии – 18°, а не 4°, как в Пизе. Затем в статье приводится суждение профессионала: «Инженер по конструкциям Мона Васингх, описывая работу над проектом Capital Gate, говорит: «Когда я увидела проект, подумала, что его невозможно построить! Архитекторам нарисовать здание проще, чем нам воплотить его в реальность. Это на грани возможного. Без озарения здесь не обойтись»» [18, с. 81–82]. И такая реакция – не редкость, неизвестное во многих областях кажется нам невозможным.

5. В психологии невозможным часто называют то, что не имеет смысла, для чего его трудно найти. В теориях В. Франкла и Ф. Е. Василюка потеря смысла жизни переживается субъектом как такое невозможное, которое нужно преодолеть. В частности, «переживание есть особая деятельность, назначение которой состоит в преодолении ситуаций «невозможности», в восстановлении или порождении осмысленности жизни» [5, с. 466]. В экзистенциальной реальности в таком психическом состоянии человек оказывается во время кризисной ситуации – невозможности жить, реализовать внутреннюю необходимость своей жизни. Напомню, что Ф. Е. Василюк понимал критические ситуации именно как внутреннее состояние невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. При этом типам состояний невозможности и реализуемости многих ситуаций соответствуют свои типы состояний возможности [4]. Невозможность проявляется не только в кризисе: экзистенциально невозможным является желание человека стать, к примеру, директором института, противоречащее его реальным знаниям, умениям и навыкам. Другой пример – нереализуемое ни сейчас, ни в обозримом будущем желание субъекта стать обладателем очень дорогого автомобиля Ferrari.

Исследование психологических характеристик невозможного для экзистенциальной реальности является актуальной научной проблемой. Изучая её, учёные имеют дело не с массовыми явлениями, а с настолько маловероятными, неправдоподобными событиями, что они кажутся невозможными (в приведённом выше эпизоде из книги В. А. Шкуратова человек видел горящие небоскребы, но неправдоподобность увиденного мешала ему признать происходящее реальностью). Неправдоподобность событий препятствует адекватному осмыслению, порождению их смысла. После событий 11 сентября 2001 г. потребность многих американцев в совладании с их психологически-

ми последствиями привела к появлению большого числа теорий заговора, большинство из которых по своей сути иррациональны: «Теория заговора всегда является иррациональной из-за нарушенной доказательной базы. Согласно теории познания, подобные объяснения могут складываться из-за параноидального выражения бессилия в ситуации, когда факты и их логика становятся психологически непонятными и невыносимыми. Теоретик заговора пытается сохранить последние остатки убедительности своих объяснений, видя, что кто-то относится к нему неуважительно, хотя они не должны были относиться так. “Они” хотят причинить нам вред – и это тоже важный секрет. При этом довольно неясно, кто такие “они”» [20, р. 124]. Убеждения теоретиков заговоров являются до крайности неправдоподобными: согласно одной из них, американцы изначально умнее и лучше арабов. Арабы не могли незаметно спланировать теракт и взорвать башни, значит, это сделало американское правительство: «События 11 сентября слишком значимы, и их сложно понять, используя наши повседневные модели понимания. Таким образом, это было невозможное событие. Масштабы разрушений, очевидно, были понятны и хорошо задокументированы. Тем не менее, люди не могли поверить в эти факты. Подобный когнитивный диссонанс был достаточно болезненным, и чтобы его преодолеть, необходимы некоторые механизмы снижения тревоги» [20, р. 127–128].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Постановка проблемы понимания невозможных событий и ситуаций обусловлена развитием новой области психологических исследований – психологии возможного. В ней возможное интерпретируется как анализ альтернатив, потенциально или реально присутствующих в ситуациях человеческого бытия. Задача психолога – изучить, как, по каким основаниям субъект выбирает одни варианты возможных ходов, варианты жизни и т. п. и отвергает другие.

2. Как возможное, так и невозможное представляют собой неочевидное, скрытое, латентное, психологический анализ которого очень актуален для современного научного познания. Исследование названных феноменов должно основываться на таком переосмыслении детерминации психического, согласно которому случайное следует рассматривать как закономерное проявление научной картины мира.

3. Невозможное является неотъемлемой частью экзистенциального опыта понимающего мир субъекта. Актуальная задача психологических исследований – определить, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня невозможно понять мир без анализа такого мысленного структурирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян М. О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. № 11 (61). URL: <http://psystudy.ru/index.php/nim/2018v11n61/1619-avanesyan61> (дата обращения: 21.04.2019).
2. Аванесян М. О. Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. С. 283–282.
3. Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм / пер. с англ. Е. Бондал, А. Васильевой, А. Григорьева, С. Моисеева. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 712 с.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Издательство Московского университета, 1984. 200 с.
5. Василюк Ф. Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: дис. ... докт. психол. наук. М., 2007. 560 с.
6. Гришутина М. М., Костенко В. Ю. Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструкторов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 268–279.
7. Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Издательство Института психологии РАН, 2020. 257 с.
8. Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Издательство Института психологии РАН, 2016. 488 с.
9. Знаков В. В., Рябикина З. И. Психология человеческого бытия. М.: Смысл, 2017. 416 с.
10. Каку М. Физика невозможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 586 с.
11. Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИ-ФИ, 2000. 248 с.
12. Мохирева С. В. Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 114–117.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант: к решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994. 272 с.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2014. 304 с.
15. Субботский Е. В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007. 423 с.
16. Талей Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2016. 736 с.
17. Чарикова И. Н., Каргапольцев С. М., Лихненко Е. В. Деятельностный потенциал категории «незнание» в эпистемологическом пространстве образовательной парадигмы // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 1. С. 77–86.
18. Шкуратов В. А. От Манхеттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: САМИКП-СНЦ РАН, 2002. 102 с.
19. Эпштейн М. Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
20. Airaksinen T. Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11 // Homo Economicus. 2009. №. 1. P. 123–141.

REFERENCES

1. Avanesyan M.O. [Alternative Autobiographical History as a Component of the Possible "I"]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 2018, № 11 (61). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61> (accessed: 21.04.2019).
2. Avanesyan M. O. [Possible Selves: On the Way from the Past to the Future]. In: Grishina N. V., ed. *Psikhologiya lichnosti: Prebyvanie v izmenenii* [Personality Psychology: Being in Change]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2019, pp. 283–282.
3. Arendt H. *Essays in Understanding, 1930–1954: Formation, Exile, and Totalitarianism* (Russ. ed.: Bondal E., Vasil'eva A., Grigor'ev A., Moiseev S. *Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2018. 712 p.).
4. Vasilyuk F. E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kri-ticheskikh situatsij)* [Psychology of Experience (Analysis of Overcoming Critical Situations)]. Moscow, Moscow University Publ., 1984. 200 p.
5. Vasilyuk F. E. *Ponimayushchaya psikhoterapiya kak psikhotehnicheskaya sistema: dis. ... dokt. psikh. nauk* [Understanding Psychotherapy as a Psychotechnical System : PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2007. 560 p.
6. Grishutina M. M., Kostenko V. Yu. [Possible and Impossible "I": Clarification of Constructs]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 268–279.
7. Znakov V. V. *Psikhologiya vozmoznogo: Novoe napravlenie issledovaniy ponimaniya* [Psychology of the Possible: A New Direction of Research on Understanding]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. 257 p.
8. Znakov V. V. *Psihologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 488 p.
9. Znakov V. V., Ryabikina Z. I. *Psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Psychology of human existence]. Moscow, Smysl Publ., 2017. 416 p.
10. Kaku M. *Fizika nevozmoznogo* [Physics of the impossible]. Moscow, Alpina non-fikshn Publ., 2019. 586 p.
11. Kuzanskij N. *Ob uchenom neznanii. O predpolozheniyakh* [About scientific Ignorance. About Assumptions]. Sretensk, Interfaith Center for Historical and Philosophical Research Publ., 2000. 248 p.
12. Mokhireva S. V. [Real Event and Verbal Fact in the Texts of the Russian media]. In: *Zhurnalistskij ezhegodnik* [Journalist Yearbook], 2012, no. 1, pp. 114–117.
13. Prigozhin I., Stengers I. *Vremya, khaos, kvant: k resheniyu paradoksa vremeni* [Time, Chaos, Quantum: To the Solving of the Time's Paradox]. Moscow, Progress Publ., 1994. 272 p.
14. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy* [Orderliness from Chaos: The New Dialog between Human and Nature]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 304 p.
15. Subbotsky E. V. *Stroyasheesya soznanie* [Consciousness under Construction]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 423 p.

16. Taleb N. N. *Chernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability]. Moscow, Ko-Libri, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 736 p.
17. Charikova I. N., Kargapolczev S. M., Likhnenko E. V. [Active Potential of the category of "Ignorance" in the Epistemological Space of the Educational Paradigm]. In: *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2019, vol. 28, no. 11, pp. 77–86.
18. Shkuratov V. A. *Ot Mankhettena do «Nord-Osta». Psihologiya mass-media, politika posle 11 sentyabrya 2001 goda* [From Manhattan to "Nord-Ost". Psychology of Mass Media, Politics after 11st September 2001]. Samara, Samara Federal Research Center RAS Publ., 2002. 102 p.
19. Epshtejn M. N. *Filosofiya vozmozhnogo. Modalnosti v myshlenii i culture* [Philosophy of the Possible. Modality in Mind and Culture]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2001. 334 p.
20. Airaksinen T. Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11. In: *Homo Economicus*, 2009, no. 1, pp. 123–141.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.08.2020

Статья размещена на сайте: 08.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Знаков Виктор Владимирович – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН; e-mail: znakov50@yandex.ru

Viktor V. Znakov – Dr. Sci (Psychology), Senior Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: znakov50@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Знаков В. В. Понимание невозможных событий как проблема психологии человеческого бытия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Znakov V. V. Understanding of the Impossible Events as a Problem of Psychology of Human Being. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.923

Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А.

Костромской государственный университет

156000, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17, Российская Федерация

ИЗЪЯТИЕ РЕБЁНКА КАК КРИЗИСНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Описание результатов эмпирического исследования специфики совладания дисфункциональной (алкогольной) семьи с кризисом, связанным с изъятием ребёнка и временным помещением его в реабилитационный центр.

Процедура и методы. В статье проанализированы стратегии совладающего поведения матерей и детей из алкогольных семей в связи с особенностями переживания кризиса и спецификой семейных взаимоотношений. При проведении исследования применены эмпирические методы (беседа, опрос, проективный рисунок), методы статистического анализа и интерпретации результатов.

Результаты. Показано сходство реагирования матерей и детей в кризисной ситуации: отсутствие адекватных действий, преобладание эмоционально-ориентированных способов поведения, самообвинение и агрессия. Зафиксированы связи совладающего поведения с такими особенностями семейного воспитания, как воспитательная неуверенность, чрезмерность требований, предпочтение детских качеств в ребёнке.

Практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в обоснование практики помощи дисфункциональной семье, находящейся в кризисе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

дисфункциональная (алкогольная) семья, жизненное событие, кризисное событие, совладающее поведение, детско-родительские отношения

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № FZEW-2020-0005.

СТРУКТУРА

Введение

Организация исследования

Результаты исследования и их обсуждение

Выводы

S. Khazova, M. Saporovskaya, O. Kudryashova

Kostroma State University

17, ul. Dzerzhinskogo, Kostroma 156000, Russian Federation

REMOVAL OF A CHILD AS A CRISIS EVENT IN THE LIFE OF AN ALCOHOLIC FAMILY AND COPING WITH IT

ABSTRACT

Aim. To describe the specifics of coping with an alcoholic family crisis caused by the removal of a child from the family and temporary placement in a rehabilitation center.

Methodology. The article analyzes strategies of coping behavior of mothers and children from alcoholic families in connection with the peculiarities of going through the crisis and the specifics of family relationships. The research uses empirical methods (conversation, survey, projective drawing), methods of statistical analysis and interpretation of results.

Results. The article shows the similarity of the response of mothers and children in a crisis: the lack of adequate actions, the predominance of emotionally-oriented behavior, self-blame and aggression. Connections of coping behavior with predominance of uncertainty in the ways to bring up children, excessive demands, preference for childish qualities in the child are noticed in the mother-child relations.

Research implications. The results of the study contribute to the improving the practice of helping families in crisis.

KEYWORDS

alcoholic family, life event, crisis event, coping behavior, child-parent relations

ACKNOWLEDGMENTS

The work was performed within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. FZEW-2020-0005.

ВВЕДЕНИЕ

Событийно-биографический подход, позволяющий описать уникальность жизненного пути личности, в последнее время всё чаще применяется и в исследованиях семьи. Это позволяет сместить акцент анализа с жизненного цикла семьи и нормативных этапов её функционирования на события жизненного пути семьи, прежде всего на ненормативные кризисы, семейные стрессы и их преодоление. В данном контексте одним из наиболее перспективных направлений изучения семьи является исследование семейного стресса и семейного совладания как особого сочетания зависящих друг от друга индивидуальных копингов членов семьи [6, с. 2]. Именно в рамках этого направления создаются условия для понимания тех процессов жиз-

недеятельности семьи, которые либо обеспечивают её жизнеспособность и конструктивное развитие, либо, наоборот, ведут к её кризису и распаду.

Стресс является важной частью жизни человека и группы, при этом его роль неоднозначна в диапазоне от «созидания» до «разрушения». Он может обеспечить мобилизацию имеющихся ресурсов и поиск новых для решения жизненной задачи, может стать «пусковым механизмом» актуализации латентного (неочевидного, скрытого) нарушения в семье. В случае его чрезмерной силы и продолжительности стресс способен привести к утрате здоровья, благополучия и целостности семьи [11, с. 3; 6, с. 10].

Одним из стрессоров в жизни семьи выступает жизненное событие, которое оказывает значимое влияние на дальнейшую жизнь и судьбу семьи в целом и её членов (появление / уход члена семьи, переезд, существенное изменение условий жизни). Обобщая ключевые идеи событийного подхода, в котором событие – это «узловой момент и поворотный этап жизненного пути», «когда ... на более или менее длительный срок определяется дальнейший жизненный путь человека» [10, с. 684], можно говорить о таких характеристиках события, как временная и пространственная локализация, наличие существенных (внешних или внутренних) изменений в жизни и личности (Ш. Бюлер, Е. Ю. Коржова, Н. А. Логинова), «судьбоносность» (С. Л. Рубинштейн), «значимость» для субъекта (Б. Г. Ананьев), личностный смысл события, связь с переживанием, субъективной оценкой (С. Л. Рубинштейн, В. И. Слепкова). Наконец, роль событий определяется во многом позицией человека по отношению к ним – «позицией жертвы» или «позицией борца» [7, с. 161], тем самым событию придаётся экзистенциальный смысл [3, с. 90]. Несмотря на то, что события могут быть положительными, большинство авторов рассматривают негативные события, влияющие на адаптивные возможности человека и связанные с нарушением психического / соматического здоровья [1, с. 118].

По мнению В. И. Слепковой, значимое событие жизненного пути семьи – это событие, которое вносит качественное изменение в функционирование семьи, при этом масштаб изменений позволяет определять важность событий для семьи в целом и для отдельных её членов. Как указывает автор, значимость событий может быть связана с интенсивностью эмоциональных переживаний, их влиянием на физическое и психическое здоровье членов семьи [12, с. 33]. Таким событием является ненормативный семейный кризис, изменяющий семейную структуру, способы взаимодействия внутри семьи и семьи с социальным окружением, когда семья сталкивается с новыми задачами, а прежние модели поведения становятся неэффективными и неприемлемыми. Такой кризис не связан с определённым этапом жизненного цикла семьи, характеризуется неожиданностью возникновения, а его преодоление зависит во многом от консолидированных усилий членов семьи [12, с. 34].

В контексте изучения ненормативных кризисов особый интерес представляет дисфункциональная, в частности алкогольная, семья. В алкогольной семье одновременно представлено два сильных стрессогенных фактора: зависимость как химическая аддикция и созависимость членов семьи как поведенческая аддикция. С одной стороны, это приводит к развитию хронического семейного стресса, характеризующегося постоянным психологическим давлением, чрезмерной нервно-психической нагрузкой, напряжением, тревожностью, лживостью в отношениях, фрустрацией базовых потребностей в безопасности [8, с. 290–300; 15, р. 227; 19, р. 490; 17, р. 472; 18, р. 50]. В результате запускаются механизмы защитного и совладающего поведения членов семьи. С другой стороны, в алкогольной семье помимо хронического стресса присутствует значительное количество ненормативных кризисов, в том числе в качестве такого кризиса, поворотного события можно рассматривать временное изъятие ребёнка из алкогольной семьи и его нахождение в центре социальной реабилитации для несовершеннолетних. Семья получает альтернативные возможности – либо распад семьи, лишение родителей родительских прав и изъятие детей из семьи; либо отказ от прежнего образа жизни, изменение установок и ценностей, поиск ресурсов для совладания со стрессорами и, как результат усилий, воссоединение семьи [4, с. 69–70; 10, с. 3].

Исход данной ситуации зависит от того, какую субъективную оценку дают ей родители (матери главным образом), как они её воспринимают. В своём исследовании Т. В. Гущина выделяет три типа переживания и реагирования матерей на ситуацию изъятия ребёнка из семьи: 1) высокий уровень стресса, нежелание расставаться с ребёнком при переживании собственного бессилия, невозможности изменить сложившуюся ситуацию, бездействие, смирение; 2) высокий уровень стресса при непродуктивных попытках изменить ситуацию, «срыв», переживание безысходности, смирение, адаптация; 3) высокий уровень стресса при попытках активного совладания, реальное изменение ситуации [2, с. 14].

Наши более ранние исследования показали, что существует явная специфика защитного и совладающего поведения девиантных матерей и их детей, ещё более усугубляющая их стрессовые нагрузки, не позволяющая им разрешить кризисную ситуацию. Так, матери испытывают трудности в понимании своих переживаний в контексте данной ситуации. Чувство вины и стыда, обострённая ответственность перед ребёнком и социальным окружением приводят к тому, что женщины протестуют, говорят о желании вернуть ребёнка, но реальных действий не предпринимают [2, с. 22]. Механизмы психологической защиты преобладают над копингом, что позволяет адаптироваться к травмирующей ситуации, но не даёт возможности её конструктивно изменить. Совладающее поведение представлено на уровне ситуативно используемых стратегий проблемно-

ориентированного и эмоционально-ориентированного (самообвинение и отказ от чувств) копинга, при этом редко используются стратегии реального активного действия. В целом такое защитно-совладающее поведение делает взрослых женщин беспомощными и бессильными изменить жизненные обстоятельства. Дети девиантных матерей, как и дети из нормально функционирующих семей, больше всего привязаны к матери и выбирают её в качестве объекта привязанности. Ядром защитного поведения детей выступает механизм компенсации, позволяющий переключить внимание ребёнка с оценок и анализа травмирующего опыта отношений с матерью на другие события [5, с. 83–85].

Однако для понимания возможностей выхода семьи из кризиса и более точного прогнозирования возможного исхода развития событий в данной ситуации изучения индивидуального копинга детей и взрослых явно недостаточно. В современных исследованиях показано, что совладание всегда сочетает в себе индивидуальные усилия и социальные отношения [16, р. 647; 6, с. 11]. С одной стороны, детско-родительские отношения являются детерминантой совладающего поведения детей и родителей, с другой, специфика совладания способна оказать влияние на качество отношений между родителями и детьми.

В данном предметном поле возникает ряд **проблемных вопросов**, требующих решения, а именно: какова специфика совладающего поведения родителей и детей из алкогольных семей в ситуации системного кризиса, связанного с изъятием ребёнка из семьи? Как совладающее поведение в алкогольной семье связано с качеством детско-родительских отношений?

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

База исследования: ОГБУ «Макарьевский Комплексный Центр Социального Обслуживания Населения» Костромской области.

Выборку исследования составили тридцать семей, в которых матери употребляют алкоголь: 30 матерей в возрасте от 24 до 48 лет ($M=35,4$) и 34 ребёнка в возрасте от 6 до 15 лет ($M=8,1$). На момент исследования официально трудоустроены 8 человек (27%), 5 женщин – торговые работники, одна – менеджер, остальные имеют рабочие профессии (продавец, контролёр-кассир, хозяйка усадьбы, маляр). Официально не трудоустроены (или не работают) 22 человека (73%). Матери отрицают собственный алкоголизм, равнодушно относятся к медицинской и психологической помощи, официально диагноз «алкоголизм» не поставлен. В 22 семьях алкоголь принимают оба родителя от одного года до семи лет. Большинство семей (53%) имеют одного ребёнка, 40% – это семьи с двоими детьми, 2 семьи (7%) – многодетные. Образовательный статус матерей различный: среднее образование имеют около 43% женщин, среднее специальное – 23%, высшее – 7%. Восемь матерей (27%) закончили только девять классов.

Семьи исследовались во время травматического для семьи события – изъятия ребёнка из семьи, что рассматривалось нами как объективный показатель кризиса семейной системы.

Методический комплекс:

1. Рисунок семьи использовался с целью определения семейных позиций и «Я-концепции» испытуемого [13, с. 119–127]. Критериями анализа являлись: цвет, размер изображения, расположение фигур на листе и относительно друг друга, наличие на рисунке члена семьи, очерёдность рисования, признаки эмоционального отношения (агрессия, страх), штриховка и нажим.

2. «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис, 1999) представляет собой опросник для родителей и позволяет определить основные особенности (нарушения) процесса воспитания в семье [14, с. 600–610]. К ним относятся: уровень протекции в процессе воспитания, степень удовлетворения потребностей ребёнка, количество и качество требований / запретов / санкций к ребёнку в семье, неустойчивость стиля воспитания, психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счёт ребёнка, а также типы воспитания, определяющиеся сочетанием различных отклонений в воспитании, – потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, эмоциональное отвержение, жестокое обращение родителей с детьми, гипопротекция (гипоопека). Опросник применялся в двух формах: для родителей детей дошкольного и младшего школьного возраста (1) и для родителей подростков (2).

3. Опросник способов совладания, авторы Р. Лазарус, С. Фолкман (1988), адаптирован Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой (2004), предназначен для диагностики восьми стратегий совладающего поведения: конфронтативный копинг, дистанцирование как когнитивное отдаление от ситуации, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, положительная переоценка, бегство / избегание [5, с. 37–43].

4. Опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях (КПСС) Н. Эндлер и Дж. Паркер (1990) в адаптации Т. Л. Крюковой (2004), который диагностирует стили копинг-поведения как устойчивые паттерны: проблемно-ориентированный, эмоционально-ориентированный копинг, копинг, ориентированный на избегание, социальное отвлечение и отвлечение [5, с. 44–47].

5. Опросник копинг-стратегий для детей школьного возраста И. М. Никольской, Р. М. Грановской (2000) [9, с. 260].

Статистическая обработка проводилась с использованием дескриптивной статистики, непараметрического критерия Манна-Уитни (U), метода ранговой корреляции r - Спирмена.

1. Особенности переживания кризисного события и совладающее поведение детей и родителей в алкогольных семьях

На первом этапе нами изучалось эмоциональное отношение матерей и детей к актуальному событию (временное помещение ребёнка в реабилитационный центр) и стратегии совладающего поведения в данной ситуации.

Абсолютное большинство матерей воспринимало изъятие ребёнка как неожиданное событие, влекущее за собой изменение привычного образа жизни, привычных отношений и возрастание напряжения. В связи с помещением ребёнка в реабилитационный центр 69% матерей говорили о тревоге за ребёнка, однако беспокоились не о его эмоциональном состоянии, а о формальных аспектах: обучении, питании и т. д. 60% матерей говорили о чувстве вины, а также о переживании стыда перед другими; данное событие расценивалось женщинами как угроза их статусу, что свидетельствует о социальной несамостоятельности и конформности женщин. При этом данная ситуация у 54% матерей вызывала конфронтацию с проблемой, раздражение и агрессию по отношению к органам опеки, которые в данном случае воспринимались как виновники ситуации. В ответах матерей просматривается амбивалентное отношение к себе как матери (69%): с одной стороны, они характеризовали себя как строгих и авторитетных родителей, с другой стороны, их ответы свидетельствовали о воспитательной неуверенности, непоследовательности, низкой самооценке и о неудовлетворённости ролью матери. Эти данные подтверждают наличие мифического, искажённого представления о себе в роли матери у женщин, употребляющих алкоголь, которое не соответствует реальности [2, с. 14]. Необходимо также отметить, что кризисное событие обычно выполняет побудительную, мотивирующую функцию для активных действий, однако в описываемом случае приблизительно треть матерей декларировали желание вернуть ребёнка, но реальных шагов для этого не предпринимали, а 30%, испытывая негативные чувства, не оценивали ситуацию как кризисную и с лёгкостью отдавали детей.

Нами анализировались способы копинга, при помощи которых респонденты справляются с данным кризисным событием. Респонденты заполняли специальную форму, в которой в качестве трудной ситуации была задана ситуация кризиса и изъятия ребёнка из семьи. Наиболее выраженной является стратегия бегства / избегания решения проблемы (рис. 1), проявляющаяся в надежде на чудо, на то, что всё само собой как-то разрешится, фантазировании, а также в улучшении самочувствия едой, выпивкой, лекарствами.

¹ Представленные результаты были получены О. А. Кудряшовой в рамках подготовки магистерской диссертации, выполненной под руководством С. А. Хазовой: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. 86 с.

Данная стратегия сочетается с планированием решения проблемы, которое, однако, не переходит в реальные действия, высоким самоконтролем и конфронтативным копингом. Менее всего матери принимают на себя ответственность за происходящее.

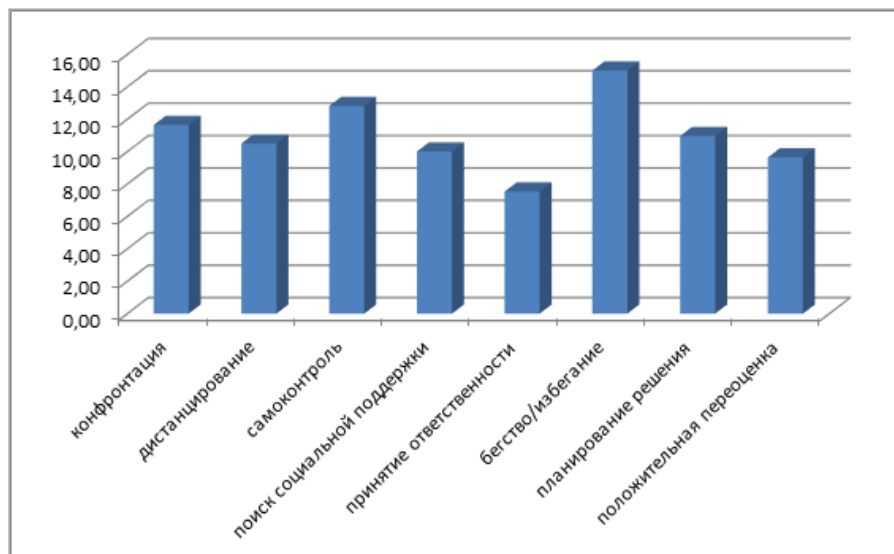

Рис. 1 / Fig. 1. Выраженность стратегий совладающего поведения / The ranking of coping strategies

Эти данные подтверждаются и анализом стилей совладания (рис. 2). Несмотря на то, что результаты находятся в области средних значений, по шкале проблемно-ориентированного копинга наблюдается некоторое снижение показателей, в то время как выраженность эмоционально-ориентированного совладания оказывается выше, т. е. вместо реальных когнитивных или поведенческих действий женщина обвиняет себя, погружается в свои страдания, испытывает напряжение и раздражение, фиксируется, «застревает» на переживаниях. Это обусловлено образом жизни в алкогольной семье: привычкой не решать проблем, а уходить от них, чаще всего, в алкоголь. Такое сочетание способов поведения зафиксировано и в других дисфункциональных семьях: трудности преодолеваются не за счёт собственных реальных усилий, а за счёт неадекватного эмоционально-ориентированного копинга [11, с. 3; 17, р. 475; 18, р. 50].

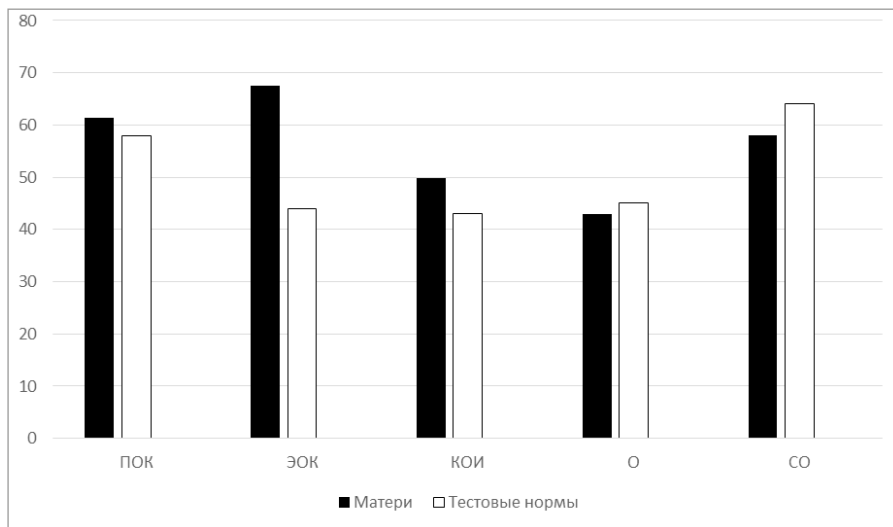

Рис. 2 / Fig. 2. Стили совладающего поведения: дескриптивная статистика / Coping styles: descriptive statistics

Примечание: ПОК – проблемно-ориентированный копинг, ЭОК – эмоционально-ориентированный копинг, КОИ – копинг, ориентированный на избегание, О – отвлечение, СО – социальное отвлечение

Дети переживают данную ситуацию достаточно остро. Характеризуя ситуацию, дети (около 56%) говорили об обиде на мать, испытывали гнев и агрессию. Исследование совладающего поведения детей показало, что чаще всего дети стараются остаться в одиночестве, избегать общения со взрослыми и сверстниками, от которых переживания тщательно скрываются («остаюсь сам по себе, один», 60%); дети гуляют (55%), смотрят телевизор или слушают музыку (70%), мечтают (68%), замыкаются в себе («говорю сам с собой», 10%). Ярко выражены и эмоционально-ориентированные стратегии, особенно у младших школьников и дошкольников (приводится в терминах опросника [9, с. 260]: «кусаю ногти и ломаю суставы пальцев» – 30%, «воплю и кричу» – 30%, «схожу с ума» – 66%, «бью, ломаю и швыряю» – 42%, «плачу, грущу» – 54%), что свидетельствует о высоком напряжении и низком самоконтроле испытуемых. Часто дети винят себя в происходящем, либо, наоборот, особенно в более старшем возрасте, вся ответственность за последствия снимается с себя и возлагается на родителей («мне все равно», «пусть сами (родители) разбираются»).

Таким образом, можно говорить о том, что дети в данной ситуации замыкаются, реагируют эмоционально, снимают внутреннее напряжение через яркое внешнее выражение эмоций, в том числе агрессию, могут демонстрировать протестное поведение либо апатию и равнодушие. В целом прослеживается сходство реагирования матерей и детей в данной ситуации: отсут-

ствие адекватных действий, преобладание эмоционально-ориентированных способов поведения, самообвинение и агрессия.

2. Исследование детско-родительских отношений в алкогольных семьях и их связи со стратегиями совладания

На втором этапе исследования нами изучалась специфика детско-родительских отношений. Анализ рисунков семьи и материалов беседы в процессе проведения рисунка позволил выявить специфику внутрисемейных отношений, прежде всего отношения матери к ребёнку и ребёнка к матери. Несмотря на то, что участие матерей в исследовании было добровольным и в данной ситуации они были ориентированы на сотрудничество со специалистами, надеясь изменить ситуацию, проведение рисуночной методики было осложнено нежеланием испытуемых рисовать, ссылками на неумение рисовать вообще, негативными реакциями в процессе проведения. Одна из возможных причин – это страх самоанализа. При этом следует отметить, что большинство испытуемых (50%) ощущали неуверенность во время исследования (несколько раз перерисовывали себя и членов семей), что, по нашему мнению, свидетельствует о сложности и неопределённости самовосприятия и восприятия других членов семьи респондентом. 2% детей также проявили равнодушие к предложенным заданиям, 30% первоначально отказались рисовать, даже проявили агрессию, но при повторной просьбе выразили согласие.

Как видно из таблицы 1, в рисунках женщин преобладают тёмные тона, фигуры находятся на значительном удалении, развёрнуты друг от друга, контакт между ними отсутствует, что может свидетельствовать об актуальной ситуации кризиса. Кроме того, в рисунках проявляется важная характеристика отношений – отсутствие теплоты, эмоциональности и недостаток телесного контакта. Особенности рисунков позволяют говорить о «размытости» собственного «Я», отсутствии самоидентификации. Прежде всего это отражено в местоположении женщины по отношению к мужчине на рисунках. Муж часто занимает положение посередине листа и изображён внушительных размеров, себя женщина рисует вдаль, детей – маленькими фигурками. 20% женщин не нарисовали себя. На 25% рисунков отсутствует ребёнок, в 70% случаев его фигура имеет непропорционально маленький размер. Данный факт говорит о зависимости женщин от пьющих мужей, о собственной эгоцентрической позиции, типичной для самого зависимого, при этом ребёнок оказывается «брошенным» и «забытым». О негативных эмоциях и агрессии свидетельствуют сильный нажим, штриховка и специфические детали (клыки, раны, оскал).

Анализ рисунков детей (табл. 1) позволяет говорить о сниженной социальной компетентности и искажённом самовосприятии. Стоит отметить, что у 80% процентов детей страх является постоянным чувством, что прежде всего выражается в изображении вместо отца или матери злоупотребляющих алкоголем «звероподобных» людей, преобладании тёмных красок в изображениях. 30% нарисовали себя «крохотными» фигурками, вдаль от мамы и

Таблица 1 / Table 1

Анализ значимых признаков в проективной методике «Рисунок семьи» /
Analysis of important characteristics in a projective technique «Picture of the family»

Признак	Процент выборки (матери)	Процент выборки (дети)	Пример
Цвет	10	13	Фиолетовый
	30	38	Черный
	20	19	Серый
	20	6	Коричневый
	10	12	Красный
	10	12	Оранжевый
Размер персонажей, изображающих детей / родителей	30	44	Большой
	70	56	маленький
Размер персонажа, изображающего себя	60	37	Большой
	40	62	маленький
Расположение фигур относительно друг друга	70	69	Большая дистанция
	30	31	Маленькая дистанция
Расположение фигур, изображающих детей / родителей, на листе	20	19	Центр
	40	44	Верхняя половина
	20	19	Нижняя половина
	20	19	Угол
Расположение фигуры, изображающей себя, на листе	50	44	Центр
	20	19	Верхняя половина
	20	25	Нижняя половина
	10	12	Угол
Присутствие респондента	80	44	Присутствие
	20	56	Отсутствие
Наличие или отсутствие других членов семьи	60	68	Присутствие
	40	31	Отсутствие
Физический контакт персонажей рисунка	30	44	Есть
	70	56	нет
Очередность рисования персонажей	50	37	Первым себя
	10	37	Первым ребенка /мать
	40	25	Первым мужа /отца
Штриховка или сильный нажим линии	70	87	Есть
	30	12	Нет
Агрессия персонажей	20	37	Клыки, зубы, когти
	10	6	Шерсть
	10	6	Кровь, раны
	40	25	Оскал
	20	19	Иные проявления
Желание или отказ от контакта с членами семьи	10	56	Протянутые руки
	40	19	Поворот от членов семьи
	20	6	Взгляд на членов семьи
	30	19	Отсутствие контакта глаз

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 69–70, 74–75.

папы, что подчёркивает неуверенность, заниженную самооценку; 20% изображают себя «нечётко», контуры «размыты», что свидетельствует о такой черте детей из алкогольных семей, как размытость, нечёткость границ «Я».

Обобщив характеристики рисунков респондентов, можно заметить, что во многих из них образ себя искажён: имеет маленький размер, образ человека заменён образом животного или вообще отсутствует. Родители изображены непропорционально большими, с несуществующими в реальности деталями. Это говорит о сложности восприятия членов семьи и самовосприятия. Большинство детей из алкогольных семей отражают в рисунках агрессивную позицию родителей и собственную подчинённую позицию. Часто используется тёмный цвет, что свидетельствует о наличии депрессивных тенденций.

Таким образом, на рисунках как родителей, так и детей отсутствует чувство общности, сплочённости и поддержки: семья воспринимается как источник негативных эмоций (рис. 3).

О., 37 лет

П., 7 лет

Рис. 3 / Fig. 3. Примеры рисунков матерей и детей на тему «Моя семья» / Examples of drawings by mothers and children on the theme "My family"

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 71, 79.

Проиллюстрируем особенности семейных отношений на основе анализа случаев².

Пример 1. О., жен., 37 лет. *Семья О. полная, алкогольная. Ребёнок один, 6 лет. Проживает в собственном доме. Ребёнок имеет собственную комнату. Санитарное состояние квартиры хорошее, уборка проводится регулярно, имеется вся необходимая мебель. Оба родителя работают. Спиртными напитками злоупотребляет мать. Психологическая обстановка в семье неустойчивая, напряжённая, часто возникают конфликтные ситуации.*

² Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 71, 79.

Женщина нарисовала всех членов семьи. Все члены семьи не имеют ступней и изображены в наклонной позе, что может означать неустойчивое, шаткое положение, отсутствие опоры. Муж стоит спиной к жене и ребенку, жена спиной к мужу, что является показателем разрозненности и одиночества каждого члена семьи. Руки ребенка раскрыты, что, вероятно, говорит о готовности к общению. Однако руки матери скрещены, поза закрытая, и хотя фигура развернута в сторону ребенка это можно трактовать как отсутствие теплого отношения к дочери. Линии небрежны, что говорит о пренебрежительном отношении к своей семье.

При проведении исследования О. отказывалась, ругалась, несколько раз перерисовывала рисунок.

Пример 2. П., 7 лет, мальчик. Семья П. полная, алкогольная, состоит из трех человек. Проживают в многоквартирном доме, в двухкомнатной квартире, без удобств, с печным отоплением. Оба родителя злоупотребляют спиртными напитками на протяжении 5 лет. Уборка в квартире не производится, комната ребенка захламлена грязным бельем и пустыми бутылками. Родители безработные. Это влияет на отношения семьи, порождая конфликтные ситуации. Ребенок не всегда одет в соответствующую сезону одежду. Отец деспотичен, часто наказывает сына. Мать занимает пассивную позицию в семье. Родители не контролируют выполнение сыном домашних заданий.

Папа П. выпивает, отец изображён «разъяренным», рот его открыт, он кричит и во рту у него вместо зубов клыки. Рядом с папой никого нет, ни мальчика, ни других членов семьи. Зато П. нарисовал клубок серого цвета. Мальчик объясняет, что он нужен для того, чтобы закрыть папе рот, чтобы он не кричал, что свидетельствует одновременно о страхе и агрессивных проявлениях сына по отношению к отцу. У П. проблемы с социализацией и психологической адаптацией. В школьном коллективе П. является «изгоем»: с ним отказываются дружить и даже просто общаться. Мальчик часто вступает в конфликты с одноклассниками: обзывается, кусается, дерется. Таким образом, мальчик копирует поведение отца и пользуется такими же защитными реакциями.

Анализ особенностей семейного воспитания позволяет говорить о его специфических характеристиках, что, в свою очередь, свидетельствует о невыполнении или специфическом выполнении семьёй и матерями воспитательной функции (табл. 2). Так, обращает на себя внимание тот факт, что все показатели семейных взаимоотношений находятся ниже диагностических³, за исключением чрезмерности / недостаточности требований / запретов, что свидетельствует об отсутствии чётких правил, ограничений и «рамочек» для ребёнка либо об излишнем ограничении свободы и самостоятельности ребёнка. Полученные результаты, вероятно, можно объяснить, во-первых, значительным разбросом значений в выборке. Кроме того, предполагается, что баллы по дихотомическим шкалам имеют противоположные значения. Однако в нашей выборке

³ Диагностические показатели указаны авторами методики как критические, отклонение от которых свидетельствует о проблемах взаимодействия в семье.

Таблица 2 / Table 2

Показатели семейных взаимоотношений: дескриптивная статистика /
Features of family relations: descriptive statistics

	Среднее	Минимум	Максимум	Стд. откл	Диагност. число
Г+ гиперпротекция	5,58	1,00	7,00	2,10	7
Г- гипопротекция	6,75	5,00	10,00	1,75	8
У+ потворствование	4,77	1,00	9,00	2,20	8
У- игнорирование потребностей ребенка	3,11	1,00	4,00	1,20	4
Т+ чрезмерность требований (обязанностей)	2,77	0,00	5,00	1,35	4
Т- недостаточность требований, обязанностей	2,74	0,00	5,00	1,58	4
З+ чрезмерность требований (доминирование)	3,65	0,00	5,00	2,01	4
З- недостаточность требований-запретов к ребенку	3,09	0,00	5,00	1,49	3
С+ чрезмерность санкций	3,26	1,00	5,00	1,45	4
С- минимальность санкций	2,84	1,00	5,00	1,34	4
Н – неустойчивость стиля воспитания	3,60	2,00	5,00	1,42	5
РРЧ – расширение сферы родительских чувств	3,93	0,00	8,00	2,53	6
ПДК – предпочтение детских качеств	3,29	1,00	5,00	1,33	4
ВН – воспитательная неуверенность родителей	2,56	0,00	5,00	1,47	5
ФУ – фобия утраты ребенка	3,45	0,00	9,00	2,85	6
НРЧ – неразвитость родительских чувств	5,24	2,00	9,00	2,13	7
ПНК – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	3,44	0,000	5,00	1,48	4
ВК – вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	2,09	0,00	4,00	1,57	4
ПЖК – предпочтение женских качеств	2,69	0,00	5,00	1,90	4
ПМК – предпочтение мужских качеств	1,87	0,00	5,00	2,07	4

Источник: Кудряшова О. А. Детско-родительские отношения и совладающее поведение в алкогольных семьях: маг. дис. Кострома, 2016. С. 55–56, 60.

результаты противоречивы: 89% матерей потворствуют потребностям ребёнка (У+), но одновременно демонстрируют их игнорирование (У- также имеет низкую выраженность). Представляется, что это может быть объяснено незрелостью материнской позиции и отсутствием родительской рефлексии. Являясь зависимыми и созависимыми одновременно, они сосредоточены на своих потребностях и потребностях мужей-алкоголиков, игнорируя потребности ребёнка. Далее, это может быть связано как с неустойчивостью стиля воспитания, которого придерживаются родители в алкогольных семьях, так и с социальной желательностью ответов: находясь под угрозой изъятия ребёнка из семьи и под пристальным вниманием специалистов, испытывая чувство вины, женщины стремятся играть роль «хорошей матери, правильно воспитывающей детей». Однако их усилия кратковременны и не приводят к результату.

Ещё одним важным фактом является наличие различий в выраженности вариантов воспитания по отношению к младшим детям и подросткам (рис. 4, приведены только значимые различия). Так, по отношению к младшим чаще проявляются игнорирование потребностей ребёнка ($U=145,0, p \leq 0,05$), недостаточность требований и недостаточность обязанностей ребёнка в семье ($U=135,0, p \leq 0,05$), чрезмерность требований-запретов ($U=142,0, p \leq 0,05$), предпочтение детских качеств ($U=119,5, p \leq 0,01$) и проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств ($U=145,0, p \leq 0,05$). Выраженной является и гиперпротекция ($U=119,5, p \leq 0,01$), в то время как по отношению к ребёнку-подростку преобладает гипопротекция, при которой ребёнок как бы «выпадает из виду» ($U=124,0, p \leq 0,01$).

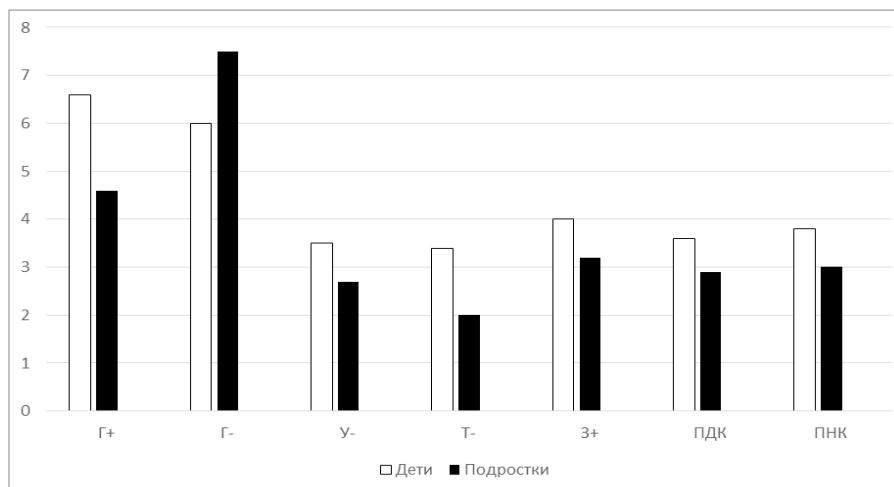

Рис. 4 / Fig. 4. Особенности семейного воспитания (с учётом возраста ребёнка) / Features of family education (taking into account the age of the child)

Примечания: Г+ гиперпротекция, Г- гипопротекция, У- игнорирование потребностей ребёнка, Т- недостаточность требований, обязанностей, З+ чрезмерность требований (доминирование), ПДК – предпочтение детских качеств, ПНК – проекция на ребёнка собственных нежелательных качеств.

Кроме того, независимо от возраста ребёнка можно говорить о таком типе воспитания, как эмоциональное отвержение по отношению к детям, проявляющееся в низкой протекции, низком удовлетворении потребностей ребёнка, невысоком количестве обязанностей ребёнка. При этом количество требований (обязанностей) ребёнка, запретов и санкций может быть как низким, так и высоким. Интересно, что потребности подростка учитываются чаще, чем его младшего сиблинга, но при этом на него возлагается больше обязанностей. Эмоциональное отвержение ребёнка в 40% случаев (50% по отношению к дошкольнику и младшему школьнику) сочетается с жестоким обращением, 84% родителей демонстрируют чрезмерность запретов по отношению к младшим детям. В подростковом возрасте в 60% случаев можно говорить о безнадзорности ребёнка.

Анализируя специфику связей стилей и стратегий совладающего поведения матерей и особенностей семейного воспитания, необходимо отметить следующие факты. Во-первых, с воспитательной неуверенностью родителей положительно коррелирует стратегия поиска социальной поддержки ($r=0,472$, $p\leq 0,035$), но отрицательно – проблемно-ориентированный стиль совладания ($r=-0,568$, $p\leq 0,008$) и стратегия самоконтроля ($r=-0,467$, $p\leq 0,037$). Эти связи представляются логичными: действительно, уверенность в своей материнской позиции позволяет совершать более активные действия, ориентированные на поиск выхода из кризисной ситуации, а также лучше контролировать своё поведение и эмоции; в то же время неуверенность заставляет больше рассчитывать на помощь со стороны, в том числе на профессиональную поддержку.

Во-вторых, чрезмерность требований / запретов (3+) отрицательно связана с проблемно-ориентированными усилиями ($r=-0,576$, $p\leq 0,007$), а чрезмерность санкций (С+) также отрицательно – с копингом, ориентированным на избегание ($r=-0,629$, $p\leq 0,002$). Подчеркнём, что в алкогольных семьях наряду с попустительством взаимоотношения характеризуются стремлением матери жёстко контролировать не только мужа-алкоголика, но и ребёнка, что создаёт непоследовательность в родительском поведении: с одной стороны, мать не избегает ситуации, но с другой, и не решает её, компенсируя реальные действия размышлениями, поисками причин происходящего и виноватых, застревая на этапе анализа в ущерб действиям. В этом же ключе может быть проанализирована связь неразвитости родительских чувств с повышением вероятности избегания решения проблемы ($r=0,539$, $p\leq 0,014$), когда отсутствие эмоциональной близости и любви к ребёнку обуславливает отсутствие усилий для изменения ситуации и равнодушное отношение к изъятию ребёнка.

ВЫВОДЫ

1. Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие обобщения. Ситуация изъятия ребёнка из семьи является, с одной стороны, ненормативным кризисным событием в жизни семьи, с другой стороны, проявлением более общего системного кризиса дисфункциональной

семьи. Эта ситуация переживается членами алкогольной семьи как травматическое, неожиданное событие, угрожающее иллюзорной безопасности, ведущее к резким и болезненным изменениям, является переломным жизненным событием.

2. Проявлением системного кризиса являются воспитательные отношения матери и детей. Отношение матерей-алкоголиков к детям противоречиво и амбивалентно. Нечувствительность и неспособность понимать психологические потребности ребёнка сочетаются с чрезмерной родительской опекой и сверхконтролем, основная цель которых – не безопасность и благополучие, а подчинение и послушание ребёнка. Снижение уровня родительской опеки до гипопротекции к подростковому возрасту оценивается матерями как нормативный процесс, признание взрослости ребенка – «он уже взрослый, самостоятельный». Видимая «включённость», формальное выполнение родительских функций создают у матерей когнитивную иллюзию относительной нормативности семьи. Данная иллюзия является причиной возникновения чувства несправедливости, «незаконности», необоснованности изъятия ребёнка из семьи.

3. Разрушение старой структуры семьи влечёт за собой необходимость смены направления дальнейшего развития, является важным периодом для преобразования и личностных трансформаций. Однако в алкогольных семьях для этого нет достаточных ресурсов. Важной проблемой здесь является «двойная» зависимость матерей – собственная (явная или скрытая) алкогольная зависимость и созависимость от мужа-алкоголика. Субъективный эффект «двойной» зависимости – переживание беспомощности, бессилия, невозможности изменить ситуацию, отчаяние, безысходность, вынужденное принятие распада семьи, адаптация.

4. Важным психологическим индикатором переживания данного жизненного события является специфика совладающего поведения членов алкогольных семей. Очень важной его общей характеристикой у взрослых и детей является отказ от собственных травматических чувств. У матерей это сочетается с аутоагрессией и самообвинением. А у детей это компенсируется стратегиями внешней агрессии, отвлечением, «уходом» в свой внутренний мир.

Таким образом, непродуктивное совладающее поведение само по себе становится психологической проблемой членов алкогольных семей, ведёт к распаду семьи и длительным травматическим последствиям как для детей, так и для взрослых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Битюцкая Е. В. Структура и динамика образа трудной жизненной ситуации // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 3. С. 116–130.
2. Гущина Т. В. Защитное и совладающее поведение в дисфункциональной семье в период кризиса: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2005. 28 с.

3. Зуев Д. А. Структура важного жизненного события как психологического феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки. 2012. № 2 (4). С. 85–90.
4. Исаченко П. В. Адаптация семейной системы к изъятию ребенка и специфика организации услуги для родителей, лишенных родительских прав // Работа с кровной семьей воспитанников учреждений для детей-сирот и профилактика социального сиротства. Опыт Смоленской и Вологодской областей: сборник статей / под ред. А. С. Омельченко. М., Смоленск: Благотворительный Фонд «Дети наши», 2017. С. 63–70.
5. Крюкова Т. Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: Авантитул, 2007. 61 с.
6. Куфтяк Е. В. Совладание и психологические защиты супругов в период динамических кризисов [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2014. Т. 6. № 1 (24). URL: http://www.mprj.ru/archiv_global/2014_1_24/nomer11.pdf (дата обращения: 28.09.2020). DOI: 10.24411/2219-8245-2014-00011.
7. Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 156–172.
8. Москаленко В. Д. Зависимость: семейная болезнь. М.: PERSE, 2006. 352 с.
9. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000. 507 с.
10. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 713 с.
11. Сапоровская М. В. Межпоколенный копинг в семье: социально-психологические механизмы и групповые эффекты // Психологические исследования: [сайт]. 2016. Т. 9. № 49. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.09.2020).
12. Слепкова В. И. Событийный подход к семейным кризисам // Ананьевские чтения-2008: Психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход: материалы научно-практической конференции / под ред. Л. А. Цветковой, Н. С. Хрустальной. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2008. С. 31–33.
13. Суркова Е. Г. Проективные методы диагностики. Психологическое консультирование детей и подростков. М.: Аспект Пресс, 2008. 321 с.
14. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2008. 672 с.
15. Ghorbani F. The alexithymia, emotion regulation, emotion regulation difficulties, positive and negative affects, suicidal risk in alcohol-dependent outpatients // Psychiatry Research. 2017. № 252. P. 223–230.
16. Hobfoll S. E., Wells J. D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles // Psychology of Women Quarterly. 1997. Vol. 21. № 4. P. 645–662.
17. Measuring Coping Among Family Members with Substance-Misusing Relatives: Testing Competing Factor Structures of the Coping Questionnaire (CQ) in England and Italy / Z. Horváth, J. Orford, R. Velleman, R. Urbán // Substance Use and Misuse. 2019. Vol. 55 (3). P. 469–480.
18. Ekimchik O., Kryukova T. L., Khazova S. A. Comparing attachment addictive behavior patterns in women: addicts of intimate relationships and

co-dependent mothers of adult sons [Электронный ресурс] // Journal of Behavioral Addictions. 2016. Vol. 5 (1). URL: <https://doi.org/10.1556/jba.5.2016.suppl.1> (дата обращения: 28.09.2020).

19. Punzi E., Lindgren K. Relationships, Emotions, and Defenses Among Patients with Substance Use Disorders, Assessed with Karolinska Psychodynamic Profile: Possibilities to use Intensive Short-Term Dynamic Psychotherapy in Substance Abuse Treatment // *Alcoholism Treatment Quarterly*. 2019. Vol. 37 (4). P. 481–496.

REFERENCES

1. Bityuckaya E. V. [The structure and dynamics of a difficult life situation]. In: *Voprosy psikhologii*, 2020, vol. 66, no. 3, pp. 116–130.
2. Gushchina T. V. *Zashchitnoe i sovladayushchee povedenie v disfunkcional'noj sem'e v period krizisa: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Protective and coping behavior in a dysfunctional family during a crisis: abstract of PhD thesis in Psychology]. Kostroma, 2005. 28 p.
3. Zuev D. A. [The structure of an important life event as a psychological phenomenon]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 11: Natural Sciences], 2012, no. 2 (4), pp. 85–90.
4. Isachenko P. V. [Adaptation of the family system to the removal of a child and the specifics of organizing services for parents deprived of parental rights]. In: Omel'chenko A. S., ed. *Rabota s krovnoj sem'ej vospitannikov uchrezhdenij dlya detej-sirot i profilaktika social'nogo sirotstva. Opyt Smolenskoj i Vologodskoj oblastej* [Working with the siblings in institutions for orphans and prevention of social orphanhood. Experience of the Smolensk and Vologda regions]. Moscow, Smolensk, Charity foundation «Deti nashi», 2017, pp. 63–70.
5. Kryukova T. L. *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly* [Study of Coping Methods: Three Coping Scales]. Kostroma, Avantitull Publ., 2007. 61 p.
6. Kuftyak E. V. [Coping and psychological protection of spouses during dynamic crises]. In: *Medicinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2014, vol. 6, no. 1 (24). Available at: http://www.mprj.ru/archiv_global/2014_1_24/nomer11.pdf (accessed: 28.09.2020). DOI: 10.24411/2219-8245-2014-00011.
7. Loginova N. A. [Personality development and life path]. In: *Princip razvitiya v psikhologii* [The principle of development in psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 156–172.
8. Moskalenko V. D. *Zavisimost': semejnaya bolezni* [Addiction: a family disease]. Moscow, PERSE Publ., 2006. 352 p.
9. Nikol'skaya I. M., Granovskaya R. M. *Psihologicheskaya zashchita u detej* [Psychological defense in children]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2000. 507 p.
10. Rubinshtejn S. A. *Osnovy obshchej psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2005. 713 p.
11. Saporovskaya M. V. [Intergenerational coping in the family: socio-psychological mechanisms and group effects]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2016, vol. 9, no. 49. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 28.09.2020).

12. Slepikova V. I. [An event-driven approach to family crises]. In: Tsvetkova L. A., Khrustaleva N. S., eds. *Anan'evskie chteniya-2008: Psihologiya krizisnyh i ekstremal'nyh situatsiy: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ananyevskiye readings-2008: Psychology of crisis and extreme situations: an interdisciplinary approach: proceedings of the International scientific conference]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008, pp. 31–33.
13. Surkova E. G. *Proektivnye metody diagnostiki. Psihologicheskoe konsul'tirovanie detej i podrostkov* [Projective diagnostic methods. Psychological counseling for children and adolescents]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 321 p.
14. Ejdemiller E. G., Yustickis V. *Psihologiya i psihoterapiya sem'i* [Family psychology and psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 672 p.
15. Ghorbani F. The alexithymia, emotion regulation, emotion regulation difficulties, positive and negative affects, suicidal risk in alcohol-dependent outpatients. In: *Psychiatry Research*, 2017, no. 252, pp. 223–230.
16. Hobfoll S. E., Wells J. D., Lavin J. Resource loss, resource gain, and communal coping during pregnancy among women with multiple roles. In: *Psychology of Women Quarterly*, 1997, vol. 21, no. 4, pp. 645–662.
17. Horváth Z., Orford J., Velleman R., Urbán R. Measuring Coping Among Family Members with Substance-Misusing Relatives: Testing Competing Factor Structures of the Coping Questionnaire (CQ) in England and Italy. In: *Substance Use and Misuse*, 2019, vol. 55 (3), pp. 469–480.
18. Ekimchik O., Kryukova T. L., Khazova S. A. Comparing attachment addictive behavior patterns in women: addicts of intimate relationships and co-dependent mothers of adult sons. In: *Journal of Behavioral Addictions*, 2016, vol. 5 (1). Available at: <https://doi.org/10.1556/jba.5.2016.suppl.1> (accessed: 28.09.2020).
19. Punzi E., Lindgren K. Relationships, Emotions, and Defenses Among Patients with Substance Use Disorders, Assessed with Karolinska Psychodynamic Profile: Possibilities to use Intensive Short-Term Dynamic Psychotherapy in Substance Abuse Treatment. In: *Alcoholism Treatment Quarterly*, 2019, vol. 37 (4), pp. 481–496.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 14.10.2020

Статья размещена на сайте: 30.12.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хазова Светлана Абдурахмановна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогики и психологии Костромского государственного университета; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru

Сапоровская Мария Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Костромского государственного университета; e-mail: saporov35@mail.ru

Кудряшова Оксана Александровна – психолог Макарьевского комплексного центра социального обслуживания населения (Костромская область); e-mail: krassnikova@mail.ru

Svetlana A. Khazova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of Special Pedagogy and Psychology, Kostroma State University; e-mail: hazova_svetlana@mail.ru

Mariya V. Saporovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of General and Social Psychology, Kostroma State University; e-mail: saporov35@mail.ru

Oksana A. Kudryashova – psychologist of the Makaryevsky complex center of social services for the population (Kostroma region); e-mail: krassnikova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А. Изъятие ребёнка как кризисное событие в жизни дисфункциональной семьи: особенности совладающего поведения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Khazova S. A., Saporovskaya M. V., Kudryashova O. A. Removal of a child as a crisis event in the life of an alcoholic family and coping with it. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: evestnik-mgou.ru.

УДК 811.111 (045)

Апресян К. Г.

Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ КОННОТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

АННОТАЦИЯ

Целью настоящего исследования выступает выявление характеристик концептуальных метафор с позитивными и негативными коннотациями на примере событийного концепта «Брексит» (*Brexit*) в политическом дискурсе Великобритании.

Процедура и методы. В состав комплексной методики вошли когнитивно-дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод об активном использовании концептуальных метафор политиками для выражения своего отношения к важным социально-политическим событиям государства.

Теоретическая значимость заключается в определении подхода к проведению сопоставительного когнитивно-дискурсивного исследования метафор с позитивными и негативными коннотациями как языкового средства, используемого для описания социально значимых политических событий.

Практическая значимость выражается в возможности применения результатов в вузовской и послевузовской практике, в научных исследованиях по стилистике, теории дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Брексит, британская пресса, концептуальная метафора, политический дискурс, положительные и отрицательные коннотации

СТРУКТУРА

Введение

Концептуальная метафора в современном политическом дискурсе Великобритании

Метафоры с позитивной и негативной коннотациями как средство манипулятивного воздействия адресанта

Выводы

K. Apresyan

*Financial University under the Government of the Russian Federation
49 Leningradskiy prospect, Moscow 125167, Russian Federation*

POSITIVE AND NEGATIVE CONNOTATION OF METAPHORS IN POLITICAL DISCOURSE OF THE UNITED KINGDOM

ABSTRACT

Aim. To identify the characteristics of conceptual metaphors with positive and negative connotations, in particular when used in the United Kingdom political discourse to describe Brexit.

Methodology. Our analysis methodology includes cognitive-discourse analysis, contextual analysis and comparative method.

Results. According to the results of our study, conceptual metaphors are widely used by politicians to express their attitudes and assessments of important socio-political events of the country.

Research implications. The theoretical significance is the definition of an approach to the comparative cognitive-discourse study of metaphors with positive and negative connotations as a language tool used to describe socially significant political events. The practical significance is the possibility of applying the results in the University and postgraduate practice, in scientific research on stylistics and in the theory of discourse.

KEYWORDS

Brexit, British press, conceptual metaphors, political discourse, positive and negative connotations

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что при многообразии трудов, посвящённых анализу метафор, используемых для описания политико-экономического события *Брексит*¹, вопросы функционирования метафор как средства выражения позитивной и негативной коннотаций недостаточно полно отражены в работах лингвистов, а именно созданных в период 2016–2019 гг., что и послужило причиной написания настоящей статьи. В настоящей работе предпринята попытка проанализировать коммуникативные характеристики метафорических выражений как с позитивной, так и с негативной семантикой, используемых политиками и журналистами для описания выхода Великобритании из состава Европейского союза.

Фактическим материалом настоящего исследования послужили статьи британских электронных изданий *The Commentator, Economist, Evening standard, Express, The Guardian, Independent, Mail Online, Politics Home, Prospect, The*

¹ Brexit // Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/brexit?q=Brexit> (дата обращения: 10.10.2019).

Telegraph. Выбор десяти перечисленных источников объясняется главным образом тем, что в этих изданиях регулярно и достоверно освещаются события, связанные с выходом Великобритании из ЕС.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Брексит как термин, используемый для обозначения выхода Соединённого Королевства из Европейского Союза, часто встречается на страницах вышеназванных британских изданий. Сложности, связанные с выходом страны из Европейского блока, и возможные последствия этого события как для европейских стран, так и для самой Великобритании – важнейшего внешнеэкономического и внешнеполитического партнёра ЕС – активно обсуждаются в мировых СМИ. Процесс *Брексит* и то, как Соединённое Королевство выйдет из Европейского союза – «со сделкой или без»², – вызывают волнения в обществе и парламенте Великобритании, что отражается в частоте употребления политиками метафорических выражений с позитивной и негативной коннотациями и фиксируется в британской прессе.

Концептуальные метафоры, представляющие *Брексит* в современной британской прессе, используются в качестве одного из основных инструментов передачи информации, помогают создать яркую целостную картину происходящего, являются незаменимым средством формирования субъективного мнения у аудитории, реализуя при этом аттрактивную и воздействующую функции СМИ. Учитывая тот факт, что в различных дискурсах часто используются метафорические модели, которые представляют эмоциональную составляющую *Брексит*, можно понять, почему тема выхода Великобритании из Евросоюза захватила не только политиков, экономистов и журналистов, но и лингвистов. Судя по числу посвящённых этому событию работ и статей, *Брексит* вызывает интерес среди академической и профессиональной общественности и является актуальной темой политического, экономического, кризисного, медиа и других видов дискурсов [4; 5; 8; 12].

Метафорические высказывания политических деятелей Великобритании, в частности премьер-министров Дэвида Кэмерона в 2016 г., Терезы Мей в 2018 г., Бориса Джонсона в 2019 г., а также сторонников и противников *Брексит*, отображающие непосредственно их личное восприятие образов страны и Евросоюза, в настоящей статье анализируются с применением когнитивного анализа. Исследование проводится с целью выявления особенностей функционирования метафорических выражений с позитивной и негативной коннотациями в британской прессе на примере *Брексит* и возможности трактовки данного языкового средства как значимой характеристики современного политического англоязычного дискурса.

² Борис Джонсон уверен в возможности заключить сделку с ЕС по «Брексит» в ближайшие недели // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4094406> (дата обращения: 10.10.2019).

Термин *дискурс* происходит от французского слова *discours* (речь). Следует отметить, что на сегодняшний день не существует единой трактовки данного термина. Согласно определению Т. А. ван Дейка, понятие *дискурс* так же расплывчато, как понятия *язык*, *общество*, *идеология*. Т. А. ван Дейк пишет о «размытости категории дискурса», описывая его «как сложное коммуникативное событие, которое происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте» [3, с. 45]. По словам Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [1, с. 136–137].

Вопросы политического дискурса представляют интерес для исследователей, как отечественных – А. П. Чудинов [13], Е. И. Шейгал [14], Р. В. Саттарова [10], В. П. Новикова [9], так и зарубежных – А. Мусолф (A. Musolf) [18], Н. Хомский (N. Chomsky) [15], Д. А. Грабер (D. A. Graber) [16] и ряда других. В политическом дискурсе, как отмечает А. П. Чудинов, «интерес представляет изучение идиостилей отдельных политиков, составление их “речевых портретов”, определение взаимосвязей между харизматичностью политика с точки зрения реципиентов и речевыми особенностями его политических высказываний» [13, с. 10].

В политическом дискурсе, цель которого – воздействовать, пропагандировать, формировать взгляды и убеждения, широко используется концептуальная метафора. Как справедливо утверждает Р. Хоффман, метафора «исключительно практична» и «может применяться в любой сфере в качестве орудия описания и объяснения, обогащая понимание человеческих действий, знаний и языка» [17]. Согласно Р. В. Саттаровой, «метафора не только является средством познания окружающей действительности и способом мышления, но также средством манипулирования» [10]. В. А. Маслова отмечает, что в лингвистической литературе термин «политический дискурс» употребляется в узком и широком смысле. Когда речь идёт о политическом дискурсе в широком смысле, подразумевается, что дискурс включает такие формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из составляющих: субъект, адресат либо содержание сообщения. Что касается политического дискурса в узком смысле, речь идёт о разновидности дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти [7]. В обоих случаях характерной особенностью является широкое употребление метафор. Метафора, являясь одним из основных приёмов, используемых для сравнения и придания яркости тому или иному объекту или событию, выполняет когнитивную функцию, особый интерес вызывает способность метафоры влиять на подсознание человека [11].

Вопросы концептуальной метафоры рассматриваются в ряде работ исследователей [2; 5; 6]. В настоящей статье предпринята попытка провести исследование в рамках теории концептуальной метафоры на материале британской прессы. Представляет интерес исследование понятия *Брексит* в англоязычном политическом дискурсе в реальном измерении, где речевая деятельность осуществляется в определённом контексте и можно отследить, как одно и то же событие при помощи метафорических выражений приобретает положительную или отрицательную оценку через коннотацию. В политическом дискурсе представляется возможным увидеть фрагмент ментального мира адресанта при помощи метафор, присутствующих в текстах тематической области *Брексит*. Метафорические высказывания являются теми рычагами, которые помогают политикам и политическим журналистам создавать необходимые образы и влиять на подсознание адресата. В еженедельном британском журнале *Prospect*, в частности, отмечается:

Behind the political war is a linguistic one – and to win the former you must win the latter» (*Prospect*, October 8th, 2019)³.

П. В. Кропотухина, анализируя модели британского кризисного дискурса, отмечает, что «концептуальные метафоры подтверждают статус Брексита как глубокого политического, социального и экономического кризиса, являющегося частью кризиса Евросоюза» [5]. О. Ю. Ганзина говорит об особой роли концептуальной метафоры в политическом дискурсе, отмечая, что «одной из особенностей концептуальной метафоры является то, что она выражает в политических статьях определённое отношение к политической реальности (государству, правительству, политическим деятелям, институтам власти, другим странам), определённое восприятие и отражение этой действительности в сознании носителей политического языка. Концептуальная метафора является одним из основных механизмов воздействия на сознание читателей» [2, с. 196].

МЕТАФОРЫ С ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ КОННОТАЦИЯМИ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ АДРЕСАНТА

Среди исследованных метафорических высказываний, используемых на страницах вышеперечисленных изданий, можно выделить следующие концептуальные модели с позитивной коннотацией: «*Брексит* – светлое будущее», «*Брексит* – фантастический приз», «Евросоюз – светлое будущее» – и с негативной: «*Брексит* – катастрофа», «Евросоюз – Тюрьма», «Великобритания – узник».

Исследование позволило отметить в заголовках отдельных статей британской прессы положительный настрой относительно *Брексита*, несмотря на сложности, связанные с выходом Великобритании из ЕС. Подчеркнём, что

³ Brexit and the weaponisation of metaphor // *Prospect*: [сайт]. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/politics/brexit-and-the-weaponisation-of-metaphor-language-boris-johnson> (дата обращения: 10.10.2019). «Политическая битва – это также лингвистическая битва, и, чтобы победить в первой, сначала надо победить во второй» (Здесь и далее в статье перевод автора).

выявлена частота употребления метафорической модели *светлое / успешное / глобальное будущее*, встречающейся в исследуемых изданиях за период с 2016 по 2019 гг. Так, выражение *светлое будущее* упоминается один раз в заголовке газетной статьи:

*Britain's **bright future** after Brexit*

– и дважды в самом тексте:

*It is becoming clearer and clearer, from multiple sources and multiple countries, that Britain has **a bright future** after Brexit. The last couple of weeks has provided yet more signs of Britain's **bright trading future** following Brexit. (The Commentator, October 17th, 2016)⁴.*

Таким образом, автор высказывается оптимистично относительно грядущих перемен. Метафорическое выражение *bright future* (светлое будущее) выявлено и в ряде других заголовков, что подтверждает версию о частоте его употребления и говорит о важности данного языкового средства с аттрактивной функцией. *Брексит* воспринимается как положительное социальное явление в следующих примерах:

*A truly **global future** awaits us after Brexit (The Telegraph, August 10th, 2019)⁵;*

*A year from now we will leave the EU for a **bright & successful future** (Express, March 29th, 2018)⁶.*

В исследуемых текстах выявлены и другие метафорические выражения, в семантике которых отражён оптимистический настрой адресанта. Накануне референдума 14 июня 2016 г., во время дебатов, проводимых *The Telegraph* и *Huffington Post's*, Борис Джонсон, будучи мэром Лондона, отметил:

*"Britain is a great country and will enjoy huge opportunities to build new trade relations around the World. Let me cheer you up, there is a huge opportunity for this country," he said. "That's a **fantastic prize**" (The Telegraph, June 14th, 2016)⁷.*

Выявлено, однако, употребление метафорического выражения *bright future* (светлое будущее) уже с негативной коннотацией по отношению к *Брекситу*. Так, в 2016 г., накануне референдума, призывая народ голосовать за сохранение Великобритании в составе ЕС, премьер-министр Дэвид Кэмерон в свою речь включил выражение *светлое будущее*, описывая то, что ждёт страну в случае, если она останется с Евросоюзом:

⁴ Britain's bright future after Brexit // The Commentator: [сайт]. URL: http://www.thecommentator.com/article/6418/britain_s_bright_future_after_brexit (дата обращения: 10.10.2019).

⁵ A truly global future awaits us after Brexit // The Telegraph: [сайт]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2019/08/10/truly-global-future-awaits-us-brexit> (дата обращения: 21.10.2019).

⁶ A year from now we will leave the EU for a bright & successful future, says LEO MCKINSTRY // Express: [сайт]. URL: <https://www.express.co.uk/comment/columnists/leo-mckinstry/938667/brexit-uk-success-eu-one-year-to-go-LEO-MCKINSTRY> (дата обращения: 10.10.2019).

⁷ The Telegraph EU Debate: Viewers award victory to Boris Johnson and Priti Patel in head-to-head with Alex Salmond and Liz Kendall // The Telegraph: [сайт]. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/14/the-telegraph-eu-debate-with-boris-johnson-and-alex-salmond-all> (дата обращения: 21.10.2019).

«...if we stay in a reformed European Union, we've got a very **bright future**. A lot of businesses and investors will see Britain has decided its future in Europe and has got enormous opportunities around the world. I think we'll see investment. We'll see more jobs» (The Guardian. June 11th, 2016)⁸.

Премьер-министр видит светлое будущее для своей страны в её сохранении в составе ЕС, в огромных возможностях, предполагающих новые деловые отношения и вливания капитала, что, в свою очередь, приведёт к созданию в стране новых рабочих мест. Тем самым налицо проявление аттрактивной функции метафорического выражения *bright future*.

Проведённое исследование позволило выявить ряд метафор с негативной коннотацией. В ряде заголовков выявлена частотность употребления метафорической модели *Брексит – катастрофа*, в них концептуальные метафоры используются для создания негативного образа процесса *Брексит*, придавая ему статус *катастрофы*:

*End of free movement after **Brexit is a disaster** for families* (The Guardian, August 20th, 2019)⁹.

*EU to declare a no-deal **Brexit** a major natural **disaster*** (The Guardian, September 2nd, 2019)¹⁰.

*EU considering designating a no-deal **Brexit as a disaster** comparable to earthquake" for emergency aid purposes* (Independent, September 3rd, 2019)¹¹.

В отдельных предложениях выявлено употребление одновременно двух метафор, одна из которых – *Johnson is architects* (Джонсон – архитектор), а другая – *Brexit catastrophe* (Брексит – катастрофа). В 2018 г. еженедельный журнал *the Economist's* назвал Бориса Джонсона худшим из политиков и описал его как одного из архитекторов катастрофы под названием *Брексит*

...*Johnson is one of the architects of the **Brexit "catastrophe"***. (The Economist, December 8th, 2018)¹².

⁸ David Cameron on the prospect of Brexit: 'Leave want to take the country backwards' // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/11/david-cameron-brexit-eu-referendum-listen-jeremy-corbyn> (дата обращения: 21.10.2019).

⁹ End of free movement after Brexit is a disaster for families // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/aug/20/end-of-free-movement-after-brexit-is-a-disaster-for-families> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁰ EU to declare a no-deal Brexit a major natural disaster // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/02/eu-could-declare-no-deal-brexit-as-major-natural-disaster> (дата обращения: 10.10.2019).

¹¹ EU considers designating no-deal Brexit as 'disaster comparable to earthquake' for emergency aid purposes Independent // Independent: [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/brexit-no-deal-eu-disaster-aid-emergency-solidarity-fund-earthquake-a9090226.html> (дата обращения: 21.10.2019).

¹² Our end-of-year awards celebrate the worst in politics. And the winner is... // Economist.com. URL: <https://www.economist.com/britain/2018/12/08/our-end-of-year-awards-celebrate-the-worst-in-politics> (дата обращения: 21.10.2019).

Метафорическая модель *Brexit catastrophe*, используемая в политическом дискурсе для описания выхода Великобритании из ЕС, употребляется адресантом с целью акцентирования внимания адресата на негативных сторонах происходящего процесса *Брексита* и его способности замедлить экономический рост страны, что подтверждается определением существенного *катастрофа*¹³ как неблагоприятного события, влекущего за собой весьма серьёзные последствия для страны. Таким образом, употребление метафорического высказывания *Брексит – катастрофа* направлено на создание у реципиента негативного отношения к выходу страны из ЕС.

Другие яркие примеры метафорических высказываний базируются на образе *тюрьмы, тюремщика и узника*. Если для Дэвида Кэмерона и его сторонников *светлое будущее* Великобритании связано, как было указано выше, с ЕС, а *Брексит* видится как *катастрофа*, то премьер-министр Борис Джонсон в своём выступлении подчёркивает, что ЕС воспринимается им и его сторонниками как *jail, jailer* (тюрьма, тюремщик). Так, 6 марта 2016 г. в эфире воскресного утреннего ток-шоу Эндрю Марра, транслируемого на BBC, Борис Джонсон, будучи мэром Лондона, сравнил ЕС с тюрьмой, в которой тюремщик случайно оставил дверь открытой, а референдум, назначенный на 23 июня 2016 г., назвал уникальной возможностью, единственным шансом выбраться из этой тюрьмы

*“Being in the EU is like being in a jail. This is like the jailer has accidentally left the door of the jail open and people can see the sunlit land beyond. It is a once in a lifetime opportunity that will not come again” (Independent, March 6th, 2016)*¹⁴.

Как видно, данные метафорические выражения *like being in a jail, jailer has left the door of the jail open* имеют отрицательную коннотацию и придают сообщению тогда ещё мэра Лондона выразительность, яркость и наглядность, помогают создать образ *ЕС-тюрьмы*, поясняя взаимосвязь между ЕС и его отрицательными особенностями, приписываемыми сторонниками *Брексита*. В качестве обозначенного адресата выступает народ Великобритании, в сознании которого данные метафорические выражения способствуют сравнению ЕС с местом лишения свободы и тотального контроля. Само Соединённое Королевство предстаёт в образе *узника*, лишённого свободы, а Евросоюз получает статус *тюремщика*, наблюдающего за выполнением обязательств и обеспечивающего соблюдение мер режима и надзор на территории. Употребление Борисом Джонсоном метафоры позволяет акцентировать внимание адресата на том, что его страна лишена свободы, загнана в рамки ЕС жёст-

¹³ Катастрофа // Словари XXI века: [сайт]. URL: <http://slovari21.ru/?q=катастрофа> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁴ EU referendum: Boris Johnson calls the EU ‘a jail with the door left open’ and says it would be ‘wonderful’ to leave // Independent: [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-says-eu-is-a-jail-with-the-door-left-open-for-uk-to-leave-a6915241.html> (дата обращения: 21.10.2019).

кой системой и правилами Европейского блока, что влечёт за собой чувство безысходности и отчаянья. В метафорическом выражении Бориса Джонсона раскрывается мысль о том, что Соединённое Королевство нуждается в свободе слова, мыслей, принятия решений и намерено воспользоваться единственным шансом вырваться на волю:

This is like the jailer has accidentally left the door of the jail open and people can see the sunlit land beyond.

Далее политик употребляет метафору *the sunlit land* (залитая солнцем земля), в семантике которой раскрывается счастливая, свободная жизнь населения, лишённого «тюремного гнёта» ЕС. Отметим, что метафорические выражения *like being in a jail* и *the sunlit land beyond* имеют основания трактоваться как антономическая пара. Другими словами, лишение свободы выбора и рамки жёсткого контроля образно противопоставляются адресантом залитому солнечным светом месту без тюремных стен.

В связи с приближением установленной даты выхода Великобритании из ЕС в речи политиков отмечается одновременное употребление метафор с ярко выраженными негативными коннотациями в адрес ЕС и выражений, раскрывающих мощь Великобритании: *the UK was kept locked in to the EU forever* (Великобритания навсегда заперта в ЕС), *be bound in manacles* (быть в кандалах), *Hulk* (Халк [положительный супергерой, образ Великобритании]):

‘Britain will break free of its ‘manacles’ from the EU like the Incredible Hulk, Boris Johnson tells Brussels ahead of crunch meeting with Jean-Claude Juncker... ‘Hulk always escaped, no matter how tightly bound in he seemed to be – and that is the case for this country. We will come out on October 31 and we will get it done’ (Mail Online, September 14th, 2019)¹⁵.

Как видно, в метафорических выражениях, употребляемых политиком, используется стилистически окрашенное существительное *manacles* (кандалы). Речь премьер-министра, вызвав бурную реакцию в обществе, повлияла на интенсивное употребление метафор в других высказываниях на тему *Брексит*. Кроме используемого премьер-министром существительного *manacles* (кандалы), отмечено употребление синонимичного выражения с негативной коннотацией – *shackles* (оковы). В заголовках британских изданий выявлены, в частности, следующие выражения: *break free of its ‘manacles’ from the EU* (вырваться из оков Евросоюза на свободу), *break out of EU* (вырваться из Евросоюза), *break free of EU “shackles”* (вырваться на свободу из оков ЕС).

Boris Johnson warns Britain will break out of EU like the Incredible Hulk if deal cannot be struck (Evening Standard, September 15th, 2019)¹⁶;

¹⁵ Britain will break free of its ‘manacles’ from the EU like the Incredible Hulk, Boris Johnson tells Brussels ahead of crunch meeting with Jean-Claude Juncker // Mail Online. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7464505/Boris-Johnson-says-Britain-break-free-manacles-EU-like-Incredible-Hulk.html> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁶ Brexit news latest: Boris Johnson warns Britain will break out of EU like The Incredible Hulk if

*Boris Johnson says Britain will **break free of EU** "shackles" like Incredible Hulk, as he heads to Brussels (Politics Home, September 15th, 2019)¹⁷.*

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведенное исследование концептуальных метафорических выражений, представляющих *Брексит* в современной британской прессе, позволяет сделать следующие выводы.

1. Для привлечения внимания адресата и описания происходящих процессов адресант умело манипулирует метафорами, которые, обладая позитивными и негативными коннотациями, будучи языковым средством с аттрактивной функцией, создают образ и апеллируют к воображению адресата, порождают смысл, воспринимаемый разумом, а также предопределяют способ и стиль мышления.

2. Одним из наиболее эффективных средств манипулятивного воздействия в современном политическом дискурсе является концептуальная метафора, поскольку в её основе лежат понятные для сознания масс образы.

3. Метафоры, являясь когнитивно обусловленным инструментом вербализации явлений и событий, формируют представление о политико-экономическом событии *Брексит*, предопределяют способ и стиль мышления о нём.

4. Вышеперечисленное позволяет трактовать метафорические выражения с позитивной и негативной коннотациями как значимую характеристику современного политического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Ганзина О. Ю. Концептуальная метафора в немецкой политической прессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 191–196.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Благовещенский Гуманитарный колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
4. Каштанова И. И., Бирюкова О. А., Давыдова Е. А. Концепт Brexit в современном англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота. 2018. № 10–2 (88). С. 295–299.
5. Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. Языкознание. 2017. № 2 (62). С. 94–99.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., ред., предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

deal cannot be struck // Evening Standard: [сайт]. URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/brexit-news-latest-boris-johnson-warns-britain-will-break-out-of-eu-like-the-incredible-hulk-if-deal-a4237071.html> (дата обращения: 21.10.2019).

¹⁷ Boris Johnson says Britain will break free of EU 'shackles' like Incredible Hulk as he heads to Brussels // Politics Home: [сайт]. URL: <https://www.politicshome.com/news/uk/political-parties/conservative-party/news/106535/boris-johnson-says-britain-will-break-free> (дата обращения: 21.10.2019).

7. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43–47.
8. Небольсина Е. В. Зооморфная метафора в биржевой лексике // Человеческий капитал. 2018. № 4 (112). С. 71–82.
9. Новикова В. П. Поле битвы – Брексит: лингвокогнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 93–99.
10. Саттарова Р. В. Образ Соединенного королевства в политическом дискурсе Д. Кэмерона // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 4. С. 277–281.
11. Сосунова Г. А. Метафора в профессиональном таможенной литературе на французском языке: металингвистическая функция, классификация // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5 (55). С. 150–154.
12. Уразова Е. А. Особенности использования метафоры в политическом дискурсе // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1–2. С. 170–175.
13. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013. 176 с.
14. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2004. 367 с.
15. Chomsky N. Language and Politics. Montreal, New York: Black Rose books, 1988. 779 p.
16. Graber D. A. Political languages // Handbook of Political Communication / ed. D. Nimmo, K. Sanders. Beverly Hills: Sage, 1981. P. 195–224.
17. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science // The ubiquity of metaphor. Amsterdam, 1985. P. 327–380.
18. Musolff A. Truths, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit // Journal of Language and Politics. 2017. № 16 (5). P. 641–657.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. [Discourse]. In: Yartseva V. N., ed. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1990, pp. 136–137.
2. Ganzina O. Yu. [Conceptual metaphor in the German political press]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 2, pp. 191–196.
3. Dijk T. A. van. Language. Cognition. Communication (Russ. ed.: *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*). Blagoveshchensk, Blagoveshchensk Humanitarian College I. A. Baudouin de Courtenay Publ., 2000. 308 p.).
4. Kashtanova I. I., Biryukova O. A., Davydova E. A. [Brexit concept in modern English-language media discourse]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Gramota* [Philology. Theory and practice], Gramota, 2018, no. 10–2 (88), pp. 295–299.
5. Kropotukhina P. V. [Conceptual metaphors for UK crisis discourse]. In: *Politicheskaya lingvistika. Yazykoznanie* [Political linguistics. Linguistics], 2017, no. 2 (62), pp. 94–99.

6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* (Russ. ed.: Baranov A. N., transl., ed. *Metafori, kotorymi my zhivem*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.).
7. Maslova V. A. [Political discourse: language games or word games]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2008, no. 1 (24), pp. 43–47.
8. Nebol'sina E. V. [Zoomorphic metaphor in stock market vocabulary]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2018, no. 4 (112), pp. 71–82.
9. Novikova V. P. [Battlefield – Brexit: a linguo-cognitive analysis]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2019, no. 2 (74), pp. 93–99.
10. Sattarova R. V. [The image of the United Kingdom in D. Cameron's political discourse]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2017, vol. 22, no. 4, pp. 277–281.
11. Sosunova G. A. [Metaphor in professional customs literature in French: metalinguistic function, classification]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2013, no. 5 (55), pp. 150–154.
12. Urazova E. A. [Metaphor in political discourse]. In: *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy], 2017, no. 1–2, pp. 170–175.
13. Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, 2013. 176 p.
14. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 367 p.
15. Chomsky N. *Language and Politics*. Montreal, New York, Black Rose books, 1988. 779 p.
16. Graber D. A. Political languages. In: Nimmo D., Sanders K., eds. *Handbook of Political Communication*. Beverly Hills, Sage, 1981, pp. 195–224.
17. Hoffman R. Some implications of metaphor for philosophy and psychology of science. In: *The ubiquity of metaphor*. Amsterdam, 1985, pp. 327–380.
18. Musolff A. Truths, lies and figurative scenarios: Metaphors at the heart of Brexit. In: *Journal of Language and Politics*, 2017, no. 16 (5), pp. 641–657.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 22.11.2019

Статья размещена на сайте: 08.10.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Апресян Карина Генриховна – старший преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: KGApresyan@fa.ru

Karine H. Apresyan – Senior Lecturer, Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: KGApresyan@fa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Апресян К. Г. Метафора как средство выражения позитивной и негативной коннотации в политическом дискурсе Великобритании // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Apresyan K. H. Positive and negative connotation of metaphors in political discourse of the United Kingdom. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81-2

Вашунина И. В., Ильина В. А.

Российский новый университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22, Российская Федерация

КРЕОЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК ТАКТИКА В РАМКАХ МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление манипулятивного потенциала креолизированных текстов.

Процедура и методы. Проанализированы 500 креолизированных текстов (текстов с иллюстрациями) в средствах массовой информации, рекламе и интернете за 2018–2019 гг. Добавление иллюстрации к вербальному тексту может иметь целью запланированное воздействие на адресата, отличное от воздействия вербального текста.

Результаты. В ходе исследования, базировавшегося на сравнении формализованного содержания вербального текста и иллюстрации, было выявлено три группы манипулятивных тактик: 1) поддерживающие – с их помощью содержание текста получает поддержку, дополнительную защиту со стороны иллюстрации; 2) трансформирующие – их использование приводит к трансформации содержания текста, его изменению; 3) уводящие, предназначенные для отвлечения адресата от содержания вербального текста.

Теоретическая и/или практическая значимость заключаются в возможности исследования содержания креолизованного текста математическими методами, что позволит создать формальные критерии выявления манипуляции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

поликодовый текст, манипуляция, формализация содержания текста, креолизированный текст, коммуникативные тактики, прагматика

СТРУКТУРА

Введение

Результаты исследования

Закключение

I. Vashunina, V. Ilyina

Russian New University

22, ul. Radio, Moscow 105005, Russian Federation

TEXT CREOLIZATION AS MANIPULATIVE STRATEGY TACTICS

ABSTRACT

Aim. To identify the creolized texts manipulative opportunity.

Methodology. The authors analyzed 500 creolized texts (texts with illustrations) in mass media, advertising and in the Internet during 2018-2019. Effect of verbal text with illustration differs from the bare verbal text effect on the recipient.

Results. Three groups of manipulative tactics were revealed on the basis of a comparative study of the verbal text formalized content and illustrations. Firstly, supporting tactics when the text content is supported and emphasised with the illustration. Secondly, transforming tactics when illustrations are used to change the text content. Thirdly, the distracting tactics designed to take away the recipient from the verbal text content.

Research implications. The article demonstrates the possibility of using mathematical methods in studying the creolized text content, which allow us to create formal criteria for the manipulation detection.

KEYWORDS

polycode text, manipulation, text content formalization, creolized text, communicative tactics, pragmatics

ВВЕДЕНИЕ

Наше время называют временем информационного взрыва – происходит лавинообразное нарастание информации. Мы все являемся потребителями этой информации, постоянное обращение к интернету для поиска нужных сведений у большинства вошло в привычку. Находя искомое, мы никогда не задаёмся вопросом, а зачем кто-то создал и опубликовал материал. Обычно мы рассматриваем такие источники как своего рода справочники, представляющие объективные данные. Однако в действительности (и, если задуматься, это совершенно очевидно) создатели материалов преследуют определённые цели (мы здесь не обсуждаем дидактику). Не говоря о заказных статьях, фейках, прямой дезинформации, всё же нужно понимать, что любые данные в средствах массовой информации представлены с расчётом на их прагматическое воздействие. Известно, что основное назначение СМИ – это не сообщение достоверной информации, а трансляция идей, которые вызывают определённое поведение. Основная функция рекламы тоже не информативная, а побудительная – это побуждение к приобретению товаров и услуг.

Актуальность обращения к проблеме манипуляции постоянно возрастает вместе с ростом потока информации, который буквально обрушивается на современного человека. Большой объём воспринимаемого практически исключает возможность критического подхода к материалу. Поэтому манипуляция остаётся незамеченной, и необходимы исследования для выявления манипулятивного потенциала текстов. Противодействие манипуляции является задачей «всех здоровых сил страны» [4, с. 4].

Одним из способов воздействия является креолизация текста. Добавление иллюстрации позволяет незаметно корректировать восприятие вербального текста в определённых целях [15]. Если принять определение манипуляции как «a type of social influence that aims to change the behavior or perception of others through indirect, deceptive, or underhanded tactics»¹, рассматриваемые случаи могут считаться манипуляцией. Каким образом происходит добавление дополнительного (по отношению к информативному) компонента? Основным вопросом, на который до сих пор нет чёткого ответа, является вопрос о признаках манипулятивного воздействия на массового реципиента, т. е. на основании чего мы можем считать, что в конкретном случае предпринимается попытка такого воздействия?

Нами впервые предлагается методика выявления манипулятивного потенциала креолизованных текстов, которая делает возможным определение наличия манипулятивных намерений у создателя текста. Результаты настоящего исследования могут использоваться в дискурс-анализе для выявления интенциональной составляющей дискурса, в прагмалингвистике для определения манипулятивного потенциала текста, в психолингвистике для характеристики восприятия креолизованных текстов с разными параметрами, а также в теории коммуникации, семиотике, герменевтике. Методика анализа текстов на предмет выявления манипулятивного потенциала может применяться при определении пригодности предлагаемых материалов для разных социальных групп (в первую очередь для нуждающихся в социальной защите).

Нами было проведено исследование 500 креолизованных текстов в средствах массовой информации, рекламе и интернете за 2018–2019 гг. Цель – выявление манипулятивного потенциала текстов с разнородной фактурой. В основе нашей методики лежало определение соотношения содержания вербального текста и иллюстрации. Мы предположили, что поскольку иллюстрирование – это наглядное представление информации текста, то отличие содержания иллюстрации от содержания вербального текста свидетельствует о том, что автор иллюстрированного текста имел намерение по изменению содержания вербального текста. Мы полагаем, что попытка корректировки содержания вербального текста производится с определённой целью. Учи-

¹ Definition of manipulate: transitive verb [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/manipulate> (дата обращения: 24.02.2019).

тывая, что эта цель напрямую не объявляется массовому реципиенту и что восприятие креолизованного текста происходит в условиях некритичности, подобные тексты мы считаем обладающими манипулятивным потенциалом.

Для определения содержания текста использовался формализованный анализ семантики текста, его предметно-тематического содержания [5], в результате которого определяются ключевые денотаты текста. Подобную процедуру проводим и с изображением. При этом мы учитываем не только сюжетно-объектное содержание иллюстрации, но и семантику формы.

Для выявления семантики формы использовались данные предшествующих исследований [7; 8; 10; 11; 14; 16]. Основными компонентами формы мы считаем расположение объектов на изображении, использование определённых геометрических форм и цветов.

Далее проводилось сопоставление формализованного содержания текста и иллюстрации. Поскольку в основе содержания, как говорилось выше, лежит совокупность денотатов, а сами денотаты могут быть определены как понятия, для выявления отношений между ними была взята классификация отношений между понятиями [2]. На основании проведённого анализа делались выводы о степени соответствия содержания вербального текста содержанию иллюстрации и определялись возможные манипулятивные намерения создателей креолизованных текстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логические отношения между содержанием вербального текста и содержанием иллюстрации

Между содержанием вербального текста и содержанием иллюстрации на нашем материале обнаружены следующие отношения.

Несравнимость. Довольно часто в рекламе используется тактика привлечения известных лиц. Медийные персонажи демонстрируют преимущества какого-либо товара или услуги, при этом они изображают простых потребителей. Эффект такой рекламы предполагается от желания подражать и доверять известным людям. Отношения несравнимости существуют в силу того, что в действительности известное лицо никак не связано с рекламируемым товаром.

Иногда для создания отношений несравнимости используется приём создания неоднозначности. В рекламе, средствах массовой информации многозначные слова / омонимы используются не потому, что нельзя сказать по-другому, а с целью использовать их потенциал. Периферийные (не самые частотные) значения лексемы при этом выходят на первый план. Например, использование слова «виток» в рекламе нового шампуня, где иконическую часть представляет изображение завитого локона («виток» может быть понят как «локон» только с помощью изображения).

Равнозначность или перекрещивание. Эти отношения между компонентами креолизованного текста существуют при применении тактики повторения: одна и та же информация подаётся вербальным и визуальным способами. Навязчивое повторение имеет целью закрепление нужной информации в сознании реципиентов.

Как же визуализируется информация текста? Часто используется тактика отсылки к традиционным представлениям. В каждой лингвокультуре есть набор стереотипов и представлений о том, как выглядят различные фрагменты картины мира (например, семья, еда, работа, отдых, красивый человек и т. д.). Визуализация этих представлений является наиболее простым способом презентации содержания текста.

Другой случай возникновения отношений равнозначности или перекрещивания – это использование тактики снятия неоднозначности. Употреблённое в тексте полисемантическое слово или омоним в нормальном случае толкуется однозначно. Однако наличие такого слова в заголовке текста допускает возможность двойного толкования. Например, если неоднозначное словосочетание «старинные замки» употребляется в заголовке без всяких пояснений, наличие иллюстрации просто необходимо.

Отношения перекрещивания возникают при реализации тактики изымания из контекста. Иллюстрирование текста вообще представляет собой резкое извлечение какого-то сегмента из контекста и его визуальное представление. Оно выделяет выбранный фрагмент, т. е. как бы актуализирует информацию, которую он несёт. И этот фрагмент может получить со стороны реципиентов другую интерпретацию по сравнению с той, которая заложена в вербальном тексте.

То же самое верно и в отношении тактики дробления (имеется в виду использование нескольких изображений к тексту).

Часто встречается пересечение коннотативной информации текста (модальных ключей [1]) и изображения. Эти случаи могут рассматриваться как использование тактики эмоциональной настройки. Например, известная реклама благотворительного фонда со словами «И ты оттолкнёшь меня?» и фотографией грустного и не по-детски серьёзного мальчика. Сюда же можно отнести оформление приглашений на различные торжества.

Подчинение. Такие отношения часто встречаются при креолизации текста. Сюда, например, можно отнести все случаи рекламы групп товаров, в которых фигурируют гиперонимы (фрукты, овощи, обувь, одежда и пр.) и изображения конкретных фруктов, овощей и т. д.

Отношения *соподчинения* при создании креолизованных текстов не встречаются.

Возможны отношения *противоречия* или *противоположности*. На нашем материале не было обнаружено случаев, когда вербальный текст противоречит изображению. Однако возможен контраст модальных ключей. Например,

реклама конференции: текст «Конференция Интернет-прорыв развитие бизнеса 2.0 – 1 октября» и изображение знака «Виват». Налицо противоположность делового стиля вербального текста и неформального стиля иллюстрации. Цель такого сочетания вполне очевидна – немного «развеселить» вербальный текст.

Тактики, реализуемые путём использования креолизованного текста

Мы предполагаем, что посредством анализа отношений между содержанием вербального текста и содержанием иллюстрации можно выявить намерения создателя креолизованного текста.

При так называемом добросовестном иллюстрировании автор не предпринимает попыток изменения содержания вербального текста. Его цель – визуализировать текстовую информацию, как бы «поддержать» вербальный текст. Это происходит при использовании тактики повторения (часто в рекламе), тактики снятия неоднозначности.

Сюда же можно отнести тактику прикрытия авторитетом. Однако эту тактику нельзя приравнять по её воздействию к предыдущим (они строятся на отношениях равнозначности / перекрещивания, а эта тактика – на отношениях несравнимости). Манипулирование происходит за счёт того, что «авторитет» обычно никак не связан с рекламируемыми товарами, неизвестно, пользуется ли ими в действительности.

Реклама с привлечением известных людей приводит к навязыванию определённых образов, что, конечно же, относится к сфере манипуляции. Например, к рекламе автомобилей часто привлекают девушек-моделей. Женская красота призвана «подкрепить» новые достижения и разработки. Однако при этом товар получает не присущие ему характеристики под воздействием женской красоты и сексуальности. Например, организаторы решили, что на автосалоне в Шанхае не будет девушек-моделей. Этот шаг показывает, что организаторами автосалона осознаётся воздействующий потенциал рекламы с привлечением моделей и они не считают целесообразной трансформацию восприятия. Изменение содержания вербального текста можно увидеть во многих случаях, когда между содержанием вербального текста и содержанием иллюстрации существуют отношения перекрещивания, например при использовании тактики «выдёргивания» из контекста и дробления. Если иллюстрация не меняет иерархии смыслов вербального текста и не предполагает существования интерпретаций, отличных от заложенных в вербальном тексте, тактика может быть классифицирована как тактика повторения. Если это требование не удовлетворяется, налицо трансформация содержания текста и, соответственно, трансформирующая тактика.

С помощью дробления создаётся отличный от исходного вербального текст. И тогда должна определяться значимость различий в зависимости от того, какая информация получила двойное кодирование, а какая представлена только вербально.

Иллюстрируя вербальный текст и «выдёргивая» отдельные фрагменты для визуального представления, в принципе, можно создать такой ряд изображений, интерпретация которого приведёт реципиента к конструированию смысла, далёкого от смысла вербального текста.

Содержание вербального текста обычно визуализируется не полностью, а частично. Визуально реципиенту предлагается сокращённое, схематичное содержание вербального текста, что позволяет говорить о трансформации содержания исходного вербального текста.

Тактика создания неоднозначности также используется для трансформации вербального текста. Добавление к тексту изображения может актуализировать другое значение многозначного слова или омонима, создавая неоднозначность и трансформируя вербальный текст.

При использовании тактики отсылки к традиционным представлениям содержание текста также может трансформироваться, потому что традиционные и стереотипные представления обычно упрощают действительность. А. М. Улановский проанализировал рисунки, представляющие собой визуальные метафоры (символические изображения) счастья [9]. Он установил, что этот образ в сознании реципиентов представлен неточно или неверно. В ходе экспериментов было установлено [12], что при восприятии стереотипов воспринимаются и идеологические смыслы (если они заложены в стереотипе), что не всегда подразумевается в тексте. Иногда традиционные представления полностью соответствуют тому, что имеется в виду в тексте, тогда отсылка к ним служит для поддержки содержания текста. Обыденные образы, использующиеся при иллюстрировании текста, могут служить разным целям, например, или улучшать узнаваемость, или отвлекать от содержания текста.

Обратимся к тактике контрастного сопоставления. Вербальный текст может содержать явное сопоставление. Тогда такая тактика используется для «поддержки» содержания вербального текста. Если вербальный текст явного сопоставления не содержит, использование сопоставления при иллюстрировании усиливает контрастность, что должно считаться трансформацией. Создание контрастности на изображении при отсутствии такого сопоставления в вербальном тексте – это уход от содержания текста.

В разных целях может использоваться и тактика эмоциональной настройки в зависимости от соотношения информации иллюстрации и информации вербального текста. О поддержке содержания текста речь идёт в случае соответствия эмоционального настроения иллюстрации описываемому в тексте.

Существуют объекты и явления, которые имеют положительную или отрицательную оценку в сознании носителей лингвокультуры (например, свадьба или похороны). Если в вербальном тексте описание события не имеет эмоциональной оценки², а изображение объекта или события не-

² См. исследование Е. В. Габриеловой [3].

сёт дополнительный отрицательный или положительный эмоциональный настрой (создаваемый, например, путём использования определённой цветовой гаммы), тактика имеет целью трансформацию содержания вербального текста. На первый взгляд кажется, что эмоциональная нагрузка иллюстрации соответствует описываемому объекту или событию. Однако если такой текст по какой-то причине написан неэмоционально, то иллюстрация трансформирует вербальный текст, создавая дополнительную эмоциональную нагрузку. Такой подвид тактики можно классифицировать как тактику нагнетания эмоциональности и экспрессивности. Эмоциональность иллюстрации может находиться в отношениях противоречия или противоположности с эмоциональной нагрузкой вербального текста, тогда это уход от содержания текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные данные позволяют выделить три группы манипулятивных тактик. Первую из них можно назвать *поддерживающими*³: с их помощью содержание текста как бы получает поддержку, дополнительную защиту со стороны иллюстрации. Вторую группу мы назвали *трансформирующими тактиками*⁴. Их использование приводит к трансформации содержания текста. Тактики третьей группы называются *уводящими*⁵, они предназначены для отвлечения адресата от содержания вербального текста. С помощью тактик первой группы иллюстрация говорит то же, что было написано в тексте; с помощью тактик второй группы иллюстрация что-то добавляет к содержанию текста или изменяет его; с помощью тактик третьей группы иллюстрация отвлекает читателя от содержания вербального текста.

Между этими группами тактик пролегает весьма условная граница. Доказано, что содержание изображения и содержание вербального текста не могут быть одинаковыми. Иллюстрация всегда трансформирует содержание вербального текста, что-то добавляя, куда-то уводя (в разной степени) от содержания вербального текста.

Определить, какая тактика использована, можно с помощью критерия минимальных необходимых трансформаций⁶. Первыми двумя критериями применения переводческих трансформаций являются мотивированность и минимальность [5].

Если переформулировать эти критерии к ситуации «перевода» вербального текста на «визуальный язык», можно получить следующие результаты. Первый: перекодировка языка одной знаковой системы на язык другой обладает мотивированностью трансформации. Существует два вида мотиви-

³ Термин наш – И. В., В. И.

⁴ Термин наш – И. В., В. И.

⁵ Термин наш – И. В., В. И.

⁶ Термин теории перевода.

рованности. Это или необходимость, определяемая способом подачи информации, или необходимость достижения равноценности направленного воздействия. Трансформация вербального текста, в результате которой объектам вербального текста придаются визуальные параметры, без которых невозможно изображение, признаётся необходимой.

Согласно второму критерию, трансформация должна быть минимальной из возможных. Добавлять необходимые визуальные параметры объектам вербального текста следует в соответствии с критерием минимальности. Т. е. визуальный критерий должен быть насколько возможно «незаметен» и не акцентировать свою семантику.

Если трансформации содержания вербального текста при добавлении изображения отвечают критериям минимальности и необходимости, значит, применены тактики первой группы. Если изменения больше минимальных и необходимых, используются тактики второй группы. Нужно иметь в виду, что определённое изменение вербального текста присутствует практически всегда. Даже при использовании тактики повторения часто иллюстрация является «украшающей», она ничем не способствует пониманию вербального текста, а служит приданию привлекательности читаемому материалу [13]. Граница между второй и третьей группами довольно сложно определима и фактически сводится к вопросу, какие изменения не меняют сущности объекта, а при каких он становится чем-то иным.

В этих случаях можно прибегнуть к логическому анализу полного содержания конститuentов креолизованного текста, а также содержания параметров составляющих. Если между содержанием вербального текста и содержанием изображения (или их частями) существуют отношения противоречия, противоположности, несравнимости, это свидетельствует о попытке отвлечения читателей от содержания вербального текста. Если число случаев наличия таких отношений между составляющими креолизованного текста является значимым, автор использует уводящие тактики.

Порог значимости устанавливается математически. Для этого определяют, какой процент наличия отношений несравнимости, противоречия и противоположности между содержанием вербального текста и содержанием иллюстрации будет считаться применением уводящей тактики.

Теоретические положения позволяют разработать модель исследования креолизованного текста математическими методами. При этом цифровые значения, конечно же, не должны рассматриваться как абсолютные величины. Они лишь помогают выявить существование отношений между разномодально представленной информацией и определить интенции и цели автора текста. Манипуляция представляет собой скрытое воздействие. При анализе креолизованного текста «на глаз» можно не выявить манипулятивного воздействия со стороны опытного профессионала. Поэтому необходима разработка формальных методов.

Креолизованный текст, как видно из характеристики особенностей его восприятия, является эффективным средством реализации стратегии манипуляции. Его манипулятивный потенциал увеличивает тот факт, что реципиенты некритично относятся к формальной стороне креолизованного текста, так как она не находится в фокусе их внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и международная коммуникация: на материале креолизованных текстов. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Издательство МГУ, 1989. 239 с.
3. Габриелова Е. В. Импликация и экспликация оценки как средство речевого воздействия: на материале микроблога Twitter: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 25 с.
4. Елишев С. О. Социальное манипулирование современной молодежью: автореф. дис. ... докт. социол. наук. М., 2018. 73 с.
5. Латышев Л. К., Северова Н. Ю. Технология перевода. 4-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2019. 263 с.
6. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 215 с.
7. Пастуро М. Красный. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 160 с.
8. Пастуро М. Синий. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 144 с.
9. Улановский А. Ложные метафоры счастья [Электронный ресурс]. URL: <https://positivepathway.wordpress.com/2013/11/19/metaphor> (дата обращения: 29.06.2020).
10. Яньшин П. В. Психосемантика цвета. СПб.: Речь, 2006. 368 с.
11. Itten J. Kunst der Farbe: Studienausgabe. Ravensburger, 1970. 94 s.
12. Huang S.-Y. The intersection of multimodality and critical perspective: Multimodality as subversion // Language Learning & Technology. 2015. № 19 (3). P. 21–37.
13. Luo Y., Lin Y. Effects of Illustration Types on the English Reading Performance of Senior High School Students with Different Cognitive Styles [Электронный ресурс] // English Language Teaching. 2017. Vol. 10, № 9. URL: <http://doi.org/10.5539/elt.v10n9p1> (дата обращения: 29.06.2020).
14. Riedel I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie. Stuttgart: Kreuz, 1999. 268 s.
15. Stein J. P., Sehic S., Appel M. Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen // Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co. / hrsg. M. Appel. Berlin: Springer, 2020. S. 177–187.
16. Wildgen W. Visuelle Semiotik. Die Entfaltung des Sichtbaren. Vom Höhlenbild bis zur modernen Stadt. Bielefeld, 2013. 356 p.

REFERENCES

1. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhdunarodnaya kommunikatsiya : na materiale kreolizovannykh tekstov* [Linguistics of the text and international communication: on the basis of creolized texts]. Moscow, Academy Publ., 2003. 128 p.
2. Voishvillo E. K. *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskii analiz* [Concept as a form of thinking: logical and epistemological analysis]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publishing House Publ., 1989. 239 p.
3. Gabriellova E. V. *Implikatsiya i eksplikatsiya otsenki kak sredstvo rechevogo vozdeystviya: na materiale mikrobloga Twitter: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The implication and explication of the assessment as a means of speech impact: on the basis of the microblog Twitter : abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2018. 25 p.
4. Elishev S. O. *Sotsial'noe manipulirovanie sovremennoi molodezh'yu: avtoref. dis. ... dokt. sotsiol. nauk* [Social manipulation of modern youth : abstract of PhD thesis in Sociological sciences]. Moscow, 2018. 73 p.
5. Latyshev L. K., Severova N. Yu. *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 263 p.
6. Novikov A. I. *Semantika teksta i ee formalizatsiya* [Semantics of the text and its formalization]. Moscow, Science Publ., 1983. 215 p.
7. Pastoureau M. Rouge. Histoire d'une couleur (Russ. ed.: Kulish N., transl. *Krasnyj. Istoriya tsveta*). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 160 p.).
8. Pastoureau M. Bleu. Histoire d'une couleur (Russ. ed.: Kulish N., transl. *Sinii. Istoriya tsveta*). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 144 p.).
9. Ulanovsky A. *Lozhnye metafory schast'ya* [False metaphors of happiness]. Available at: <https://positivepathway.wordpress.com/2013/11/19/metaphor> (accessed: 29.06.2020).
10. Yan'shin P. V. *Psikhosemantika tsveta* [Psychosemantics of color]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 368 p.
11. Itten J. Kunst der Farbe: Studienausgabe. Ravensburger, 1970. 94 s.
12. Huang S.-Y. The intersection of multimodality and critical perspective: Multimodality as subversion. In: *Language Learning & Technology*, 2015, № 19 (3), pp. 21–37.
13. Luo Y., Lin Y. Effects of Illustration Types on the English Reading Performance of Senior High School Students with Different Cognitive Styles. In: *English Language Teaching*, 2017, vol. 10, no. 9. Available at: <http://doi.org/10.5539/elt.v10n9p1> (accessed: 29.06.2020).
14. Riedel I. Farben in Religion, Gesellschaft, Kunst und Psychotherapie. Stuttgart, Kreuz, 1999. 268 s.
15. Stein J. P., Sehic S., Appel M. Machtvolle Bilder und Bildmanipulationen. In: Appel M., hrsg. Die Psychologie des Postfaktischen: Über Fake News, „Lügenpresse“, Clickbait & Co. Berlin, Springer, 2020, S. 177–187.
16. Wildgen W. Visuelle Semiotik. Die Entfaltung des Sichtbaren. Vom Höhlenbild bis zur modernen Stadt. Bielefeld, 2013. 356 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2020

Статья размещена на сайте: 05.11.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Вашунина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российского нового университета; e-mail: vashunina@yandex.ru

Ильина Виолетта Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета; e-mail: violette-viola@inbox.ru

Irina V. Vashunina – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Linguistics and Intercultural Communication, Russian New University; e-mail: vashunina@yandex.ru

Violetta A. Ilyina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Translation Theory and Practice, Russian New University; e-mail: violette-viola@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Вашунина И. В., Ильина В. А. Креолизация текста как тактика в рамках манипуляционной стратегии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Vashunina I. V., Ilyina V. A. Text creolization as manipulative strategy tactics. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81-119

Пугачева Е. Ю.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ПИСАТЕЛЬ» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

АННОТАЦИЯ

Цель – изучение использования отрезков текста со сменным субъектом речи в дневниковом дискурсе на предмет их способности передачи эмоционального состояния нарратора.

Процедура и методы. Исследование проведено с помощью многупланчатого дискурсивного анализа, последовательно включающего контекстологический, лингвокультурологический, квантитативный этапы.

Результаты. Установлено, что социальная роль «писатель» представляет собой сложный лингвистический феномен, обладающий значительным семантическим и функциональным потенциалом, не сводящийся в однозначный конструкт ни в плане формы, ни в плане содержания.

Практическая значимость. Эксперимент убедительно доказывает, что инструмент переключения с одной тематической канвы на другую заметно повышает эмотивность и смысловую содержательность текста в целом. Не менее значимым выводом считаем возможность использовать интертекстуальные вкрапления как способ релевантной характеристики языковой личности, что может внести вклад в развитие теории языка, положив начало такому направлению, как интердискурсивная характерология.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интертекстуальность, прецедентность, интертекстуальные вкрапления, цитата, тематический регистр, реминисценция, глубинный смысл

СТРУКТУРА

Введение

Исследование материала дневников Л. Н. Толстого

Исследование материала дневников Дж. Фаулза

Сопоставительный анализ собранных данных

Выводы

E. Pugacheva

Moscow Region State University

24 ulitsa Vely Voloshinov, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL ASPECT OF “WRITER” SOCIAL ROLE IN LEO TOLSTOY’S AND JOHN FOWLES’ DIARY DISCOURSE: COMPARATIVE ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. The study of textual parts with interchangeable speech subjects in diary discourse to determine their ability to render the emotive state of the narrator.

Methodology. Multiphase discourse analysis, including contextological, linguo-culturological, quantitative phases.

Results. It is stated that the social role “writer” represents a sophisticated linguistic phenomenon, which possesses significant semantic and functional potential and neither in its form, nor in its contents can be confined to simple uniform construct.

Research implications. The study shows that the change from one theme to another significantly increases the emotiveness and meaning of the text as a whole. An additional conclusion is that this type of intertextual insertions may be used as a relevant characteristic of language personality, and may contribute to the development of language theory by laying the foundation to a new branch – interdiscursive characterology.

KEYWORDS

intertextuality, precedent, intertextual inclusion, quotation, thematic register, reminiscence, innermost sense

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – проследить особенности вербализации эмотивного состояния языковой личности при переключении внимания в дневниковых записях с одного на иной тематический регистр и, следовательно, иную социальную роль. Как показал анализ литературы по поднимаемому вопросу, в научных кругах объектом выступали либо отдельно языковая личность [2; 3; 5; 6], либо дискурсивное пространство [1; 5; 7], либо средства вербализации эмотивного состояния [4]. **Объектом** исследования в представляемой статье выступают отрезки текста со сменным субъектом речи, изучаемые на **предмет** их способности к передаче эмотивного состояния пишущего. **Материалом** послужили записи дневников Л. Н. Толстого за период с 1847 по 1894 гг. и Дж. Фаулза за период 1949–1965 гг.

Алгоритм исследования включает несколько взаимосвязанных этапов: 1) методом сплошной выборки выявить отрывки дневниковых записей указанных авторов, в которых наиболее ярко проявлена социальная роль «писатель»;

2) контекстуальным и лексико-стилистическим методами выделить фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности, присущие обозначенной социальной ипостаси языковой личности автора дневникового дискурса, чтобы определить эмотивное состояние пишущего; 3) сравнительно-сопоставительным методом провести анализ собранных данных и 4) общепедагогическим методом дедукции сделать вывод по проделанной работе.

Говорить о художнике слова в глобальном масштабе и лингвисте в частности достаточно сложно, поскольку каждый резидент языка таковым является в большей или меньшей степени. Мы все порой творим неологизмы, создаём тексты. Но те колоссы, чьё литературное наследие составило значимый слой человеческой истории в целом, заслуживают особое внимание. Благодаря их усилиям многие начинают видеть сам мир иначе. Сложно поспорить с тем, что всё зависит, с какой стороны взглянуть и какими словами подать свое мировидение.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ДНЕВНИКОВ Л. Н. ТОЛСТОГО

Как заявлено в представлении алгоритма работы, первоочередной задачей исследования является определение общего количества отрезков текста дневников с тематическим наполнением «писатель». Следует отметить, что творческое становление обоих авторов продолжалось всю их сознательную жизнь; и определить, где начинается или заканчивается эта социальная роль, весьма затруднительно. Каждая фраза или мимолётное замечание говорит о мастерстве оттачивания неповторимого идиостиля, поиске точного отражения сути, способов и средств истинного самовыражения. Методом сплошной выборки в дневниковом наследстве Л. Н. Толстого обнаружены 42 примера.

Итак, читаем у Л. Н. Толстого: «Всякий писатель для своего сочинения имеет в виду особенный разряд идеальных читателей. Нужно ясно определить себе требования этих идеальных читателей, и ежели в действительности есть хотя во всем мире два таких читателя – писать только для них. Описывая типы или пейзажи, необыкновенные для большинства читателей, никогда не выпускать из виду типы и пейзажи обыкновенные – взять их за основание и, сравнивая с ними необыкновенные, описывать их»¹.

Представляется необходимым прежде всего разобрать этот отрывок с точки зрения контекстной стилистики, чтобы определить мельчайшие особенности, характерные для языковой личности Толстого-писателя. Первое, что непременно привлекает внимание, – это рельефность текста: автор, базируясь на противопоставлении, разводит такие понятия, как *всякий* (писатель) – я (как конкретный пример); *любой* (читатель) – *идеальный* (для меня), *особенный*, *необыкновенный* – *обыкновенный*, *большинство* (читателей), *весь мир* – *двое* (мои, идеальные). Заметим, что контрастность создаёт условия для формирования синтаксического параллелизма и лексических повторов.

¹ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 80.

Попутно заметим, что тема избранного меньшинства волновала Дж. Фаулза не меньше: вспомним его знаменитый роман «Аристос»² (1964). Проблема поиска своего интеллектуального двойника заключается в самой глубине подхода к каждому вопросу: в определении их горизонтов, способности опережать развитие современников, задавая направление общенационального развития соответствующей лингвокультуры.

Второе отличие этого отрезка – номинативная плотность текста, намеренный уход от стилистического разнообразия и активное донесение конкретной мысли. Автор стремится к управлению вниманием реципиента – последовательно и доходчиво, как терпеливый наставник пестует своего лучшего подопечного. Методичность подхода Л. Н. Толстого эксплицитно выражается в модальности текста (*нужно, никогда, требования*), что не вступает в противоречие с гиперболой – *хотя во всем мире два*. И здесь проявляется ещё одна особенность идиостиля Л. Н. Толстого-писателя – диффузность границ этой социальной роли. При внешней (лексической) ограниченности рамками роли «писательства» внутренне (семантически) она корреспондирует со множеством сопутствующих: отец – сын, учитель – ученик, ваятель – материал и т. д. Л. Н. Толстой никогда и не отделял писательства от «искусства, педагогики и семьи»: писательская деятельность, цель её – «просвещение, исправление и соединение»³. Сложно здесь не увидеть огромной движущей силы – любви к человечеству, потребности к созиданию и воспитанию.

Приведём ещё пример: *Романы кончаются тем, что герой и героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разжились, то есть освободились. А то описывать жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это всё равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам*⁴.

Размышления над сюжетной линией будущих и находящихся в процессе писания романов составляют незримую ткань дневникового наследия: то подслушанный разговор крестьян с истинно русским колоритом речи и неприменной тоской по утраченному счастью, то песня цыган с залихватским припевом, то отчаянная молитва матери по безвременно почившему сыну. В каждом слове чувствуется труд впитывания и адаптирования окружающего мира в угоду своему читателю, что как нельзя лучше формировал Л. Н. Толстого-романиста.

Относительно русского романа Л. Н. Толстой часто отмечал, что там, где заканчиваются зарубежные истории словами: «и жили они долго и счастливо», – русский реалистический роман только зарождается. С точки зрения стилистики обращает на себя внимание построение высказывания на проти-

² Fowles J. The Aristos. London: Vintage, 2001. 196 p.

³ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 289.

⁴ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 508.

вопоставлении: *кончатся – начинать, женились – разженились, герой – героиня*. Примечательны сравнения брачующихся то с путешественниками, то с пленёнными разбойниками, то с освобождением. Метафорика подобного сопоставления понятна русскому человеку: сочетание собственной жизни с жизнью другого имеет много общего с приключенческим блокбастером, где обстоятельства непременно вставят палки в колеса, как те самые разбойники, перед которыми капитулируют даже самые отчаянные.

Обращают на себя внимание группы слов одной тематической области: *описывать, описание, описывая; обрывать, оборвать, путешествие, путешественник*, – но при этом не возникает ощущения избыточности. Писатель намеренно прибегает к «облегчённому» синтаксису: предложения не осложнены многочисленными однородными членами, столь характерными для творчества Л. Н. Толстого. Второй пример показывает, что сохраняется метод компенсации: сложный синтаксис поддерживается упрощённым лексическим составом, а внешняя тематическая закрытость поддерживается внутренней семантической открытостью.

Оба примера ярко отражают образ автора в тексте, о чём сам Л. Н. Толстой активно рассуждал на страницах дневников: *Читая сочинение, в особенно[ст]и, чи[ст]о литературное, – главный интерес со[ст]авляет характер автора, выражающийся в сочинении. Но бывают и такие сочинения, в которых автор аффектирует свой взгляд или не[ск]олько раз изменяет его. Самые приятные [суть] те, в которых автор как будто [ст]арае[тс]я [ск]рыть [св]ой личный взгляд и вме[ст]е [с т]ем о[ст]ае[тс]я по[ст]оянно верен ему везде, где он обнаруживае[тс]я. Самые же бесц[ветные] те, в которых взгляд изменяе[тс]я так ча[ст]о, что совершенно теряе[тс]я⁵.*

Ещё одно откровение писателя – уметь сохранять чёткую канву произведения. Как видим, для обозначения отклонения от таковой Л. Н. Толстой имеет особый термин – «аффектация», т. е., согласно словарю Ожегова: «неестественная, показная возбужденность в поведении и речи». В конце XIX в. на страницах словаря Брокгауза и Ефрона указывалось, что при помощи аффектации люди стремятся произвести желаемое впечатление, представить внешним образом такие чувства, которых на самом деле в настоящий момент не испытывают⁶. Следовательно, эмоциональный модус, что стоит за данным высказыванием, включает прежде всего поиск искренности и верности себе. В качестве доказательства можем привести целый ряд использованных инструментов: 1) синонимические ряды лексических единиц *чисто, изменяет, скрывает, остается, постоянно, верен, обнаружи-*

⁵ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 115.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 41 т. Т. 2а. С. 523 [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Энциклопедический_словарь_Брокгауза_и_Ефрона (дата обращения: 26.02.2020).

вается, самые приятные, самые бесцветные, совершенно, теряется; 2) параллельные конструкции; 3) аллитерированные отрезки речи, создающие ощущение напряжения.

Такие сложности приходится преодолевать писателю, чтобы иметь резонанс в обществе, чтобы быть услышанным большим числом людей и чтобы иметь рычаги воздействия на судьбы страны. Как известно, в России поэты и писатели всегда были и поныне остаются большим, чем мастера слова. Они – глашатаи вопросов, стоящих на повестке дня страны. Они – дрожжи, на которых поднимается негодование волна, способная привести к качественному изменению в стране в целом: Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к **одному** настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей к **одному** и тому же настроению, как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали все значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни! Если бы только они так же заботливо лелеяли её, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всевозможной красоте. А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы, или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими⁷.

Приведём стилистический разбор цитаты. Автор дневника трижды уважительно называет результат своего труда – художественное произведение. И, как истинный художник, не теряет случая использовать яркую образность метафор: *со-настраивать* (людей), *заражать*, *подчинять*, *лелеять*. Повторы лексические (*одному настроению*), синтаксические (*если бы только \ \ если бы только*), единоначалие, противопоставление (*не испортить – произвести во всевозможной красоте, лелеять отражение – лелеять жизнь*), повышенная эмоциональность, инверсия, нарастание (*сила воздействия – дело жизни – сама жизнь*) – создают ощущение пафосности высказывания и искренней заинтересованности Писателя в самой жизни и способах эффективного воздействия на неё с помощью слова.

С точки зрения теории языка можно отметить, что выявленные лексико-стилистические особенности определяют не только идиостиль автора, но и его личностные характеристики, выходящие за рамки функциональной нагрузки текста.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛА ДНЕВНИКОВ ДЖ. ФАУЛЗА

Так же, как и Л. Н. Толстой, Дж. Фаулз долго и мучительно отбирает каждую лексическую единицу для точного отображения истинного смысла высказывания. Он не приемлет расхожих фраз, годных для описания чего угодно: *Then there is 'niceness' as a standard of judgement – God, how I hate that word,*

⁷ Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 497.

too – ‘a nice girl’, ‘a nice road’. Nice = colourless, efficient, with nose glued to the middle path, with middle interests, dizzy with ordinariness. Ugh!⁸.

Приведённое высказывание весьма эмоционально: много междометий (God, Ugh!), пунктуационных выдвиганий (тире, кавычки, знак «равно», привнесённый из математической системы, восклицательный знак), четырёхкратно повторённая многозначная лексическая единица *nice* – 1) *kind or friendly*; 2) *giving pleasure*; 3) *good, showing or needing careful understanding or decision, delicate*; 4) *having high standards of moral or social behavior*; 5) *amusing*; 6) *beautiful*; 7) *interesting*⁹, включая неологизм *niceness*, и целый синонимический ряд различных по стилям компонентов: от нейтральных *colourless, ordinary, standard, efficient, middle* до идиоматических и сленговых выражений. Метафорика последних весьма образна: метонимия (*нос вместо человек*); гипербола (*нос приклеен*), означающая проявление неопишуемой силы, с которой невозможно совладать; метонимическая метафора (*центр дороги*), обозначающая средний класс, идущий проторенными тропами, не ведающий проблем первопроходцев; гиперболическая метафора (*вызывающий тошноту от обыденности*).

Синтаксически выделяется опоясывающая модальность: в начале выражение гнева за счёт инверсии и лексической единицы *hate* – *a very strong dislike, detest, regret*¹⁰, далее следует расшифровка причин такой реакции и финальное «Тьфу!», ставящее точку в рассуждении и одновременно бросающее вызов несогласным. Данное высказывание интердискурсивно: его оппонентами выступают любители не задумываться над глубинными ощущениями, равнодушные обыватели, включая его собственных родителей, чьё отношение к жизни не вызывало одобрения у Дж. Фаулза.

Но в отношении истинной красоты Фаулз не скупился на комплименты: *Being a poet, divining beauty, is like divining nature – a gift. It does not matter if one does not create. It is enough to have a poetic vision. To see the beauty hidden. As I did tonight, hearing someone whistle in the distance as I stood by an open window. I felt all kinds of moods of streets at night, of walking with loved women, of dark blue and whiteness, and strange, magical desertion of streets at night. I felt it exactly in a moment, such a rush of impressions that they can hardly be seized.* **Algernon Blackwood: “To feel like a poet is not to be a poet”.** True, yet, poetry making, is not necessarily printing of words. It is a philosophical outlook, an epicureanism, a hedonism¹¹.

Призвание быть поэтом, по Дж. Фаулзу, есть дар, вскрывающийся в стремлении обожествлять красоту. Отметим, что об этом много и часто рас-

⁸ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 289.

⁹ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 918.

¹⁰ Longman Dictionary of English Language and Culture. 4th impr. Harlow: Longman, 2000. P. 606.

¹¹ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 4.

суждал Л. Н. Толстой¹². Уподобление поэта натуралисту позволяет поставить знак равенства между природой и миром прекрасного, поскольку одно есть в другом, и второе есть суть первого. Повторённая дважды метафора *обо-жествление* формирует пietet по отношению к объекту повествования и соответствующую модальность, что непременно выдаёт эмоциональный резонанс автора дневникового дискурса. Как видим, между текстами обоих дневников устанавливаются параллели и тонкий «эхо-образный» диалог.

Одновременно образуется противопоставление *обо-жествлять, суметь распознать и иметь поэтическое видение vs создавать, печатать текст*, поскольку поэт лишь транслирует внешнее в слова, он не продуцирует красоты, но пытается найти ей некое соответствие в языковом выражении. Не можем не отметить, что именно об этом повествует Л. Н. Толстой¹³, обращаясь к прямому цитированию Ж. Санд (и многих других известных мыслителей). Не случайно в английском есть поговорка *Great minds think alike*, что переводится как *Великие умы мыслят сходно*.

Далее Дж. Фаулз поясняет, что вовсе не требуется колоссальных усилий, чтобы увидеть прекрасное вокруг себя, – достаточно лишь открыть окно и присмотреться. Заметим, что в этой социальной роли много от роли музыканта и художника. Но при этом его привлекают не только звуки, но и настроения, цветовая гамма, прикосновения и проч. Таким образом формируется зевгма: *whistle in the distance, moods of streets at night, walking with loved women, dark blue and whiteness, desertion of streets*. Возникают волнующие эпитеты *strange, magical*, инвертированные эпитеты *a rush* (стремительное движение, натиск, напор, череда, состязание) *of impressions*.

Кульминационным орнаментальным элементом данного высказывания выступает выдержка из текста А. Блэквуда. Включение чужеродного текста в данном случае, как и в случае с привлечением мнения Ж. Санд у Л. Н. Толстого, служит дополнительным инструментом убеждения в собственной правоте и усиления утверждающей модальности полного приятия.

Парадокс, высказанный А. Блэквудом, заставляет задуматься: «Чувствовать как поэт ещё не значит быть поэтом». В чём смысл? Дело в том, что найти достойные образные средства для отображения действительности может далеко не каждый, но тот, кто не страшится быть осмеянным, осуждённым, тот, кто не идёт проторенными тропами, а ведёт за собой, формируя новый взгляд на привычные вещи. Именно эти качества характера способствуют становлению творческой языковой личности, образуемой в совокупности тем множеством социальных ролей и сфер, что отличают изучаемое призвание.

Заключает это изречение интертекстуальная градация: *a philosophical outlook, an epicureanism, a hedonism*. Поэт – это философ, он – эпикуреец, ге-

¹² Толстой Л. Н. Дневники 1895–1910 гг. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. / под ред. Н. К. Гудзия. Т. 19. М.: Художественная литература, 1965. С. 357, 510.

¹³ Там же. С. 106, 109, 361.

донист. Как видим, Дж. Фаулз активно пользуется философскими терминами и не стремится быть доступным всем. Он ищет своего читателя, соратника мысли, созвучного его камертону настроений.

Как известно, эпикуреец – это последователь Эпикура, именовавшего себя «философом из сада». Он основал общину, в которой царили скромность, отсутствие излишеств и доброжелательная атмосфера. Перед входом в «Сад» стоял кувшин с водой и лежала лепёшка хлеба как символы того, что человеку в этой жизни нужно совсем немного, но высшим благом считается наслаждение жизнью. Гедонизм (др.-греч. ἡδονή – «наслаждение», «удовольствие») – аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью, тогда как все остальные ценности являются инструментальными, т. е. средствами достижения удовольствия.

Как видим, в обеих философских концепциях выдвигается на первое место внутренняя способность наслаждаться и получать удовольствие. Но отличие этих систем в том, что причиной наслаждения выступает *духовное*: радость можно получить от имеющегося, пусть и малого. В этом указанные школы схожи со многими религиозными течениями: христианством, проповедующим радость; буддизмом, именуящим радость приятием и т. д. На данном этапе исследования можно заключить, что социальная роль «Писатель» в личности Дж. Фаулза вызывает наибольший эмоциональный резонанс за счёт сочетания таких смежных ролей, как художник, философ, музыкант. Стилистические проявления этой роли наиболее многообразны и репрезентированы на всех языковых уровнях, с привлечением внешних связей текстов, т. е. дискурсивного пространства.

Рассмотрим ещё пример: *Writing a poem is like standing on some shore and saying, 'I shall row to that enchanting island over there'. But when I start rowing, the joy of the action makes me lose all sense of direction, and of course eventually one returns always from where one set out, plus experience, but minus perfect success, which is unattainable. And when, later, I look back over the route, the rowing which was joy, it seems ridiculous, petty*¹⁴.

В приведённой выдержке представлено уподобление поэтического сочинительства путешествию (отметим, что у Л. Н. Толстого также используется это уподобление) к неизвестному, что поддерживается аллитерированным звуком [s], сопряженному с мистикой и тайной. Аналогия выстраивается по следующим основаниям: берег – предположение, остров – цель, воплощение намерения (отметим эпитет *enchanting* (*чарующий, пленительный, волшебный, достойный воспевания*; образованный от фр. *chanter* – петь), гребля – собственно творческий процесс. Заметим, что это намерение передаётся прямой речью, что также поддерживает свойство дискурсивности выбранной цитаты.

¹⁴ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 12.

Продолженная метафора включает троекратное повторение лексической единицы *row* (грести, принимать участие в гонках), что провоцирует её гиперсемантизацию и уподобление действия мучительному преодолению себя, тягот умственных усилий, что противоречит присутствию музыки и желанию посетить рай посреди океана.

Отметим повышенную семантическую насыщенность грамматических времён: от неопределённого будущего *shall row* через настоящее *start rowing* к прошедшему *the rowing was joy*. О чём сигнализирует такое смещение перспективы? В отдалении остров кажется прекрасным, и ожидания от его посещения создают модальность восторженного предположения. Путешествие на лодке теряет свойство лёгкой незатейливой прогулки, поскольку проявлять способности надо здесь и сейчас (вспомним про разбойников во время путешествия у Л. Н. Толстого); а по прошествии времени остаётся признать факт, что не остров с его иллюзорностью служил причиной радости, но само эмоциональное вовлечение в процесс (не)успешной реализации – путешествие к мечте.

Эпитеты, вовлечённые в дескрипцию, также сигнализируют об этом: *unattainable* (недостижимый), *ridiculous* (нелепый, смехотворный, оскорбительный), *petty* (мелкий, незначительный, маловажный). И даже эти отрицательно заряженные элементы в ретардации начинают приобретать положительные коннотации, поскольку автор добавляет *plus experience, but minus perfect success*, что значит *опыт превосходит по значимости недостижение успеха*. Такая общность мысли передаёт модальность согласия и эмотивное расположение, о чём также свидетельствует синтаксическое расположение этого тематического рефрена. Постпозиция, как уже было замечено при изучении дневникового дискурса Л. Н. Толстого, обобщает приведённые ранее доводы.

Ещё пример: *Writing fever. Can't get any university work done. Full of ideas for "Cognac" and full of frustration at not having the time to do them. "Cognac" must aim at being popular, with art overboard. The idea came all in two hours last night and this morning*¹⁵.

Данная запись относится к 25 сентября 1949 г. и следует за описанием музыкальных впечатлений от прослушанных произведений джаза и классики. Под впечатлением от прослушанного Дж. Фаулза придумывает новый проект под названием «Коньяк», что неизменно связано с азартом и упоением подготовкой. Дважды употреблённое название отражает модальность: автор получает удовольствие от его экзотического звучания и образных ассоциаций. Вдобавок оно персонифицируется и само выбирает целевую аудиторию.

Вспомним, что у Л. Н. Толстого функция писателя – *заразить* одним настроением читателей. Метафора поддерживается последующим наречием *art overboard*, что переводится как *творческий энтузиазм, впасть в раж* от искусства. Синтаксическая связь отражает учащённый ритм сердцебиения и воз-

¹⁵ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 4.

никновение многочисленных идей в душе писателя. Одновременно возникает обращение к лексико-семантическому полю с ядром «Время»: идея родилась за два часа, времени не хватает для должного воплощения задуманного.

В продолжение поднятого вопроса Дж. Фаулз пишет: *The question of intimacy in style – the objectivist always writes for a potential reader other than himself; he never half alone and **chez soi**, never getting to the rock-bottom of things, for the style affects the expression. The subjectivist writes purely for himself, egoistically saying a thing in the way, which seems to himself best to express exactly his point of view of it. All creation tends to one of these two poles, which are, very approximately, **classical and romantic**. This is an interesting test to perform on all memoirists and diarists. What if the greatest combines the two qualities?*¹⁶

Выдержка представляет собой часть пространного рассуждения на извечную тему времени и его преходящего характера, его ценности и относительности, его значимости для определённых видов искусств (музыка, фотография) и его абстрактности для живописи. Вопрос откровенности в писательском ремесле – это вопрос Правды, который является центральным концептом в творчестве Л. Н. Толстого. Вот почему в этом отрезке намечаются две цепочки лексических единиц, отражающие позицию автора: 1) *objectivist, potential reader, never half alone and **chez soi**, never getting to the rock-bottom of things, classical*; 2) *subjectivist, for himself, egoistically, best to express, romantic*.

Важным компонентом этих цепочек становится противопоставление, вынесенное в ретардацию: *classical – romantic*. Примечательно, что эти нейтрально заряженные лексические единицы контекстно развивают эмотивный модус, придавая знак «минус» классическому, конформистскому, ожидаемому и знак плюс эгоистичному, камерному, романтическому. На наш взгляд, лексическая единица *romantic* является весьма неожиданным компонентом, нарушающим структуру предсказуемости предложения, и именно этот инструмент становится катализатором эмотивного модуса писателя. Вероятно, эмотивный заряд представленного сверхфразового единства как раз содержится в нарушении ожидаемости, что достигается за счёт привлечения средств других областей сферы человеческой деятельности, т. е. интердискурсивности.

Тот же эффект достигнут в первом лексико-семантическом поле с ядерным компонентом «Объективность» посредством варваризма *chez soi* (фр. у себя дома). Положительно оцениваемая общественностью и служащая недостижи-

¹⁶ Fowles J. The Journals : in 2 vols. / ed. Ch. Drazin. Vol. 1. 1949–1965. London: Vintage, 2004. P. 10. Вопрос стилистического своеобразия – объективист всегда пишет для потенциального читателя, а не для себя, он никогда не остаётся наедине с собой и *chez soi* (дома), никогда не доходит до сути вещей: ведь стиль влияет на содержание. Субъективист пишет исключительно для себя, эгоист выражает свои мысли в той форме, в какой они точнее всего представляют его точку зрения, ни на кого не обращая внимания. Любая творческая деятельность тяготеет к одному из этих двух полюсов – грубо говоря, классическому или романтическому. Можно поставить любопытный эксперимент на мемуаристах и тех, кто ведёт регулярные дневниковые записи. А что, если великие совмещают оба начала? (Фаулз Дж. Дневники 1949–1965. М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. 860 с.)

мой целью многих объективность приравнивается Дж. Фаулзом к слабохарактерности, нацеленности на целевую аудиторию, но и к потере своего «Я», а это для художника слова равносильно смерти. Данное высказывание насыщено разнообразными стилистическими приёмами: параллельными конструкциями с анафорическим повтором, создающими ауру предсказуемости *never half alone, never getting*, эмфатично-метафорическим *rock-bottom of things*, юмористическим *half alone*. Именно это противопоставление служит демаркационной линией, разделяющей мемуаристов, стремящихся достичь консенсуса между участниками событий, и авторов дневников. Но риторический вопрос, завершающий данное сверхфразовое единство, снимает тон непреклонности и резкости у автора, склонного к компромиссу и единству обеих возможных позиций.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОБРАННЫХ ДАННЫХ

В результате исследования были выявлены следующие параметры текста. Для удобства и большей наглядности представляется уместным привести их в виде сопоставительной таблицы.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительно-сопоставительный срез лексико-стилистических особенностей текстов дневников, характеризующих социальную роль «писатель» / Comparative cross-section of the lexical and stylistic features of the texts of diaries characterizing the social role of the “writer”

Параметр	Л. Н. Толстой (42)	Дж. Фаулз (37)
аллитерации	+	
анафоры	+	
Варваризмы \ термины	Не выявлено	+
гиперболы	+	+
Грамматические средства (использование разных временных форм)	Не выявлено	+
Диффузность социальной роли «Писатель», связь с искусством и музыкой (наличие отступлений)	+	+
зевгмы	Не выявлено	+
инверсии	+	
Интертекст (привлечение цитат, элемент персуазивности)	+	+
Лексические повторы, увеличивающие номинативную плотность текста и создающие ЛСП	+	+
Междометия (прямое выражение эмоции)	Не выявлено	+
метафоры	+	+

Продолжение Таблицы 1 на следующей странице

Параметр	Л. Н. Толстой (42)	Дж. Фаулз (37)
Метод компенсации	+	+
метонимии	+	+
Нарастание (градация)	+	+
Нарушение психологического ожидаемого	Не выявлено	+
неологизмы	Не выявлено	+
парадоксы	Не выявлено	+
подтекст	Не выявлено	+
Поиск своего читателя	+(100%)	+(100%)
Пунктуационное выдвигание (выход на иные знаковые системы)	Не выявлено	+
Рельефность текста	+(100%)	+(100%)
Синтаксический параллелизм	+	+
Стилевое разнообразие (сленг)	Не выявлено	+
Эмотивный модус верности, любви, правды	+	+
эпитеты	+	+

ВЫВОДЫ

1) При общем соответствии средств передачи эмотивного состояния пишущего выделяется целый ряд позиций, свойственных только языковой личности Дж. Фаулза: выход в подтекстовое пространство, парадоксы, междометия, пунктуационное выдвигание, выход на иные знаковые системы, неологизмы, варваризмы, сленгизмы, зевгмы, нарушение психологического ожидаемого.

2) Полученные результаты свидетельствуют, что в период постмодернизма литература разработала новые лексико-стилистические средства и синтактико-просодические вариации для усиления воздействия на реципиента. Упрощение литературного языка дневникового дискурса и уподобление его разговорному добавило не свобод, но ограничений в понимании между сообщающимися: заметно повысило требования к кругозору реципиента и его эрудиции.

3) Примечателен с точки зрения придания объёмности тексту дневникового дискурса выход нарратора в межтекстовое и подтекстовое пространства. Именно этот инструмент увеличивает градус эмотивного модуса и формирует межкультурный, межвременной и дистантный диалоги между читателем и писателем.

4) Разница в средствах выражения модальности может быть связана со стремлением Л. Н. Толстого к максимальному пониманию большим числом читателей его мыслей и творчества в целом, в то время как Дж. Фаулз стре-

мился к выделению избранных читателей, способных внять тому многообразию используемых им средств и тем, т. е. равных интеллектуально самому автору дневникового наследия.

5) Говоря о социокультурной роли «писатель», невозможно не упомянуть о её глобальном характере и способности объять в качестве составляющих компоненты таких смежных ролей, как «художник», «психолог», «социолог», «музыкант» и т. д., в свою очередь, конституирующие конструкт «языковая личность». Именно ввиду очевидной значимости эмоционального фона для данной социальной роли можем заключить, что она доносит координирующий смысл культуры того или иного сообщества.

6) Как в русской, так и в английской лингвокультурах социальная роль «Писатель» представляет собой сложное лингвистическое явление, обладающее значительным семантическим и функциональным потенциалом, не сводящимся в однозначный конструкт ни в плане формы, ни в плане содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдакова Ю. В. Особенности автометаописания в дневниковом дискурсе «Незамеченного поколения» (Дневник Б. Ю. Поплавского) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–1. С. 154–158.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: АСТ, АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
3. Зиннатуллина З. Р. Специфика национальной самоидентификации в дневниках Дж. Фаулза // Филология и культура. 2011. № 1 (23). С. 239–241.
4. Копеева Е. В. Эмотивные средства языка как способ вербализации критического отношения к действительности (на материале англоязычных текстов жанра эссе) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 17 (650). С. 108–130.
5. Левченко М. Н. Роман Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его языковое пространство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 15–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-15-23.
6. Лукин Д. С. Лингвокультурное представление о языковой личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 78–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-78-84.
7. Ромашкина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 182 с.

REFERENCES

1. Buldakova Yu. V. [Features of autometadescriptuion in the diary discourse of the "Unnoticed Generation" (Diary of B. Yu. Poplavsky)]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University], 2008, no. 4–1, pp. 154–158.

2. Goleman D. Emotional Intelligence (Russ. ed.: Isaeva A. P. transl. *Emotsional'nyi intellekt*. Moscow, AST, AST MOSKVA Publ., Vladimir, VKT Publ., 2009. 478 p.).
3. Zinnatullina Z. R. [Specificity of national self-identification in J. Fowles's diaries]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2011, no. 1 (23), pp. 239–241.
4. Kopaeva E. V. [Emotive language means as a way of verbalizing a critical attitude to reality (based on the essay texts in English)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2012, no. 17 (650), pp. 108–130.
5. Levchenko M. N. [The novel by H. Böll “Eyes of the Clown” and its linguistic space]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 15–23. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-15-23.
6. Lukin D. S. [Cultural linguistics representation of the linguistic personality]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 78–84. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-78-84.
7. Romashkina M. V. *Dnevnik kak literaturnaya forma* (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr) : dis. ... kand. filol. nauk [Diary as a literary form (S. Kirkegaard, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2016. 182 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 08.04.2020

Статья размещена на сайте: 27.11.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пугачева Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: elena-petrishina@mail.ru

Elena Yu. Pugacheva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Moscow Region State University; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Пугачева Е. Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «писатель» в дневниковом дискурсе Л. Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Pugacheva E. Yu. Verbalization of the emotional aspect of “writer” social role in Leo Tolstoy’s and John Fowles’ diary discourse: comparative analysis. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2020, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

НАШИ АВТОРЫ

Апресян Карина Генриховна	старший преподаватель	Финансовый университет при Правительстве РФ	KGApresyan@fa.ru
Ромашкина Альбина Бариевна	аспирант	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	albrom@mail.ru
Вашунина Ирина Владимировна	доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации	Российский новый университет	vashunina@yandex.ru
Ильина Виолетта Александровна	доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода	Российский новый университет	violette-viola@inbox.ru
Пугачева Елена Юрьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии	Московский государственный областной университет	elenapetrishina@mail.ru
Бурцева Светлана Борисовна	магистрант	Севастопольский государственный университет	lana78787878@gmail.com
Знаков Виктор Владимирович	доктор психологических наук, главный научный сотрудник	Институт психологии РАН	znakov50@yandex.ru
Палитай Иван Сергеевич	кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	8321532@gmail.com
Матюсова Анастасия Игоревна	аспирант кафедры социологии и психологии политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	nmatyusova@gmail.com
Евстафьев Дмитрий Геннадиевич	кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций	НИУ «Высшая школа экономики»	devstafiev@hse.ru
Омаров Магомед Алиевич	доктор политических наук, директор Центра социально-политических исследований и информационных технологий	Российский государственный гуманитарный университет	omarovm@list.ru

Магомедов Арбахан Курбанович	доктор политических наук, профессор кафедры теории регионоведения	Московский государственный лингвистический университет	armagomedov@gmail.com
Бродовская Елена Викторовна	доктор политических наук, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций; заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий	Финансовый университет при Правительстве РФ; Московский педагогический государственный университет	brodovskaya@inbox.ru
Домбровская Анна Юрьевна	доктор социологических наук, профессор Департамента политологии; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики	Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Московский педагогический государственный университет	an-doc@yandex.ru
Карзубов Дмитрий Николаевич	советник	Управление социальной защиты населения Северо-Западного административного округа города Москвы	karzubovdn@gmail.com
Мартынов Михаил Юрьевич	доктор политических наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник	Сургутский государственный университет	martinov.mu@gmail.com
Ушакова Надежда Владимировна	кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политико-правовых дисциплин	Сургутский государственный университет	ushakova_nv@surgu.ru
Гришина Наталия Владимировна	доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности	Санкт-Петербургский государственный университет	n.v.grishina@spbu.ru
Курилкин Антон Владимирович	соискатель степени кандидата политических наук	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	anton.kurilkin@gmail.com

Битюцкая Екатерина Владиславовна	кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	bityutskaya_ew@ mail.ru
Корнеев Алексей Андреевич	кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии факультета психологии	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	korneeff@gmail. com
Хазова Светлана Абдурахмановна	доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры специальной педагогике и психологии	Костромской государственный университет	hazova_svetlana@ mail.ru
Сапоровская Мария Вячеславовна	доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии	Костромской государственный университет	saporov35@mail. ru
Кудряшова Оксана Александровна	психолог	Макарьевский комплексный центр социального обслуживания населения (Костромская область)	krassnikova@ mail.ru
Юферева Анастасия Сергеевна	аспирант	Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; Институт философии и права Уральского отделения РАН	nesty16@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**Тема номера «Жизненное событие как предмет психологического анализа»
(приглашенный редактор – к.псх.наук. Е.В. Битюцкая)**

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Карзубов Д. Н.

ЦИФРОВЫЕ СООБЩЕСТВА ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТИВИСТОВ
В РОССИИ: ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ, УПРАВЛЕНИЕ И МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ 3

Бурцева С. Б.

АНАЛИЗ АТАКИ НА «МЯГКУЮ СИЛУ» РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ОПЕРАЦИИ 28

Евстафьев Д. Г.

НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОТЕСТНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ
ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ. ОПЫТ 2017–2020 ГГ. 46

Курилкин А. В.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В ИНТЕРНЕТ-
ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ 66

Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА С ВОЛОНТЁРСКИМ ДВИЖЕНИЕМ
(КРОСС-РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ) 80

Омаров М. А. Магомедов А. К.

ПОЛЯРНЫЙ ИСЛАМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РОЖДЕНИЕ ФЕНОМЕНА В
КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ» ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ 103

Палитай И. С., Матюсова А. И.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ОТБОРА И
КАНАЛОВ РЕКРУТИРОВАНИЯ «НОВИЧКОВ» И «СТАРОЖИЛОВ» 114

Ромашкина А. Б.

ИНТЕРНЕТ КАК ПРОСТРАНСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И
ОБЩЕСТВА 131

ПСИХОЛОГИЯ

Битюцкая Е. В., Корнеев А. А.

ДИАГНОСТИКА ВОСПРИЯТИЯ ЖИЗНЕННЫХ ТРУДНОСТЕЙ: СИТУАЦИОННЫЙ
ОПРОСНИК «ТИПЫ ОРИЕНТАЦИЙ
В ТРУДНОЙ СИТУАЦИИ» 141

Гришина Н. В.

ЖИЗНЕННОЕ СОБЫТИЕ: СИЛА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И АВТОРСТВО ЛИЧНОСТИ 164

Знаков В. В.

ПОНИМАНИЕ НЕВОЗМОЖНЫХ СОБЫТИЙ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ.....	183
---	-----

Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А

ИЗЪЯТИЕ РЕБЁНКА КАК КРИЗИСНОЕ СОБЫТИЕ В ЖИЗНИ ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ.....	198
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апресян К. Г.

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОЗИТИВНОЙ И НЕГАТИВНОЙ КОННОТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	219
---	-----

Вашунина И. В., Ильина В. А.

КРЕОЛИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК ТАКТИКА В РАМКАХ МАНИПУЛЯЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ.....	232
---	-----

Пугачева Е. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ «ПИСАТЕЛЬ» В ДНЕВНИКОВОМ ДИСКУРСЕ Л. Н. ТОЛСТОГО И ДЖ. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....	244
НАШИ АВТОРЫ.....	259
СОДЕРЖАНИЕ.....	262

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.

Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0077-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichweb, EBSCO.

Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow State Regional University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Regional University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow State Regional University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Moscow state University. M. V. Lomonosov;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science of Moscow state University named M.V. Lomonosov;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow State Regional University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana P. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University n. a. F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow State Regional University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Giril and Methodius University in Triave, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow state regional University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvatia);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia).

COTACT US:

Our address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

Work schedule: Monday to Thursday from 10-00 to 17-30,

Friday from 10:00 to 16:00,

lunch break from 13:00 to 14:00.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Германова А.Ф.

Технический редактор:

Ахриева Л.М.

Переводчик:

Приказчикова Е.В.

Корректор:

Гладунов И.К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Горбунов А.А.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».
